

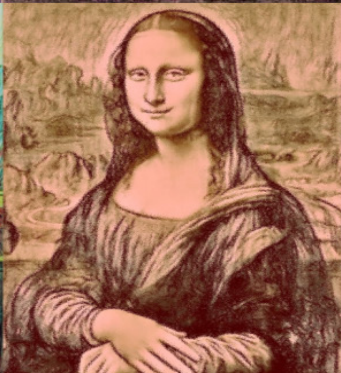
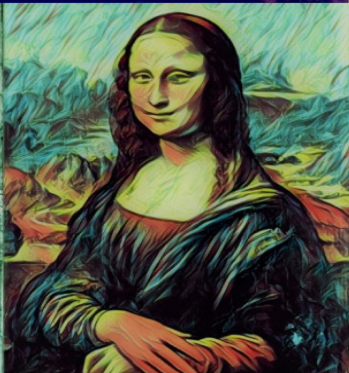
interaction интеракция

interview интервью

interpretation интерпретация

INTER

17' 2019

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

№ 17. Том 11. 2019

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор

Виктория Семенова, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия

Елена Рождественская, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Ирина Тартаковская, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Анна Стрельникова, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Павел Сушко, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Игорь Масалков, МГУ имени М.В. Ломоносова

Редакционный совет

Розвита Брекнер, Венский университет (Австрия)

Александрина Ваньке, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Том Венграф, Мидлсекский университет (Великобритания)

Леокадия Дробижева, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Кэти Дэвис, Амстердамский университет (Нидерланды)

Лена Иновлоки, Франкфуртский университет (Германия)

Ирина Козина, НИУ ВШЭ (Россия)

Кшиштоф Косела, Варшавский университет (Польша)

Елена Омельченко, НИУ ВШЭ (Россия)

Анна Роткирх, Университет Хельсинки (Финляндия)

Елена Ярская-Смирнова, НИУ ВШЭ (Россия)

*Ответственный редактор номера: Виктория Семенова, Институт социологии
ФНИСЦ РАН*

Журнал рецензируемый

Индексируется РИНЦ

Адрес редакции:

117218, г. Москва,

ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513

Тел.: (499) 128-86-18

e-mail: inter.fnisc@gmail.com

ISSN 2307-2075

DOI: 10.19181/inter.2019.17

Содержание

Письмо редакторов	5
Теоретические дискурсы и дискуссии	7
<i>Ольга Здравомыслова</i> «Постсоветская сексуальная революция»: история и современность. Материалы круглого стола	7
<i>Ахмет Мерт</i> История человеческой красоты в феминистской мысли	33
Полевые исследования	46
<i>Яна Багина</i> Страх и тревога как часть женских пространственных историй в городе	46
<i>Татьяна Крихтова</i> «Господь на первом этаже»: православные часовни в пространстве медицинских учреждений	61
Визуальная социология	76
<i>Вероника Жобер</i> Национальная идентичность и пацифизм: две стороны одной военной памяти	76
<i>Елена Рождественская</i> Комментарий на тему национальных режимов коммеморации	82
Эссе	85
<i>Игорь Масалков</i> Социальные патологии: клинический подход к миру повседневной реальности	85
Авторы номера	94

Contents

Editors’s letter	5
Discourses and Discussions	7
<i>Olga Zdravomyslova</i>	
“Post-Soviet Sexual Revolution”: History and Modernity. Group Discussion	7
<i>Ahmet Mert</i>	
The History of Human Beauty in Feminist Thought	33
Field Research	46
<i>Yana Bagina</i>	
Fear and Anxiety as a Part of Women’s Spatial Stories in the City	46
<i>Tatyana Krihtova</i>	
“The Lord on the First Floor”: Orthodox Chapels in the Space of Medical Institutions	61
Visual Sociology	76
<i>Veronique Jobert</i>	
National Identity and Pacifism: Two Sides of the Same Military Memory	76
<i>Elena Rozhdestvenskaya</i>	
Comment on National Commemoration Regimes	82
Essay	85
<i>Igor Masalkov</i>	
Social Pathologies: a Clinical Approach to the World of Everyday Reality	85
About the authors	94

Письмо редакторов

Предваряя этот номер, хотелось бы проинформировать наших читателей о нескольких новых поворотах в судьбе журнала.

Во-первых, следуя современным трендам в журнальной индустрии, наш журнал полностью перемещается в онлайн-пространство и становится электронным изданием, что, естественно, приносит с собой как новые возможности, так и новые ограничения. Что касается возможностей, то теперь мы можем более широко представлять фото- и видеодокументы, и приглашаем авторов воспользоваться этой возможностью. Мы всегда в своей журнальной политике уделяли большое внимание визуальному анализу, теперь расширить эту функцию мы сможем за счет большей свободы в объеме номера, а также благодаря возможности воспроизводить визуальные материалы в цвете. Из ограничений – традиционная привычка к чтению бумажного формата, к запаху типографской краски и естественному желанию подарить свежий номер близкому по духу человеку из рук в руки как интерактивный символический знак профессиональной солидарности.

Во-вторых, журнал меняет периодичность выпусков – он будет выходить раз в квартал. Тем самым он переходит из разряда толстых журналов для погруженного чтения в разряд сетевых источников для оперативного освещения новостей в области качественных исследований и зарисовок по горячим следам полевых исследований, проведенных, в основном, новым поколением креативных исследователей.

Но, по-прежнему, мы будем уделять место и внимание англоязычным публикациям, вводя читателя в пространство мировых трендов качественной методологии. Как и прежде, журнал будет освещать поле интерпретативных исследований мозаично, предлагая на суд читателей нетрадиционные, междисциплинарные темы, на которые так богато это поле. Пример этому – данный номер, где помимо гендерной тематики, как центральной для этого номера, представлены также темы исторической памяти и памятников, роли религиозных ритуалов в пространстве повседневности, социальной психотерапии.

Мозаичность, многовариантность современного поля научного знания проявляется и в установке на научную дискуссионность. Следуя общей ориентации нашего журнала на интерактивность, в этом номере мы уделили внимание интерактивному контакту самих исследователей как акторов в исследовательском поле и сопоставлению их позиций относительно отдельных тем. В текущем номере это стало точкой отсчета при отборе материалов. Номер открывается материалами коллективной дискуссии (Круглого стола) относительно истории и современного состояния сексуальной революции в России, где представлены позиции как российских, так и западных исследователей. Дискуссионный формат находит продолжение в рассмотрении тематики военных памятников, где диалог ведут французский и российский социологи. Многослойность смыслов, триангуляция подходов при интерпретации первичных данных свойственна качественной методологии. Визуально эта ориентация в данном номере

подчеркнута и обложкой: как возможность многоцветно-многоаспектного прочтения одного и того же арт-объекта для поиска иных ракурсов восприятия и нюансов осмысления.

Итак, перед вами новый номер журнала «Интеракция. Интервью. Интерпретация», ждем вашего участия в жизни журнала как автора, и как читателя, по новому адресу: inter-fnisc.ru

В. Семенова,
главный редактор журнала, ответственный редактор номера.

Дата поступления: 15.03.2019

Теоретические дискурсы и дискуссии

«Постсоветская сексуальная революция»: история и современность. Материалы круглого стола

DOI: 10.19181/inter.2019.17.1

Ольга Здравомыслова¹

В материалах круглого стола, состоявшегося 30 марта 2018 года, обсуждается широкий круг проблем, связанных с современной сексуальностью, регулируемыми ее социальными нормами, и историческими обстоятельствами, под влиянием которых эти нормы складывались. В выступлениях участников обозначаются три поколения сексуальной революции в России: поколение поведенческой революции, поколение дискурсивной революции и поколение гендерной революции. Рассматриваются большевистские гендерные реформы, выразившиеся в принятии законов, направленных на изменение роли женщины в семье и обществе и изменивших базис отношений между мужчиной и женщиной благодаря законодательному закреплению равенства полов. Авторы указывают на принципиальные различия в темпах и характере гендерной модернизации в странах Запада и в России, выразившиеся в том, что на Западе последствия «сексуальной революции» 1968-го года в значительной степени изменили поведение и мужчин, и женщин, в странах же Советского блока изменились преимущественно только женские роли. Отмечается, тем не менее, что, хотя мужчины проявляют все больший интерес к активному отцовству, женщины в массе своей оставляют за собой право принимать все репродуктивные решения самостоятельно.

Ключевые слова: гендер, сексуальность, сексуальная революция, изменение гендерных ролей, репродуктивный выбор, осознанное отцовство, модернизация, семья

Вступление

---

¹ Здравомыслова Ольга – доктор философских наук, исполнительный директор Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд), otz7253@gmail.com.

Модератор круглого стола – Ольга Здравомыслова. Участники дискуссии: Любовь Борусяк, ведущий научный сотрудник МГПУ, доцент НИУ ВШЭ; Юлия Градскова, доцент университета Содерторн (Швеция); Йенс Зигерт, Руководитель проекта «Общественная дипломатия. ЕС и Россия»; Ольга Исупова, старший научный сотрудник Института Демографии НИУ ВШЭ; Хелен Карлбак, доцент университета Содерторн (Швеция); Елена Онегина, сотрудница Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург; Анна Темкина, со-директор гендерной программы Факультета социологии и философии Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда.

Инициатива проведения этого Круглого стола принадлежит Юлии Градсковой, историку из Швеции, с которой мы как-то обменялись репликами в фейсбуке (это, кстати, о полезности социальных сетей) по поводу того, что тема постсоветской сексуальной революции, если и не забыта, то недостаточно отрефлексирована именно в такой формулировке – «сексуальная революция». Конечно, в постсоветском обществе это явление, этот процесс не появились неожиданно, они, безусловно, имеют историю в России XX века. Существует достаточно большой корпус работ, в том числе и отечественных, которые так или иначе эти сюжеты затрагивают. И, одновременно, тема, которую мы обсуждаем, непосредственно связана с юбилеем 1968 года на Западе. В протестных движениях 1968 года вопрос об изменении гендерных отношений и сексуальной революции, сыграл важнейшую, хотя неоднозначную роль.

В ходе подготовки сегодняшнего Круглого стола сложилось российско-шведское сотрудничество. С одной стороны, организатором Круглого стола выступает «Клуб Раисы Максимовны Горбачевой» – постоянно действующий проект, существующий в Горбачев-Фонде с 1997 года, начавшийся еще при жизни Раисы Максимовны.

Другой организатор Круглого стола – Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований Университета Сёдерторн (Швеция). Наконец, постоянный партнер Горбачев-Фонда – «Журнал исследований социальной политики» (ЖИСП), который на протяжении многих лет поддерживает исследования социальной политики и гендерные исследования.

Юлия Градскова, исследователь Университета Сёдерторн, Стокгольм.

Как историк, я давно интересуюсь 1968 годом в Западной Европе. С этой временной точки в истории начался и мой интерес к российской сексуальной революции, трансформации сексуальности, которая произошла в 1990-е годы в постсоветской России.

Сейчас в Швеции проходит много обсуждений, связанных с 1968 годом. Когда-то у меня была мечта найти книгу, которая могла бы объяснить, что это было – 1968-й в Европе. Но, конечно, такой книги не существует, потому что история событий 1968 года в Западной Европе гетерогенна. Связано это с гетерогенностью памяти участников событий, групп, организаций. Написать историю 1968-го довольно сложно, но мне кажется, что есть много общего между этой историей и тем, что произошло в России в начале 1990-х. Это вопрос для обсуждения, для дискуссии, которую мы начинаем сегодня и надеемся продолжать.

Дискурс сексуальности в России: в чем специфика?

Анна Темкина, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Сначала скажу о некоторых ограничениях моего выступления. То, о чем я буду говорить, – это довольно широкие мазки, широкая рамка. Некоторые распространенные представления о российской сексуальной революции, как мне представляется, могут прояснить ответ на вопрос: что характерно сейчас в России для дискурсов о сексуальных домогательствах и практиках сексуальности?

В России «сексуальная революция» – это, конечно, с одной стороны, метафора, с другой стороны, мы придерживаемся концепции Игоря Семеновича

Кона, который формулировал понятие сексуальной революции через описание основных трендов либерализации сексуального поведения и подчеркивал, что эти тренды в большей степени имеют отношение к изменениям в поведении женщин, чем мужчин.

Используя метафору «либерализации» сексуальности, мы и наши коллеги из Финляндии в середине 1990-х годов проводили исследование в Санкт-Петербурге. Был проанализирован большой массив текстов интервью – нарративов о сексуальной жизни. На основе результатов этого исследования нам удалось выделить три поколения сексуальной революции: поколение поведенческой революции, поколение дискурсивной революции и поколение гендерной революции.

К первому поколению относятся люди, которые родились в 1950–1960-е годы, формировались в 1970–1980-е. Это люди советского времени, которые рассказывают о 1970-х годах, когда они жили так, как будто сексуальная революция произошла – рассказывают о внебрачных сексуальных отношениях, множественности, вариативности партнеров, некоторой вариативности сексуальной жизни. Мы назвали это «поведенческой революцией».

В России между первым и вторым этапами сексуальной революции существовал разрыв: поведенческая и дискурсивная революции произошли в разное время. В то время как на Западе они произошли одновременно, в период, условно говоря, 1968 года, когда открылся дискурс, изменились поведенческие практики и произошла гендерная революция, существенно изменившая гендерные отношения.

У нас сексуальная революция прошла несколько этапов. В советское время сексуальное поведение уже менялось, но дискурсы не изменились. Хотя говорить так – в известном смысле, упрощение, потому что анализ поздних советских дискурсов показывает, что о сексуальности говорили не так уж мало. Другое дело, что само слово «сексуальность» не использовали, а, в основном, «половые отношения».

Можно выделить несколько потоков информации и литературы, которые существовали в позднее советское время. Во-первых, обсуждались социальные стандарты: что плохо, что не надо делать. Внебрачные связи, добрачные связи, венерические заболевания описывались как негативные явления, которых надо избегать, – тем не менее, описание того, что следует избегать, позволяло называть и обсуждать то, что существовало в жизни. Во-вторых, были авторы, которые писали о гармонии жизни в браке, но, тем не менее, допускались обсуждения некоторых поведенческих вариаций, связанных с сексуальной жизнью. Были изданы пособия для учителей, в которых вводились различия: мальчик, мужчина, девочка, женщина, – и обсуждались особенности сексуальной жизни, или «половых отношений».

Что было достаточно прочно в официальном дискурсе? То, что все это сводилось к браку: либо поведение отклоняется от брака, либо не отклоняется. Тема брака все это объединяла, хотя внутри нее не было полного молчания. Говорили, что в советском дискурсе не было секса: в том смысле, что не было дискурса сексуальности. Это не совсем верно: дискурс был, но довольно специфический, организованный несколькими дискуссиями позднего советского времени.

Что еще важно? Прежде всего то, что удалось выделить несколько сценариев сексуальности в рассказах людей о своей сексуальной жизни. Сексуальные практики позднего советского поколения (1950–1960-е годы

рождения) стали более либеральными в рамках демократизации сексуальной жизни и признания ценности дружеских отношений – мы назвали их романтическим и коммуникативным сценарием. Но принципиально важно, что сохранялись двойные гендерные стандарты и отсутствовали социальные институты, которые поддерживали бы либеральные практики сексуальности и делали бы их менее рискованными. В первую очередь, не было сексуального просвещения и распространения эффективной и надежной контрацепции.

Женщины в этом поколении рассказывают о себе как об объекте сексуальных отношений, о том, что их сексуальная жизнь зависит от мужчины. И если с мужчиной «не повезло», то это значит, что сексуальная жизнь у нее не удалась. Например, респондентка говорит: «оргазм я ни разу в жизни не испытала, муж заботится только о себе». Такие высказывания не исключение, а бесконечное повторение в этих нарративах. То есть женщина – объект мужского желания, и именно таким образом она себя позиционирует.

С другой стороны, для советских женщин характерен постоянный страх абортов, который очень сильно влияет на их сексуальную жизнь. Аборты рассматриваются, в основном, как женская проблема. Когда мы спрашиваем мужчин: сколько абортов сделала ваша жена, они часто не знают, потому что это считается «женской сферой», а граница между мужскими и женскими сферами в сексуальности воспроизводится очень четко.

Дальше сценарии смещаются. Так, мы замечаем смещение у позднесоветского поколения, которое рассказывает историю своей сексуальной жизни в двух сценариях, или двух фреймах: романтическом и дружественно-коммуникативном.

Романтический – это жизнь со страстями, сексуальная жизнь как приложение к чувствам, к роману, к объектам. Респонденты очень много рассказывают о чувствах, взлетах и падениях, об изменах, о смене партнеров, браках и разводах и т.д. Это уже далеко не только пронаталистские сценарии, в которых женщина не удовлетворена сексуально и боится абортов, и вся ее сексуальная жизнь существует для того, чтобы родить ребенка и удовлетворять мужа.

Романтический сценарий – это уже другое. Как и еще один сценарий, дружеско-коммуникативный, когда секс – продолжение дружбы, тусовки, совместных интересов, совместного времяпрепровождения. В этом сценарии уже больше коммуникаций, в том числе по поводу секса, но, в общем-то, пары очень мало говорят о сексуальности. Сохранялся стандарт, когда женщины позиционируют себя объектом сексуального желания и объектом сексуального действия. Инициативу проявляет мужчина, за качество сексуальной жизни отвечает мужчина, а за контрацепцию, тем не менее, отвечает женщина.

Следующий этап – дискурсивная сексуальная революция. Понятно, что огромное количество изменений возникает в 1980–1990-е годы. И, соответственно, появляются новые сценарии сексуальности, которых или не было в советское время, или они были редкостью. Один сценарий мы назвали гедонистическим, другой – рыночным. Гедонистический сценарий: сексуальная жизнь становится сферой сексуального удовольствия. Дискурсивных средств появилось очень много: журналы, порнопродукция, секс-индустрия. Этот язык распространился очень быстро. И следующее поколение уже рассказывает о сексуальных практиках и техниках. Это прилагается и к отношениям в романтическом сценарии, но он становится более дружеским, когда много всего обсуждается. Но меняется и секс, который тоже приносит удовольствие.

В таком сценарии становится более выраженным партнерство, появляется признание того, что у женщины есть сексуальные потребности. Границы между женским и мужским становятся более прозрачными.

Еще один новый сценарий – рыночный: женщины достаточно четко позиционируют секс как обмен на некоторые блага – деньги, статус, условия жизни. Респондентка рассказывает: «я плачу сексом за то, что меня содержат, кормят».

Это не значит, что речь идет о проституции, но отношения в паре построены по принципу взаимного обмена, напоминающего рыночную модель.

С осторожностью обозначая этапы сексуальной революции, надо сказать об уменьшении роли гендерных стандартов и о том, что происходит все более заметное сближение образцов женского и мужского поведения. На постсоветском этапе признается, что сексуальные потребности женщины и мужчины практически равноправны. В этом состоит большой контраст с советским поколением: респондентки из молодого поколения рассказывают о том, как у них выстраивается сексуальная жизнь, как они ищут себе подходящего партнера, как они выстраивают с ним отношения.

Таким образом, ни коммуникативный, ни романтический сценарий не исчезает. Но последний рационализируется и превращается в определенную фазу жизни: не вся жизнь рассказывается через перипетии «страсти», а выделяется определенный этап, когда идет выбор, поиск. С одной стороны, сохраняется гендерное неравенство, с другой – новая либеральная сексуальность предполагает большие, чем прежде, риски, и, соответственно, рефлексивность становится все более важной.

Это подтверждается в моем последнем по времени исследовании, в котором опрашиваются врачи-гинекологи и акушеры: людям стали доступны средства контрацепции последнего поколения, врачи объясняют, как ими пользоваться. Это изменение выходит за пределы медицины, меняя поведение, хотя официальная сексуальная политика лицемерно не замечает этого и противодействует не только сексуальному образованию, планированию семьи, но и представлениям о сексуальности как планируемой, управляемой, более безопасной.

Замечу в этой связи, что благодаря недавней истории с сексуальными домогательствами в России стало, например, понятно, что сексуальная революция, действительно, была ценностью для позднесоветского поколения. Речь идет о том, что через либерализацию сексуальности люди приобрели и освоили своего рода нишу интимной, романтической, сексуальной жизни, в которой они смогли дистанцироваться по отношению к государству. Это стало ценностью как для мужчин, так и для женщин. Однако и в новой ценностной системе женщина была объектом.

Поэтому при отсутствии серьезной работы по изменению гендерных стереотипов и при невлиятельности феминизма сохраняется представление о «правильной» мужественности – наступательной, инициативной и агрессивной. В позднесоветском поколении такая мужественность считается нормативной.

В то же время молодые женщины уже себя не чувствуют сексуальными объектами, возникает гораздо более сложная субъектно-объектная система, но эти изменения выпадают из сферы публичного.

Я бы сказала так: особенности российской сексуальной революции обнаруживаются в ситуации с сексуальными домогательствами в России. И это определяет специфику, которая сильно отличает реакцию нашего общества и

западного: когда депутат ГД РФ, как и большинство, считает, что «правильная» женская идентичность – это когда женщину хотят все окружающие мужчины, а для мужчины «правильно» – хотеть всех окружающих женщин. И поведение депутата ГД РФ, обвиненного в сексуальных домогательствах, но признающего свою правоту, не осуждается. Хотя у нас тоже происходят изменения двойного гендерного стандарта, он остается распространенным и укорененным.

Большевицкая сексуальная революция: взгляд историка и дискуссия

Ольга Здравомыслова, Горбачев-Фонд. Используя понятие «сексуальная революция», надо иметь в виду, что оно имеет, по крайней мере, два значения. С одной стороны, это процесс, у которого есть известное определение, воспроизведенное И. С. Коном: длительный дискурсивный процесс отделения сексуальности от репродукции. В основе здесь лежит рост индивидуализации, а также секуляризации и автономизации. Ценность автономии, понимание индивидом своих границ и границ Другого – чрезвычайно важны: это, собственно, и делает устойчивыми изменения, достигнутые сексуальной революцией.

Однако сексуальная революция – это еще и историческое событие, которое случается не в любом обществе. Тем не менее, оно произошло на Западе. Произошло оно и в России.

Событие под названием «сексуальная революция в России» связано с конкретным периодом Русской революции, с 1917–1923 годами. Сексуальной революцией считается предпринятая тогда большевиками, взявшими власть, попытка «изменения русского семейного и брачного порядка» (именно так определяли это современники). Речь шла о глубоком перевороте, который они начали осуществлять и который, как они считали, имел не меньшее значение для общества, чем политическая революция.

Словосочетание «сексуальная революция» было произнесено именно тогда и именно в России. Существует почти неизвестная у нас, не переведенная на русский язык работа Григория Абрамовича Баткиса, которую мне удалось прочитать, когда журнал «Демографическое обозрение» заказал мне текст, посвященный Баткису как автору брошюры «Сексуальная революция в России» (1923), переведенной на немецкий язык и опубликованной в Германии в 30-е годы. Известно, что эта брошюра послужила одним из источников для написания знаменитой работы Вильгельма Райха «Сексуальная революция», после чего сам этот термин вошел в оборот.

Важно сразу подчеркнуть, что как Баткис, излагавший идеологию и сексуальную политику большевиков, так и Райх, вкладывали в понятие «сексуальная революция» не тот смысл, какой вкладывают в него современные исследователи. Современный подход был достаточно полно представлен в предыдущем докладе Анной Темкиной.

У большевиков речь шла о революции законов, которые (в терминологии того времени) проводятся революционной властью и осуществляют волю вождей революции. Эти законы, направленные, прежде всего, на изменение роли женщины в семье и обществе, меняют базис отношений между мужчиной и женщиной в направлении законодательного закрепления равенства полов.

В большевицком понимании, сексуальная революция совпадает с принятием трех важнейших законов: Декретов советской власти «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния» (1917), «О разводе» (1917) и Кодекса законов об актах гражданского состояния,

брачном, семейном и опекуном праве РСФСР (1918) – первого советского семейного кодекса.

Не буду останавливаться на текстах законов (хотя сам язык здесь, безусловно, важен и интересен для анализа). Главное в них – во-первых, идея секуляризации, отделение брака и семьи от церкви, отмена религиозных основ брака. Во-вторых, отказ от патриархальной семьи, основанной на деспотической власти мужчины над женщиной и детьми.

Большевики это сделали, и иначе, как революцией, этот переворот назвать невозможно. Новый свод законов, отменявших семейно-брачное законодательство Российской империи, заложил основы для новых отношений между мужчиной и женщиной, семьей и государством, между женщиной и государством.

Итак, большевики считали и называли сексуальной революцией переворот в сфере законодательства о семье и гендерных отношениях. Обращаясь к столь важной сейчас теме, как политизация гендера, надо иметь в виду, что начало этому процессу было положено большевистской революцией. Впоследствии преобразования в сфере гендерных отношений, семьи и сексуальности стали одним из ключевых пунктов политики большевистской партии.

Можно выделить несколько «ответов» на этот вызов со стороны современников Октябрьской революции.

Как оказалось, самым мощным ответом со стороны общества было неприятие сексуальной революции большевиков и сопротивление глубоко патриархального по своим взглядам и привычкам российского населения, не готового к изменениям, не понимавшего их – по сути, враждебного им.

Излишне говорить, что большевиков это не смущало, поскольку важнейшей частью их идеологической и политической программы было осуществление грандиозного проекта построения нового мира и создания нового человека. Надо сказать, что среди большевиков были и те, которые рано или поздно осознали, что они столкнулись с обществом, которое это не принимало, и что они не справились с этим населением. Точнее других это сформулировал Троцкий. Он писал, что большевики хотели кавалерийским наскоком взять патриархальную семью, но этого не получилось, потому что не бывает равенства на основе обобщенной нужды.

Известно, что в начале 20-х годов в большевистской среде шли дискуссии об идеологии и политике сексуальной революции. В этой дискуссии определились две разных позиции. Одну представляла Александра Коллонтай, другую – Арон Залкинд.

Сейчас, с легкой руки СМИ, их взгляды излагают, скорее, карикатурно. Но если внимательно и непредвзято прочесть Коллонтай, хотя бы ее самую известную работу «Дорогу крылатому Эросу! Письмо к трудящейся молодежи» (1923), где Коллонтай проповедует идеал личных отношений, лишенных экономической и любой другой зависимости, нельзя не заметить, что это предвосхищает понимание процессов демократизации семьи и трансформации интимности, возникшее в последней трети XX века, и современную дискуссию.

Залкинд, в отличие от Коллонтай, разрабатывал доктрину авторитарного регулирования сексуальности. В «Двенадцати половых заповедях революционного пролетариата» (1924) он пропагандировал подчинение сексуальности задаче «роста коллективистических чувств» в интересах «классовой организованности, производственно-творческой активности» пролетариата. И.С. Кон доказывал, что позиция Залкинда оказалась наиболее

близкой советской власти, которая в той или иной степени воспроизводила ее в идеологии и сексуальной политике.

Однако нельзя игнорировать то, на что обращали внимание современники, проводившие исследования в 20-е годы: новые нормы в какой-то мере воспринимались населением, особенно это было заметно среди молодежи. Например, в начале 20-х годов в России снизился уровень проституции, появилась тенденция развития партнерских отношений между мужчиной и женщиной. Но эти новые нормы не были устойчивыми, и они очевидно конфликтовали с прежним, укорененным гендерным порядком. В итоге ситуация была хаотичной, а население – дезориентированным. Некоторым «творцам» сексуальной революции становилось ясно, что законы – это слишком мало, это только рамка, а требуется культурная революция, без которой сексуальная революция не может осуществиться.

Один из самых известных консервативных критиков того периода Питирим Сорокин, опираясь на статистические и социологические данные, выступил с предупреждением о стремительной девальвации института брака и деградации морального состояния общества. Основываясь на своих наблюдениях начала 20-х годов, Питирим Сорокин сделал выводы, которые он страстно защищал до конца своей жизни: об опасности для устойчивости общества сексуальной революции и сексуальной либерализации, о значении гендерного порядка, поддерживающего традиционную семью, брак и сексуальность, для преодоления «хаоса», в который ввергает общество революция. В своем неприятии модернизации семьи и гендерных отношений Сорокин зашел так далеко, что его, кажется, нисколько не смущали репрессивные законы и практики, регулирующие семью и сексуальность, которые были введены в СССР в 30-е годы.

Я считаю, что в советской России довоенного времени выделяются два этапа революционной трансформации гендерных отношений, семьи и сексуальности. Первый – собственно сексуальная революция, или большевистский натиск на патриархальную семью в том ее виде, в каком она существовала в царской России. Второй этап – сексуальная контрреволюция, которая была проведена в сталинском СССР в 30-е годы также с помощью законов.

Результатом этого сложного, революционного по своей сути, процесса было установление особого, этатистского (по определению Е. Здравомысловой и А. Темкиной), гендерного порядка, или «советского патриархата». Базовыми в нем были новая роль и новый социальный статус женщины как работающей матери. Таким образом, произошло соединение традиционного представления о «естественном» предназначении женщины и представления о «равноправной» женщине – матери и труженице, выполняющей обязанности по рождению, воспитанию детей и работе на благо советского государства. То, что эта роль и этот статус женщины, определявшие для нее все в советскую эпоху, остаются базовыми сейчас, в России XXI века, говорит о том, что большевистская сексуальная революция, соединившая в себе элементы гендерной, семейной и собственно сексуальной революции, не закончена.

Об этом свидетельствует и отношение к большевистскому эксперименту, которое сформировалось в России сейчас, через 100 лет после Октябрьской революции. Похоже, современные исследователи недооценивают опыт современников этого эксперимента, наиболее внимательные и проницательные из которых, наблюдая развитие процесса, фиксировали постепенный отход от

законов, гарантировавших свободу, к постепенному подчинению личности и семьи воле тоталитарной власти.

Вердикт о большевистской сексуальной революции, вынесенный И.С. Коном и ставший более или менее общепринятой точкой зрения среди современных российских исследователей, гласит, что большевики с самого начала не ставили иной цели кроме полного подчинения населения железной воле власти и «законам коммунизма»: с самого начала большевики думали не об освобождении – силой заталкивая тогдашнее общество в тоталитарный порядок, который они установили.

Вместе с тем, несомненно, первый натиск революции, серия законов, принятых в первые годы советской власти, значили для российского общества чрезвычайно много. Что бы ни происходило потом, это начало – точка, к которой можно адресоваться, говоря о демократизации гендерных отношений и либерализации сексуальности. Так, доказано, что либерализация советского семейного законодательства, которая началась в брежневские времена, возрождала дух законов, принятых в самом начале советской власти и отвергнутых в 30-е годы. А в 90-е годы знаменитая 7-я статья Конституции, в которой впервые прозвучала мысль о равной значимости материнства и отцовства, – почти цитата из Кодекса законов о семье, который был принят большевиками.

Иначе говоря, событие сексуальной революции, как оно выглядело в начале 20-х годов, остается важным ресурсом либерализации семейного и гендерного законодательства и дискуссии о либерализации сексуальности и демократизации гендерных отношений.

Однако пока этот ресурс почти полностью дискредитирован. К доминирующему в академическом сообществе мнению о том, что сексуальная революция большевиков – только логический шаг в постепенном установлении государством тоталитарного контроля над личностью, примыкает и точка зрения власти, согласно которой «социальные эксперименты 1917–1920 годов» представляют собой сознательное разрушение семьи – «одного из оплотов самодержавия» – и «связей между браком, религией и церковью» через узаконивание «фактического» брака (Концепция государственной семейной политики, 2013).

Очевидно, что отторжение, полная девальвация и дискредитация всего, что было сделано в период 1917–1920 годов, является важным элементом идеологии консервативного поворота, начало которого, как считается, можно датировать 2006 годом.

Очевидно также, что в неприятии события сексуальной революции, которое произошло в 1917-м – начале 1920-х годов, сходятся либеральные исследователи и консервативная власть. Заодно мы отказываемся и от отечественных традиций женской эмансипации и эмансипации сексуальности, питающих русскую культуру и общественную жизнь, по крайней мере, с середины XIX века.

Отвергнув эту линию и сведя опыт сексуальной революции в России 20-х к тоталитарному эксперименту, можно лишиться важного культурного ресурса критики и противодействия консервативному повороту. На наших глазах он осуществляется методами насилия над обществом, которые «рифмуются» с не слишком отдаленным прошлым, когда кавалерийским наскоком вводились «законы свободы». Теперь, похоже, волевым способом пытаются ввести

«консервативные» законы, представляя патриархальную семью в качестве идеала и мечтая о воспроизведении традиционного гендерного порядка.

Анна Темкина. Мне нравится тезис, что это была революция по некоторым критериям – по которым она была революцией. Но мне не хватает здесь аргумента о том, как соотносилось с этим решение узлового вопроса изменения интимной жизни. Потому что, собственно говоря, все эти три закона – об изменении, говоря современным языком, гендерной системы, а не сексуальности как таковой.

А сексуальность в принципе не напрямую подчиняется закону о гендерных отношениях. Можно разрушить патриархальную семью, но сексуальность останется такой, какой она была.

В этом смысле, у меня такое ощущение, что законы касались, скорее, гендерных отношений, а то, что касалось интимной сферы – это была Коллонтай. Это была идеология? Да. Они связаны, конечно, безусловно.

Такой вопрос: как соотносятся уровень именно сексуальности и регулирование семьи. Понятно, что они друг с другом связаны. Но все-таки, мне кажется, что из этих законов напрямую сексуальная революция не следует.

Ольга Здравомыслова. Дело в том, что это название, «сексуальная революция», принадлежит ее современникам, и я сразу сказала, что их понимание и современное понимание различны. У них «сексуальная революция» включает в себя семейную революцию, гендерную и сексуальную. Сексуальная революция в более близком нам понимании, трансформация сексуальности на уровне идеологии, представлена была очень небольшой частью большевиков, понимавших важность этого. Безусловно, они атаковали институт патриархальной семьи. Но у них это было все в одном комплексе.

Другое дело, что изменение законодательства, прежде всего переворот в институте семьи и в положении женщины, повлияли на сексуальность, повлияли и в то время. Это было очевидно. И вопрос не только в идеологии, которую представляла Коллонтай, но и в эмпирических свидетельствах того времени, тенденциях изменения сексуальности, которые происходили уже тогда.

Любовь Борусяк. На мой взгляд, это была прежде всего антисемейная революция. Но начать хочется немножко с более раннего времени. Все начало XX века предреволюционное. Это период сильного увлечения фрейдистскими идеями. Пришла проблема пола, появилось множество модных романов, огромное количество литературы, начались эксперименты, в которых участвовала элита тогдашнего русского общества.

На мой взгляд, в период революции произошло очень странное соединение политики и идеологии. Потому что политика была понятная: буржуазную семью надо разрушить. А что касается сексуальности, то рассуждения о проблеме пола шли из элитарных кругов. В то же время в подшивках газет за 1926–1928 годы – данные о чудовищной эпидемии венерических заболеваний как последствия разрушения норм сексуального поведения. Там буквально, как сводки с фронтов: в губернии такой-то 150 тысяч заболевших гонореей и сифилисом. Все отчитывались и не знали, что делать с этим, скажем так, «крылатым Эросом». Отчасти, может быть, вынуждены были крылья ему подрезать...

Ольга Здравомыслова. Нельзя все-таки проводить прямую линию между «крылатым Эросом» Коллонтай и ростом числа больных венерическими болезнями в революционной России. Это разные явления, у них нет единственной общей причины.

С.И. Голод назвал период 20-х годов дионисийством. Конечно, учитывая время – Первая мировая война, гражданская война, – когда люди теряли представление о том, что есть норма, что есть не норма. Это, безусловно, был хаос. И все равно, двигаться дальше можно было разными путями. По крайней мере, какое-то пространство для маневра существовало. И тот исторический путь, который был начертан в результате, не являлся единственным и неизбежным. Поэтому так интересно и, я бы сказала, полезно для потомков анализировать то, как шаг за шагом большевики все сильнее сужали возможность выбора и в результате нашли единственный способ победить стихию – которую они, в конечном счете, не победили, но на какое-то время сковали железными рамками репрессивных законов и государственного насилия.

Елена Ярская-Смирнова. Информация об эпидемии венерических заболеваний – это, своего рода, дискурсивный поворот, потому что это было выявлено и об этом сказали публично. Вообще говоря, распространенность венерических заболеваний раньше не отслеживалась так подробно и тем более, не обсуждалась публично. Она была высокой не только и не столько в городах, сколько в сельской местности.

Я ездила в киноархив, смотрела демографические фильмы конца 20-х годов о том, как немецкие врачи вместе с советскими врачами выявляли огромное количество заболевших сифилисом и лечили их. В основном, эти заболевания – не половым путем, а бытовым. Отсутствие гигиены играло здесь первоочередную роль.

Ольга Здравомыслова. Спасибо, Елена, за это дополнение и уточнение. Я только хотела бы подчеркнуть, что, несмотря на хаос, который царил тогда в головах и частично в поведении, образ вакханалии, которая разыгралась в 20-е годы, существенно преувеличен. Но сейчас он используется очень широко, и если посмотреть, что писалось в связи со столетием Русской революции о сексуальной политике большевиков, то это, прежде всего: общество «Долой стыд!», «разгул» венерических заболеваний, коммуны «вместо» семьи, «указы» об обобществлении женщин в разных губерниях и т.д. и т.п. Журналисты считают, что именно такой материал привлекает сейчас публику, но исследователи не могут принять эту информацию на веру и делать выводы, основываясь на ней.

Дискурс гендерного равенства в контексте культурной модернизации: последствия 1968 года

Йенс Зигерт, руководитель программы Общественная дипломатия. Наверное, нужно начать с того, что я не исследователь и не социолог. Я не столько буду говорить о сексуальной революции, и тем более не о сексуальной революции в России, сколько о значительном ускорении социокультурных изменений, которые связываются сегодня с понятием «68-й год». Конечно, речь идет о 68-м годе как кульминации процесса социально-культурных изменений на западе и востоке Европы – когда что-то изменилось настолько, что уже невозможно было повернуть назад.

Хотелось бы начать с высказывания известного политолога Ивана Крастева, написавшего о напряжениях, которые выросли внутри сегодняшнего европейского Запада, или ЕС и которые Крастев прямо связывает с символическим годом – 68-м. Он попытался это показать на примере

разделенной Германии и заметил, что западные немцы в 68-м году стали более космополитическими, восточные – более мнительными и недоверчивыми.

Действительно, 68-й год в прямом смысле усилил разные векторы развития общества на западе Европы и на востоке Европы (имея в виду социалистические страны Центральной и Восточной Европы).

Потом произошли изменения, Перестройка, социалистический блок развалился. И с тех пор долгое время эти различия были скрыты за фасадом осмысления произошедших изменений и адаптации людей к новой жизни. Но в 1989-м году (цитирую Крастева) началась некая эра имитации. Тогда от восточноевропейских обществ, которые «освобождались от коммунизма», ожидалось, что они будут имитировать институты, быт, поведение и ценности тогдашнего Запада. И по поводу этого существовало, в принципе, согласие внутри самих восточноевропейских и средневропейских обществ.

Последние 25 лет между старым Западом и частично новым Западом, конечно, существовали асимметричные отношения. И постепенно не только в России и бывшем Советском Союзе, но и в восточноевропейских, средневропейских, центральноевропейских странах, начались процессы, которые, как очень долго было принято думать, считались реакцией людей, которые проиграли в процессе посткоммунистической трансформации. Так в России думают очень многие. Однако поляки, например, очень успешно трансформировались и трансформируются, по крайней мере, в экономическом смысле. И все равно, скептическое отношение к ЕС у них выражено очень сильно.

Люди в этих обществах не говорят сейчас: мы не хотим быть европейцами. Но они говорят: не только вы, на западе Европы, но и мы, на востоке Европы, знаем, что такое европейцы. В отличие от этого, российская реакция другая: мы не хотим быть европейцами, потому что вы решаете, что такое быть европейцами. Структурно эти реакции очень похожи.

В 89-м и 90-м годах в Восточной Европе и в Советском Союзе шел процесс самоосвобождения. Тогда у Восточной Европы и у России была однозначная цель: одни (Восточная Европа) хотели выиграть, другие (Россия) хотели стать частью Запада, каким он был до Второй мировой войны. Внутри этих целей есть два главных обещания: первое – свобода, второе – экономическое и социальное благополучие. Оба эти обещания – и свобода, и благополучие – имеют предпосылки и побочные эффекты.

То, с чем мы сегодня сталкиваемся, – побочные эффекты, которые очень сильно связаны с 68-м годом. Как раз на этом я хочу становиться. Старый Запад в 60-е годы или в 68-м году пошел на ускоренный режим модернизации. Она не была только экономическая, или социальная, или сексуальная, или культурная. Все эти виды модернизации взаимосвязаны. Но советский социалистический Восток не был в состоянии следовать за модернизационным прорывом Запада. Впоследствии восток Европы отстал двояко. Я понимаю это как аргумент по сути и как моральное суждение. На капиталистическом Западе происходило огромное ускорение социальной революции, в результате чего изменились, во-первых, отношения между государством и индивидуумом, во-вторых, отношения между женщинами и мужчинами. Эти отношения принципиально начинали меняться.

Этот опыт 68-го года имеет два ракурса, которые связаны с Западом и Востоком. И то, что люди на Западе смогли добиться ускорения, демократизации и получить больше свободы, произошло только за счет того, что они уже жили

в гораздо более демократическом государстве и обществе, чем они сами предполагали и утверждали.

На востоке Европы было как раз наоборот. Тут была очень демократическая идеология, эти общества не были в точном смысле посттоталитарными.

Но 68-й год – это еще время мужчин. В Германии феминистское движение, связанное с 68-м годом, начиналось тем, что одна женщина на большой общегерманской конференции в 68-м году бросала помидоры на подиум, исключительно на мужской пол...

Но, говоря о различиях востока и запада Европы, я бы остановился не на изменении положения женщин, а на мужчинах. Потому что здесь кроется самое главное различие, которое я сегодня вижу, между западным и российским обществами. То, что женщина из объекта стала субъектом, произошло на Западе в большей степени. Но на востоке Европы и в России тоже произошло очень сильное и заметное изменение женской роли.

А проблема заключается в том, что на востоке Европы и в России мужчины почти не изменились. Напротив, на Западе они изменились очень сильно. Вынужденно, не очень добровольно, но они изменились. И это довольно новое явление на Западе, которое связано и с новым поколением мужчин. Если посмотреть на героев 68-го года, поведение этих мужчин было еще очень традиционным. Сейчас это уже далеко не так. Что же касается России, то рекомендую прочесть своего рода программную статью Владислава Суркова «Валентинка в багровых тонах». О чем говорит в ней этот известный автор?

Он говорит, что Запад деградирует, и показателем этого является то, что у власти там находятся женщины. Потому что женщины всегда идут во власть во времена упадка: «Политические системы призывают женщин, когда выдыхаются после бурного роста и достигают в своем развитии поздней, терминальной стадии». Но, утверждает Сурков, мужчины более умные, и потому, когда все разваливается, они отступают в тень, чтобы обдумать то, что будет потом: мужчины «заняты настоящим мужским делом – изобретают и конструируют новую реальность, пока их спутницы управляют устаревшей. Женщинам они передали то, что сочли бесполезным – руль выработавшей ресурс, сломанной политической машины, которая уже не едет и не везет». Очень показательная статья. Рекомендую к прочтению. Потому что эта статья ясно показывает, какие причудливые построения способен произвести ум, когда он, несмотря ни на что, продолжает сопротивляться очевидным изменениям.

Что значит быть хорошим отцом? Гендерные отношения в период позднего социализма

Хелен Карлбак (Helene Carlbäck), Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований, Университет Сёдерторн. То, чем я занимаюсь, относится к разным сферам: истории семьи, истории гендерных отношений, истории эмоций. И я продолжу начавшийся в предыдущих докладах разговор о гендерных отношениях – не о сексуальности.

Начну с цитаты. «Сколько прекрасных строчек поэзии мы уже читали, которые прославляют мать и святую материнскую любовь. А что касается отцов, мало строчек написано об отцовстве с эмоциями. Это позор. Поскольку отец имеет специфическую роль в жизни семьи».

Так было написано в журнале «Семья и школа» в начале 60-х годов.

Исследование, которое я провела, охватывает период с 60-х годов до конца советского времени, и оно посвящено представлениям об отцовстве и практиках отцовства в позднесоветский период в России, 1960–1989 годы. В качестве теоретической основы исследования я использую научную литературу о господствующих дискурсах о маскулинности и отцовстве во второй половине 20-го века, написанную в течение последних трех десятилетий. Эти дискурсы я применила как аналитические инструменты в исследовании текстов, опубликованных в журнале «Семья и школа. Журнал для родителей», а также в анализе результатов одиннадцати глубинных интервью с российскими мужчинами. Интервью были посвящены опыту отцовства в 1960–1980-е годы. Главные вопросы моего исследования таковы:

Каким был идеальный опыт отцовства в этот период? О каких практиках вспоминают интервьюируемые и как соотносятся эти практики отцовства с представлениями и идеалами, существовавшими в тот период в официальном/публичном пространстве? Существовали ли различия между тем, как идеалы и практики отцовства были представлены в официальном дискурсе и воспоминаниях мужчин?

Нарративы отцов представляют собой довольно многообразную картину, в которой прямое отражение официального дискурса сочетается с идеалами и практиками, которые существенно отличаются от официально-принятых.

Кроме того, мое исследование ставило целью сопоставление собранного российского материала с результатами исследования отцовства на Западе. В частности, я рассматриваю вопрос о том, в какой мере можно говорить о существенном отличии отцовства в России от отцовства в странах Западе. Правильно ли говорить о том, что советский отец являлся маргинальной фигурой и что матери в одиночку, с помощью бабушек, несли всю ответственность за воспитание детей (как утверждают некоторые исследователи советской «модели отцовства»)?

Несомненно, на протяжении того периода времени, который находится в фокусе моего исследования, представители, особенно более молодого, поколения отцов играли важную роль, освобождая семью и, прежде всего, работающую женщину от многих домашних обязанностей и облегчая таким образом бремя двойной занятости.

При этом многие исследователи советской России продолжали доказывать, что мужчины оказывались «ненужными», «излишними» и даже «нежелательными» членами семьи, в которой центральной фигурой была мать и часто бабушка. Однако собранные мною интервью подвергают сомнению такие упрощенные представления. Они показывают, в частности, что мужчины проводили дома значительную часть своего времени и многие из них уделяли довольно значительную часть своего времени детям. Те мужчины, которые этого не делали, чаще всего объясняли это необходимостью много находиться на работе.

В то же время необходимо признать, что мужчины, которых я интервьюировала, являлись представителями среднего класса и состояли в устойчивом браке. Я не рассматривала, например, случаи развода, отказа от выплаты алиментов на детей, или отсутствия готовности к равной доле ответственности за воспитание детей от первого брака, или случаи, когда отцы бросили своих детей после развода ради детей в новой семье. Несомненно, в этих случаях рассказы отцов могут выглядеть совсем по-другому.

Ольга Здравомыслова. Пытались ли вы разработать типологию отцовства в позднесоветской семье? Если проведено одиннадцать глубинных интервью, то можно говорить об определенных типажах. Так, недавно было проведено исследование в Высшей школе экономики. В нем опрашивались отцы в семьях не среднего, а рабочего класса. И исследователи выделили три варианта роли отца: вовлеченный отец, отстраненный отец, инфантилизированный отец. Оказалось, что вовлеченный отец – это самый редкий тип. Разумеется, это надо проверять, но в России по-прежнему не так много исследований, сфокусированных на роли отца в семье и ее изменениях. Мне кажется, что картина, которую вы представили здесь, более оптимистическая, чем показывали советские и показывают сейчас российские исследования.

Helene Carlbäck. Я всегда имею в виду вопрос о том, насколько отличалась, скажем, советская Россия, социалистический Восток – от Запада. И это, может быть, подталкивает меня к тому, что вы чувствуете как оптимизм. Но поведение советских отцов менялось в 60-е, 70-е, 80-е годы.

В своих статьях я об этом пишу. И я хочу заметить в заключение, что в сравнении с отцами в Швеции, российские мужчины-отцы больше идеализируют семью и меньше позволяют критике в адрес собственных отцов. Это вообще, наверное, свойственно российским традициям, где нет такого индивидуализма, какой традиционно существовал в Швеции. Когда читаешь исследования о шведских мужчинах, очевидно, что они относятся к своим отцам гораздо более критично, чем в России. Было бы интересно сделать такое сравнительное исследование на современном материале России и Швеции.

Сексуальность и репродукция: мужской и женский взгляды

Ольга Исупова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Исследователи, сравнивающие архаичные культуры и атомизированные, показывают, что в современных культурах репродуктивные решения гораздо больше зависят от женщин, чем от мужчин.

Соответственно, когда возникает бесплодие, мужчина не хочет об этом говорить, не хочет даже думать. Если он узнает, что бесплодие связано с ним, то начинает считать, что плохо выполняет сексуальную функцию. И что все будут думать именно так... Поэтому об этом он должен молчать. Это тоже контроль над эмоциями, над проблемами. Но в результате проблему должна решать, конечно, женщина. Она имеет право страдать, показывать свои эмоции больше, чем мужчина.

Характерны случаи, когда пара жила бесплодно долго, всю жизнь, а под старость мужчина женщине говорит: «Все-таки, я считаю, ты должна была что-то с этим сделать». Хотя, когда много лет назад они пошли обследоваться, оказалось, что только у него проблемы. Но он говорит: «ты должна была что-то с этим делать, и так, чтобы я не знал»...

Приведу цитату из моего исследования на тему о том, как принимается решение в семье, и о том, применять эффективные технологии или нет. И, соответственно, о том, что делает женщина, когда у нее и мужчины различные взгляды на этот вопрос. Цитата из интервью: «...И операция по ЭКО. Очень хотелось ребенка. Справки все собрали, анализы сдали, даже квоту получили. Муж все время подбадривал меня». То есть это такая... роль – все для женщины. «Говорил, что все будет... будет долгожданный ребенок. Вместе таскались по больничкам. Мне сделали укол, после которого яичники не работают. Дальше

назначили стимуляцию. Сказали, что мужу нужно все анализы сдавать. То есть он до сих пор не сдал, а по протоколу должен был сдать гораздо раньше. А он испугался и передумал. И отказывается во всем, порвал все направления к врачу. Испугался, что финансово не потянет. Хотя я ему твержу, что деньги — не главное, а просто стимул. Теперь у меня руки совсем опустились. Жизнь не хочу с этим человеком вообще».

Существует классическая ситуация, когда беременность уже есть и решается вопрос о том, рожать ребенка или делать аборт. Женщина сообщает, что она беременна. Мужчина может поддержать ее, а может сказать: ну, это твои личные проблемы, решай сама. Или он может сказать: вот деньги — иди, делай аборт.

Что такое репродуктивное решение, как долго оно длится? Как это связано с сексуальностью, с тем, что это фактически сексуальность уже отделена от репродукции? На интернет-форумах об этом пишут только женщины. Что при этом думают мужчины? Может быть, они думают, что это продолжение сексуальной жизни — и все. И нет никакой ответственности, пока нет ребенка. Когда я интервьюировала мужчин, они — хорошие, нормальные отцы — часто говорили: я понимаю, что этой мой ребенок, когда он уже есть, когда я взял его на руки. А все, что было до этого, — это еще сексуальная жизнь — в частности, все эти ситуации с уколами, деньгами и справками.

Женщины считают, что у них есть преимущественное право решать, что ребенок должен появиться на свет, — это показывают все интервью. Женщина, состоящая в браке, говорит: «...если у нас нет детей, то для чего я вообще веду хозяйство, ублажаю родственников мужа? Я не мечтала всем этим заниматься. Это все нужно только тогда, когда у нас будут дети».

Другая респондентка рассуждает: «...ребенок останется навсегда, мужа — переменная величина. Если вы решили, что хотите стать мамой, то нужно к этому идти несмотря ни на что. Он мне не муж, мы не расписаны, десять лет вместе живем. Сначала не предохранялись, но потом, когда я стала понимать, что... не получится забеременеть, решила на ЭКО, даже спермограмму сдали. Но потом он динамо включил, а после конкретного разговора отказался во всем этом участвовать. Ему 38 (лет), видите ли, уже поздно. Начался подбор доноров спермы, естественно, не анонимных. Не понимаю тех девочек, которые даже видеть их не хотят. Как исходник не посмотреть, гены важны...».

У этой респондентки в итоге оказалось все не так плохо: достаточное количество мужчин готовы были помогать в этом нелегком деле. Один очень ей понравился, дважды она с ним попробовала ЭКО. Ничего, к сожалению, не получилось. Уже три раза она делала ЭКО, ничего не рассказывая своему партнеру, с которым продолжает жить. Нельзя сказать, что это в чистом виде обман. Она просто делает то, что она хочет. А потом она ему расскажет, как говорит, и дальше он будет решать: оставаться ему или уходить. Ее логика: ты сам не захотел участвовать в проекте, и я решила делать то, что я хочу.

Возникает несколько измерений: сексуальность, экономическая составляющая (кто кому дает деньги, а кто ведет хозяйство), дети (каким образом они должны появляться и как, кто принимает решение). Но главное — женщины уверены в своем абсолютном преимущественном праве решать вопрос: быть или не быть ребенку.

Случается и противоположная ситуация — когда муж настаивает на ребенке, но не получается, и надо делать ЭКО. Жена говорит: почему я должна делать ЭКО ради тебя? Мне это не нужно, я не хочу калечить свой организм.

Ее можно понять, потому что, действительно, это небезвредно. Но главное то, что мужчины в каких-то ситуациях начинают приходить к мысли, что нужно принимать репродуктивные решения совместно.

Важность репродуктивных решений и способов их принятия связана с тем, что для женщин и, как правило, для мужчин базовый контракт брака – это дети, без которых брак теряет смысл. Если мужчина не хочет иметь детей, женщина рассматривает это как обман, мошенничество, даже как предательство. Поэтому женщины готовы на обслуживающую, традиционную женскую роль только при наличии ребенка (детей). Они воспринимают свою роль в браке не как традиционный долг, а как результат отношений обмена, договоренности. Поэтому, например, если женщина-домохозяйка слышит от мужа что «денег нет», она отвечает: «меня это не касается». Потому что приносить деньги в семью – это не ее, а его (мужчины) обязанность в браке.

Новое «открытие» сексуальности в постсоветской России

Юлия Градскова. Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований, Университет Сёдерторн (Швеция). Прежде всего, важно подчеркнуть, что сексуальность оказалась политизированной именно в 60-е годы в Западной Европе, и в каждой стране это было по-разному. То есть я бы не рискнула даже говорить о чем-то общем. Хотя есть немало публикаций, которые сравнивают разные европейские страны: есть требования свободной любви, права однополых пар. И, одновременно с требованием изменения сексуальной морали, нередко те же авторы требовали социальной справедливости в целом, или выражали солидарность с народом Чили, или выступали против апартеида в Южной Африке. Эти молодежные движения требовали изменения общественных институтов, законодательства, культурных практик в странах Западной Европы.

Любая попытка говорить о сексуальной революции на Западе в целом, в отрыве от обсуждения политической атмосферы, социальных движений 68-го года представляется существенным упрощением. А влияние событий 68-го ощущается до сих пор.

Если говорить про Швецию, то сексуальная революция в ней, как считают некоторые историки, началась намного раньше 68-го года. Можно сказать, что еще с 30-х годов – с распространения сексуального просвещения или с формирования организаций, защищавших права сексуальных меньшинств в 50-е годы.

Другие исследователи утверждают, что сексуальные нормы в представлении шведского общества претерпели существенное изменение именно в период 60-х, когда происходила либерализация цензуры в кино и становились общепринятыми кинематографические презентации различных направлений сексуальности. Это стало возможным в результате поддержки изменений как представителями крупных партий – либеральной и социал-демократической, так и кинематографистами и вообще деятелями культуры. Отмечается широкое распространение публикаций, которые пропагандировали обсуждение проблемы стыда в семейной жизни, супружеской жизни, в сексуальных отношениях.

Можно отметить исследование представлений о женской эмансипации на примере движения, утверждавшего новое самосознание женщины, идентифицирующей себя как лесбиянка (1975). Это тоже часть событий 60-х

годов. Движение было направлено против того, что лесбиянки оказывались невидимыми. Доминировало мужское движение в организации защиты сексуальных меньшинств.

Сексуальная революция 68-го года развивалась в контексте критики политической системы, появления новой формы повседневного общения, роста сознания. И очень часто это было связано с совместным проживанием. То есть с формой коллективного проживания – общинами, коллективами. Развивалась критика потребления, пересмотр выполнения домашней работы, ухода за детьми и пересмотр норм замкнутости семейной пары.

Меняется законодательство, вступает в силу Закон об индивидуальном налогообложении в 71-м году, об аборте – в 75-м году, происходит массовая кампания за то, чтобы каждый ребенок посещал детский сад.

Таким образом, изменение норм морали и норм сексуального поведения для мужчин и женщин было переведено в очень широкий контекст требований. Было много социалистических понятий, социалистических лозунгов. Это было очень коллективистское направление.

Перейдем к тому, что происходило в России в 90-е годы. В целях анализа я выделяю три материала: телепередачу «Я сама», первые книги психолога Николая Козлова, который основал клуб «Синтон», и книгу Дарьи Асламовой «Приключения дрянной девчонки».

Телешоу «Я сама», наверное, многие знают и помнят. Если смотреть его выпуски, бросается в глаза, что, в основном, их тема – это, конечно, гетеросексуальные и брачные отношения. Гомосексуальные отношения остаются за рамками передачи.

Само название «Я сама» указывает на то, что в центре внимания – героиня и ее выбор. То есть женщина опять должна менять свое поведение и каким-то образом приспособливаться к новой ситуации. Обсуждается проблема личного выбора, личной ответственности женщин за свою судьбу и счастье. Ведущая, героиня, комментаторы нередко выдвигают моральные суждения. Одна из центральных идей – идея выбора. Вместо жестко прописанных правил поведения – новая мораль, которая оказывается более гибкой и доступной для различных толкований. Например, героиня передачи поднимает тему, что она слишком некрасивая. То есть участницы передачи отличаются от активисток женского движения, например в Швеции, прежде всего, нежеланием говорить об общественных проблемах и тем, что все переводится на индивидуальный уровень, подается в индивидуальном ключе. То, что обсуждается, не является какой-то такой глобальной общественной проблемой, не идет речь о том, что проблему можно как-то серьезно изменить.

Семья как социальный институт не критикуется, а гетеросексуальные нормы не ставятся под вопрос. Мужские роли пересматриваются в гораздо меньшей степени, чем женские. В целом, происходит очень осторожный пересмотр гендерных ролей. И, главным образом, поднимается проблема личной ответственности. Этот подход открывает возможность современного консервативного поворота и пересмотра революции интимности, которая происходила в России 90-х годов.

Психолог становится важной фигурой российской революции интимности. Ведущая телешоу, актриса Юлия Миньшова, ссылаясь на психолога, говорит, что женщины без мужчин ей неинтересны. И, в общем-то, очень легко от рассуждения о личном выборе перейти к обвинению женщины в том, что она совершает неправильный выбор. То есть все замыкается на женщине.

Клуб «Синтон» был достаточно популярен в начале 90-х годов. Он появился еще в 80-е на основе молодежного центра «Маленький принц». Но широкая популярность наступила именно в начале 90-х. В основном посетителями клуба были молодые люди до 30 лет, которые надеялись найти друзей и потенциальных кандидатов для сексуальных и брачных отношений, сориентироваться в изменившихся общественных нормах, найти работу, возможность для дополнительного заработка.

То есть вопросы семьи, сексуальных отношений всегда занимали важное место в работе клуба и во всех публикациях Козлова, которые до сих пор можно купить, по крайней мере, в Интернете, в некоторых книжных магазинах тоже. Книги Козлова критикуют советскую семью, где семейные отношения держатся, скорее, на чувстве долга, чем любви, где сексуальное желание и чувство скрыты за рамками приличий. Козлов призывает освободить сексуальность от стыда и рассматривать семью и сексуальные отношения как объект договоренности и здравого смысла.

Передача «Я сама» исходит из того, что женщины и мужчины гетеросексуальны, но они различаются по своей природе. Именно природные различия определяют коммуникацию в семье. То есть неравенство представляется условием и результатом пересмотра общественной морали. Создание семьи или начало и сохранение партнерских, интимных отношений, поскольку пропагандируется сексуальная свобода, оказывается некоей разновидностью предпринимательства: в конкурентной борьбе выживает та, которая лучше поняла свои интересы.

Первые книги Козлова, по крайней мере, предлагают достаточно широкие возможности. С одной стороны, женщина должна быть матерью, женой, хозяйкой дома, с другой – предполагается, что молодая девушка может пробовать, выбирать разные пути в жизни, в том числе проституцию, если она умеет предохраняться.

Книга Дарьи Асламовой «Приключения дрянной девчонки» переиздана много раз (первый раз издана в 1994 году). Эта книга очень откровенная, это одна из первых откровенных книг о женских сексуальных приключениях. Автор с гордостью описывает завоеванных ею мужчин, публичный праздник по поводу потери девственности и подробности сексуальной близости, в том числе с известными людьми.

Цитата: «Сексуальное влечение, оказывается, не связано с сильными эмоциями и любовью, а представляется средством для достижения других целей». Это очень напоминает многие пассажи из Козлова. При этом нередко в рассказы о сексуальных приключениях вплетаются характерные комментарии: Асламова пишет о «ленивых латиноамериканцах», «якобы угнетенных неграх» и т.д. И все они представляются прежде всего как объекты, которые можно использовать для удовлетворения сексуального желания автора. Активная сексуальность не является чем-то постыдным, по мнению автора, наоборот, это гарантирует ей новую социальную позицию в обществе и является важным средством для приобретения таких товаров, как положение в обществе, известность и респектабельность.

Как представляется, утверждение новой сексуальной морали и чувственности в постсоветской России было непосредственно связано с утверждением различий: между мужчиной и женщиной, между представителями различных классов, наций, – то есть различия были в центре неравенства. И это вело к обесцениванию равенства как важной общественной ценности.

В постсоветской сексуальной революции это проявилось особенно ярко, и это очень серьезно отличается от того, что происходило в 60-х годах в Европе – например, в Швеции, где сексуальная революция развивалась в рамках левого коллективистского проекта и радикальной критики семьи как буржуазного института.

Конечно, надо сравнивать гендерные дискурсы 60-х и 90-х в более широкой перспективе. Можем начинать даже с XIX века. Те же самые идеи, например, о двойной морали, обсуждались и в России, и Швеции во второй половине XIX века и первой половине XX века. Можно сказать, что идеи, которые в 20-е годы обсуждались в России, прозвучали в революциях 1968 года на Западе, в Швеции в частности.

Моей целью было не сравнить буквально 1968-й в Швеции и 1990-й в России, а обратить ваше внимание на то, насколько различалось сочетание дискурсов в Швеции и России и к каким разным результатам это привело.

Ольга Здравомыслова. Вы очень интересно показали то, как происходило открытие сексуальности внутри неолиберального дискурса в России в 90-е годы. Собственно, этот дискурс был доминирующим, и, как мы помним, исследовательницы феминистской ориентации называли 90-е годы «патриархатным ренессансом».

Но я бы не сводила «открытие сексуальности» в 90-е годы только к этой тенденции. Потому что именно в 90-е годы началось возрождение феминистского движения в России, рост независимых женских организаций. Фактически, началось создание женского коллективистского проекта. Кстати, он был даже близок к успешности и, конечно, он тоже влиял на отношение к сексуальности, либерализацию сексуальности, стимулировал дискурсивную сексуальную революцию, о чем говорила в своем докладе Анна Темкина. Это было очень неоднозначное время – возможно, даже более неоднозначное, чем начало 20-х годов. Действительно, в 90-е общество – гораздо более культурное, более развитое и восприимчивое. Но все происходило через конфликт неолиберального представления о свободе и коллективистского проекта – это отразили новые представления о сексуальности.

Юлия Градскова. Поэтому всегда есть проблема с 90-ми. Да, был такой проект «женщина – домохозяйка, мужчина – глава семьи». В сексуальной сфере это, скорее, напоминает революцию, и это позитивно: женщина сама выбирает, сама решает.

Но важно понимать, насколько это ограниченный выбор.

Ольга Здравомыслова. И важно понимать, что основной стала проблема неравенства. Поэтому в 90-е годы в России начинается дискурс гендерного равенства.

Юлия Градскова. Я имею в виду популярные дискурсы.

Ольга Здравомыслова. Это входило и в популярные дискурсы. Потому что именно в 90-е годы был запрос СМИ к российским феминисткам и исследовательницам с приглашением к дискуссии, к просветительской деятельности. С этой точки зрения российская сексуальная революция 90-х годов ждет своего исследования.

Реплика. В середине 90-х я заканчивала школу. Тогда на нас обрушилось большое количество порнофильмов. Были видеозалы в Москве, и все побежали эти фильмы смотреть. Еще не окрепшие люди смотрели и думали, что так и должно быть, что это норма...

Любовь Борусяк. Мне пришлось участвовать несколько лет назад в передаче, посвященной сексуальной революции. Один из ее участников был фотографом, который в 90-е годы сделал огромное количество снимков по заказу, по-моему, англичан или немцев, которые издавали фотоальбом «Русская сексуальная революция». Так вот, в этом альбоме были исключительно фотографии проституток.

Я, конечно, восприняла это как карикатуру на то, что происходило в действительности. И то, что Вы рассказали сейчас, – далеко не весь процесс, с которым связывается сексуальная революция 90-х.

Ольга Здравомыслова. Это аналог тому, что вы говорили про 20-е годы, акцентируя в них исключительно взлет венерических заболеваний. То есть то, что конструируют средства массовой информации, – совершенно отдельная тема.

Реплика. Желтая пресса именно тогда появилась. Помню картинки на первых страницах газет...

Ольга Исупова. Допустим, это все так. Но в начале 80-х, если мы говорим о личном опыте, вокруг меня в студенческой среде то же самое говорилось – без всякой порнографии из газет. Так что процесс начался гораздо раньше.

От запретов к вседозволенности и обратно: отношение к нетрадиционной сексуальности

Елена Онегина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Хотела бы представить то, в каком контексте существует современная негетеросексуальность.

В современной России можно наблюдать агрессивное дискурсивное продвижение консервативной идеологии. На этом фоне в медийном пространстве происходит усиление проблематизации ЛГБТ-сообществ и вопросов гендерной идентичности. Дискурсивно создаются определенные модели «правильного» сексуального поведения, семейной жизни – прежде всего, образ гетеросексуальной и многодетной семьи. Соответственно, формируются моральные паники относительно проявлений сексуальности, которая не вписывается в эту нормативную модель. Такое положение поддерживается законодательно и влияет на повседневную жизнь людей, если она по тем или иным причинам не вписывается в эту модель.

Защита традиционных ценностей становится составной частью политики идентичности. И обсуждения вопросов сексуального образования и гендерного неравенства становятся основанием для конфликтов, которые разделяют современное общество и особенно молодежь.

Вместе с этим демократические ценности, в том числе ценности толерантности и гендерного равенства, рассматриваются на уровне федеральных СМИ как западные, чуждые российскому менталитету и образу жизни, не являющиеся «традиционными русскими ценностями». Эта идеология поддерживается законодательством.

В результате ЛГБТ-молодежь, тем более несовершеннолетняя, становится невидимой группой – как на уровне дискурсов, так и на уровне практик.

В последнее время наблюдается усиление влияния церкви на государственную, публичную политику и на регулирование сферы семейной жизни и сексуальности.

Несмотря на влияние консервативного поворота, в публичном пространстве заметно актуализируются дискуссии о сексуальности, праве на частное, приватное. Эти дискуссии концентрируются в новых медиа, чаще всего в источниках, которые находятся в интернете, на независимых порталах. Журналисты и исследователи регулярно привлекают внимание аудитории к вопросам телесности, сексуальности и нормативности.

Есть некоторый положительный эффект такого «неспокойного» отношения идеологов, пропагандистов и политиков к ЛГБТ, поскольку оно сильно влияет на популяризацию и распространение информации. И если опираться на опросы общественного мнения, то оказывается, что после 2013 года люди стали больше реагировать и отвечать на вопрос, что такое гомосексуальность...

Особенно остро встал вопрос после принятия Государственной Думой статьи 6.21. Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (2013), дополнившей Кодекс об административных правонарушениях.

Что изменилось с принятием этого закона? Он не применяется для привлечения к административной ответственности как таковой, так как термин «пропаганда» очень широкий, и об этом много уже говорилось. Но закон очень сильно влияет на деятельность активистов, активистских организаций, правозащитных организаций. Так, любая деятельность активистов может быть остановлена и прекращена вследствие этого закона.

Острая проблема, которую практически не поднимают на государственном уровне, – это преступления ненависти и убийства на почве ксенофобии, трансфобии и т.д. Такого типа убийства и преступления ненависти не фигурируют никаким образом в уголовном законодательстве, так как, в глазах законодателей, ЛГБТ-граждане не являются социальной группой.

С ужесточением ситуации, ЛГБТ-сообщества в России и в частности в Санкт-Петербурге начали активную работу по объединению разных сил: происходит подключение феминистского движения, зоозащитников, очень разных гражданских инициатив, для того чтобы каким-то образом разрешать сложившуюся ситуацию. Один из способов – это жесткое сопротивление, протесты и миграции. И многие активисты и ЛГБТ-люди уезжают из России. Но часть граждан считают, что их заставили, они не хотят менять место жительства и хотят жить в своей стране, потому что они граждане своей страны и патриоты. Поэтому они отстаивают свои права теми доступными способами, которые остались, исходя из того, что их публичные акции тоже регулируются.

Поэтому многие акции, протесты солидарности переползают в online-пространство. И online становится большой площадкой для объединения неравнодушных людей, что имеет большой гражданский потенциал.

В последнее время ЛГБТ-активисты включают в свою повестку много разных тем, широкий спектр вопросов. Поэтому можно сказать, что, вовлекаясь в активизм сейчас, человек несет, прежде всего, индивидуальную ответственность за последствия, которые могут происходить. Несмотря на сильную поддержку сообщества и, например, оказание психологической, юридической и прочей помощи, чаще всего индивид несет персональную ответственность. Каждый для себя должен решить, готов ли он выходить на улицу с пикетом и готов ли публично говорить о себе, когда происходит замалчивание и более жесткий контроль.

Продвижение в России консервативной идеологии и только традиционных ценностей принуждает людей, включенных в сообщество или так или иначе

включенных в национальные гендерные презентации, придумывать новые креативные способы, чтобы донести информацию, просветить сограждан и снизить степень гомофобии и агрессии в российском обществе.

Происходит ли в современной России сексуальная контрреволюция?

Любовь Борусяк, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Известно, что секс – это вещь потенциально очень опасная. Это зона человеческой приватности. Это зона личной ответственности, если государство делегирует человеку право распоряжаться своим телом. И в этом смысле, в истории, человеческая сексуальность была, конечно, очень сильно репрессирована именно потому, что, если ее выпустить на свободу или дать свободу «крылатому Эросу», то всегда существует подозрение, что это будет иметь какие-то негативные последствия.

И не случайно, естественно, как только начинается политическая либерализация, зона ответственности, которую на себя накладывает государство, как шагреневая кожа начинает сжиматься. И наоборот, когда режим ужесточается, гораздо шире становятся те области, куда государство считает себя вправе вмешиваться, не доверяя субъектам коммуникации в этой области самим отвечать за свои поступки.

Сексуальная революция начинается с того, что репрессированная прежде тема начинает артикулироваться, но она становится не социальным явлением, а именно революцией в тот момент, когда затрагивает три сферы: экономику, социальную сферу и политическую. Вот то, что у нас началось в Перестройку и происходило в 90-е годы до их середины, до второй половины, когда была сломана попытка ввести в школах программу полового воспитания. В 1996 году внедрение данной программы в школы страны было приостановлено, как было сказано, «из-за возмущения со стороны родителей и общественных организаций».

Перечислю по пунктам.

1. Экономическая функция семьи – она была в патриархальном обществе, потом постепенно ослабла, и это продолжается, здесь ничего не изменилось.

2. Секуляризация общества. В России процесс идет в строго противоположном направлении. И то, что программы сексуального просвещения в школе рухнули, связано с этим непосредственно.

В чем это проявляется, если говорить о сексуальности? В том, что аборт стал проблемой, прежде всего, моральной и рассматривается строго с религиозной точки зрения: душа зарождается в момент зачатия, или даже до зачатия, и уже содержится в сперматозоидах, поэтому аборт – это настоящее убийство.

3. Сексуальная революция всегда сопровождается тем, что на практическом уровне идут процессы либерализации – например, в отношении к добрачному сексу. В России этот процесс давно шел очень высокими темпами. В связи с тем, что все-таки возраст вступления в брак растет, вряд ли что-то изменилось в плане допустимости добрачного секса.

4. Внебрачный секс. Здесь сложнее: к супружеским изменам отношение неопределенное. Была некоторая либерализация. Последний опрос Левада-центра показал скачок негативного отношения к супружеским изменам как морально недопустимым.

5. Либерализация нетрадиционных сексуальных практик и отношения к гомосексуальности, снижение гомофобии. В этом плане идет, конечно,

существенный откат. По последним опросам, после принятия Закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (2013) тема, которая не была главной и слабо артикулировалась, резко актуализировалась. После принятия закона студенты начинают заявлять, что гомосексуализм – самая острая общественная проблема.

Что сейчас самое важное и интересное? То, что это напоминает реакцию на знаменитые Отчеты Кинси. Когда в 1948-м году вышел знаменитый отчет Альфреда Кинси «Сексуальное поведение самца человека», а в 1953-м – второй отчет «Сексуальное поведение самки человека», Америка, которая гордилась своими традиционными консервативными ценностями, как будто впервые увидела себя, была потрясена и не захотела принять реальности. Началась реакция, а в 60-е годы началась сексуальная революция.

На ценностном уровне у нас идет регресс, который я несколько утрированно назвала «контрреволюцией». Но ценности и практики в ситуации репрессий могут очень сильно различаться. И то, что репрессируется, то не артикулируется, загоняется вглубь и разрушает социальность.

На ценностном уровне люди во многом уже восприняли «новые» консервативные ценности, и опросы об этом свидетельствуют. На уровне практик они ведут себя иначе. Разрыв практик и ценностей – это тоже черта сексуальной контрреволюции. Но в то же время это дает основание предполагать, что изменения в ценностях возможны. Как говорил Альфред Кинси, когда его спрашивали, вреден ли онанизм: я этого не знаю, но я это выясню...

Ольга Здравомыслова. Выступление Любви Борусяк приглашает к дискуссии. Она привела убедительные доказательства резкого усиления консервативной тенденции в обществе. Но нельзя не признать, что противоположная тенденция – либерализация, культурная модернизация – стала настолько сильной, что консервативный поворот, охранительная реакция выглядят, скорее, как страх, моральная растерянность от неспособности жить в изменяющейся реальности. Об этом хорошо говорил Йенс Зигерт, который вспомнил знаковую статью Владислава Суркова по поводу временно отступивших мужчин, которые все равно прорвутся и займут главное место. Йенс связал это со страхом и неспособностью принять новый мир.

Разумеется, это совсем не благодный мир, и он наступил «после 68-го года». Но это мир, в котором не может быть того, что произошло, например, в советской России, когда вслед за попыткой освобождения установилось тоталитарное подавление личности и общества. Это было и срывом первой сексуальной революции в России.

Любовь Борусяк говорила о том, что сексуальная контрреволюция произошла не на ценностном уровне. Но, возможно, мы не понимаем еще, что произошло на ценностном уровне общественного сознания.

Любовь Борусяк. Буквально вчера появился очередной опрос Левада-центра, в котором есть вопрос про качества мужчин, которые ценят в них женщины. И вдруг выясняется, что с 2014 года уменьшилось число ответов, в которых таким качеством называли порядочность.

Ольга Здравомыслова. Вопрос, которым хотелось бы закончить нашу дискуссию, – скорее, риторический. Если оттолкнуться от тезиса Йенса Зигерта, что западные общества прошли в 68-м году точку невозврата и обратное движение уже невозможно, правомерно ли сказать, что российское общество

тоже прошло свою точку невозврата? Пока можно утверждать лишь то, что все исходит через острый, причем публичный, конфликт и политизируется. Вспомним хотя бы «случай депутата Слуцкого», который здесь уже упоминали.

Ольга Исупова. Небольшая ремарка. Насчет того, может ли общество, которое уже модернизировано, хотя бы частично вернуть что-то из архаического прошлого. Если судить по демографическому показателю, такому как среднее число детей на женщин, то демографический переход произошел на всей территории России. Вместе с ним произошли все соответствующие остальные изменения. Конечно, они могут происходить в разных формах. Скажем, где-то женщины надели хиджабы и т.д. Но теперь в соцсетях они их снимают. Женщины везде работают, полно работающих женщин. И детей у них тоже, как правило, двое, если уже даже не меньше.

Любовь Борусяк. Похоже, те женщины более модернизированы, чем иные женщины в Центральной России...

Ольга Исупова. Все, что угодно, можно делать – люди, конечно, не будут лезть на танки, не будут стремиться, чтобы их забили камнями, но они будут придумывать что-то другое, свое. По-тихому...

Кто-то довольно остроумно заметил, что Слуцкий – порождение пережитков крепостного права в нашем обществе. И дело в том, что мы, наконец-то, больше не хотим быть крепостными.

Надежда Ажгихина, факультет журналистики МГУ.

Во-первых, соглашусь с тем, что мы прошли точку невозврата. Думаю, что происходит какое-то проникновение разных сегментов информационного пространства. Это очень позитивно, это началось у нас в Перестройку и продолжается. Как непосредственный участник этого процесса я вижу здесь колоссальный прогресс. Даже несмотря на всю распространенность патриархальной риторики, она все-таки уходящая натура.

Я регулярно общаюсь с молодыми людьми, которые ничего этого не смотрят, не читают. Они нажимают на кнопку, например, telegram и через три минуты знают, что здесь происходит. И у них на это есть свое мнение.

Мне кажется, что не может быть возврата к прошлому – ни к советскому, ни к лагерному... Хотя мне кажется, что с лагерным прошлым и с лагерной практикой связана эта наглость Слуцкого. Это что-то очень глубинное.

Ольга Здравомыслова. В завершение разговора хочу поблагодарить всех его участников – выступивших и слушавших о постсоветской сексуальной революции.

Совершенно очевидно, что эта тема необъятна, в ней много смысловых пластов, личное переплетено в ней с гражданским и политическим.

Мы будем продолжать наши исследования и дискуссию.

Дата поступления: 15.01.2019

“Post-Soviet sexual revolution”: history and modernity. Group Discussion

DOI: 10.19181/inter.2019.17.1

Olga Zdravomyslova

Zdravomyslova Olga – Doctor of Philosophy, Executive Director of the International Fund for Socio-Economic and Political Science (Gorbachev Foundation), omz7253@gmail.com.

Panelists: Lyubov Borusyak, Leading Researcher, Moscow State Pedagogical University, Associate Professor of Higher School of Economics; Julia Gradszkova, Associate Professor at the Södertörn University (Sweden); Jens Siegert, Project Manager “Public Diplomacy. EU and Russia”; Olga Isupova, Senior Researcher, Institute of Demography, HSE; Helen Karlbak, Associate Professor at Södertörn University (Sweden); Elena Onegina, employee of the Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg; Anna Temkina, co-director of the gender program of the Faculty of Sociology and Philosophy of the European University in St. Petersburg.

The group discussion at March 30, 2018 covers a wide range of problems related to modern sexuality, social norms that regulate it, and the historical circumstances that influenced these norms. In the speeches of the participants, three generations of the sexual revolution in Russia are designated: the generation of the behavioral revolution, the generation of the discursive revolution and the generation of the gender revolution. It considers the Bolshevik gender reforms, expressed in the adoption of laws aimed at changing the role of women in the family and society and changing the basis of relations between men and women due to legislative consolidation of gender equality. The authors point out fundamental differences in the pace and nature of gender modernization in Western countries and in Russia, expressed in the fact that in the West, the consequences of the “sexual revolution” of 1968 significantly changed the behavior of both men and women, in the countries of the Soviet bloc only female roles have changed. It is noted, however, that although men show a growing interest in active fatherhood, women in the majority reserve the right to make all reproductive decisions on their own.

Keywords: gender, sexuality, sexual revolution, changing gender roles, reproductive choice, conscious fatherhood, modernization, family.

Received at: 15.01.2019

История человеческой красоты в феминистской мысли¹

DOI: 10.19181/inter.2019.17.2

Ахмет Мерт²

В статье рассматривается историческая динамика способов концептуализации человеческой красоты в феминистской мысли XX века. Предлагается сравнительный и критический анализ текстов, в которых в наиболее концентрированном виде представлены определенные этапы и характерный для них образ мысли феминистской теории. В качестве авторов выбраны из первой волны феминизма — Александра Коллонтай, которая представляет также марксистскую теорию, из второй — Симона де Бовуар, которая сыграла ключевую роль в развитии феминизма, из третьей — Наоми Вульф, которая радикальным теоретическим жестом привлекла исследовательские интересы и «революционное» идеологическое внимание к человеческой красоте. Утверждается, что движение исследовательского внимания феминистского подхода показывает, что оно все больше и больше концентрируется в моменте понятия, сведенного лишь к функции человеческой красоты в социальной жизни, следовательно, чувственный опыт человеческой красоты ограничивается исключительно субъективным и ложным восприятием, теряющим собственную истинность.

Ключевые слова: красота, человеческая красота, феминизм, Коллонтай, де Бовуар, Вульф

Введение

При всем многообразии житейских и научных взглядов на природу человеческой красоты, в спорах на эту тему редко явным образом формулируются два существенных вопроса: во-первых, откуда берется представление о красоте и,

---

¹ Автор выражает глубокую признательность проф. И.Ф. Девятко, которая внимательно прочитала эту работу и высказала критические замечания.

² Мерт Ахмет – магистр программы «Комплексный социальный анализ» НИУ ВШЭ, ассистент департамента социологии НИУ ВШЭ, amert@hse.ru

во-вторых, какую функцию выполняет красота в реальности или, задавая этот вопрос с теоретическим интересом, как функционирует красота в социальной жизни. Поскольку для индивидов представление о красоте часто превращается в убеждение о красоте конкретных людей, например, своих любимых, различные представления и предпочтения других индивидов естественно рожают загадку, требующую разрешения (Кант, 2018; Гадамер, 1991). Эта индивидуальная и обыденная потребность в разрешении загадки отчасти связана с требованием человеческого разума к однозначной модели объяснения мира, строящейся на дихотомии субъективного и объективного, которая может быть компромиссной или радикальной. Наряду с этой загадкой, в основу мышления гораздо глубже заложена задача постичь чувственный и непосредственный опыт в концептуальном языке, что определяет необходимость концептуальной модели для объяснения человеческой красоты. За эту задачу долгое время отвечала эстетика как философская дисциплина, однако в двадцатом веке, вместе с устареванием и отсутствием согласия даже в дефиниции понятия прекрасного, последнее потеряло свою популярность, получив некоторую критику. (Danto, 2003; Wittgenstein, 1966). В конце прошлого века понятие красоты через различные эксплицитные попытки реабилитации снова приобрело актуальность в различных сферах, таких как феминистская мысль, практическая и критическая художественная деятельность (Brand, 1999), эволюционная психология (Symons, 1981), эстетика (Beckley, Shapiro, 1998), этика (Danto, 1998) и т.д. При этом для феминистской теории оно имело совершенно особое значение, став ее неотъемлемым и необходимым компонентом. На наш взгляд, очень хорошо значимость этого компонента для феминизма демонстрирует следующая формулировка: женская красота не только является символом определенных патриархальных ценностей, но и представляет собой инструмент, посредством которого механизм социального контроля применяет насилие к представителям женского пола (Bordo, 2004). Однако, ссылаясь на выводы современной феминистской мысли, которые указывают на перспективу рассмотрения вопроса красоты, открывающую фундаментальную, по сути функциональную, связь последнего с другими понятиями, такими как социальный контроль, насилие, эксплуатация и т.д., мы лишь устанавливаем значение этой задачи для феминистской мысли, только в обратном порядке, оправдывая поставленный вопрос тем, чему ответ на него, кажется, призван служить. Такое объяснение источника представления о человеческой красоте через ее функцию сводит сформулированные выше два вопроса к одному. Несмотря на очевидность значимости ответа, вопрос о постановке самого вопроса красоты остается смутным: почему речь о красоте лучше, чем молчание, и почему речь должна была идти именно о человеческой красоте? Какова была интуиция, предшествующая вопросу, и на какой теоретической почве развивался этот вопрос так, чтобы быть поставленным очевидным образом? Почему именно к красоте относят данные функции? Рассматривается ли красота в своей особенности, или какую концептуальную форму она приобретает в связи с этой назначенностью к ответу на поставленный вопрос? Для того, чтобы ответить на эти вопросы или хотя бы приблизиться к их ответу, мы должны исследовать историческое развитие процесса концептуализации человеческой красоты во взаимосвязи с поставленным вопросом и изначальной интуицией.

В данной статье предметом исследования станет историческая динамика способов концептуализации человеческой красоты в феминистской мысли XX века, которую мы попытаемся рассмотреть в контексте ее взаимосвязи с

различными ответами на обозначенный выше вопрос о природе познавательного интереса к самой этой теме. Поскольку результатом данной работы предполагается не литературный обзор, а сравнительный и критический анализ, мы подвергли внимательному и критическому прочтению тексты, в которых, на наш взгляд, в наиболее концентрированном виде представлены определенные этапы и характерный для них образ мысли феминистской теории, и ограничились этими текстами. В качестве авторов мы выбрали из первой волны феминизма Александру Коллонтай, которая представляет также марксистскую теорию, из второй волны – Симону де Бовуар, которая сыграла ключевую роль в развитии феминизма, из третьей – Наоми Вульф, которая радикальным теоретическим жестом привлекла исследовательские интересы и «революционное» идеологическое внимание к человеческой красоте.

Ранние феминистские теории человеческой красоты: А.М. Коллонтай

Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952), русская революционерка и важная фигура мирового феминизма, является для нас отправной точкой исследования феминистской теории человеческой красоты. Главный текст, который подвергнется анализу – «Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи)» (Коллонтай, 1923), Коллонтай посвящает вопросу телесной любви и отношениям между двумя полами. Проблема красоты здесь изначально выступает как проблема половой привлекательности женщин и мужчин по отношению друг к другу. Слово «красота» в текстах А.М. Коллонтай встречается как совершенно обыденное слово, которое пока еще не следует считать теоретическим понятием. Это также является важным фактом для настоящего исследования, поскольку указывает на начальный уровень теоретической рефлексии, идеологической саморефлексии и самосознания первой волны феминизма. Однако контекст сексуальной (биологической и социальной) привлекательности уже позволяет нам приступить к разбору позиции автора.

Метафору «Эроса» (бог любви в греческой мифологии), поднятую в истории философии впервые Платоном в «Федре», Коллонтай употребляет в чистом виде как отсылку к половому влечению и привлекательности. В тексте Коллонтай Эрос то окрыляется, то обескрыливается, то появляется, то исчезает с поверхности социальной жизни, то к нему ведет дорога, то от него, – т.е. действует Эрос и действуют люди по отношению к Эросу. «Эрос бескрылый» означает голый биологический инстинкт, из которого проистекает влечение между женщинами и мужчинами. «Крылатым Эросом» автор называет одухотворенное, социопсихологическое влечение между полами, устанавливающее критерии красоты. Но крылья у Эроса непростые: по выражению Коллонтай, он «нежнокрылый», нежность – это оценка, с помощью которой автор устанавливает иерархию между двумя Эросами, между природным и социальным. Чем определяются условия появления крыльев и в чем заключается процесс окрыления и обескрыливания?

«Недавно у нас в России, в годы обостренной гражданской войны и борьбы с разрухой, эта загадка мало кого занимала. Другие чувства, другие более действенные страсти и переживания владели трудовым человечеством. Кто в те годы стал бы серьезно считаться с любовными огорчениями и муками, когда за плечами каждого караулила безглазая смерть, когда вопрос шел о том: кто победит – революция и, значит, прогресс или контрреволюция и, значит, реакция? Перед грозным лицом великой мятежницы – революции – нежнокрылому Эросу (“богу любви”) пришлось пугливо исчезнуть с поверхности

жизни. Для любовных «радостей и пыток» не было ни времени, ни избытка душевных сил. ... Господином положения на время оказался несложный, естественный голос природы – биологический инстинкт воспроизводства, влечение двух половых особей»

(Коллонтай, 1923).

При интерпретации этой цитаты имеет смысл основываться на оппозиции «необходимость – свобода», которая Гегелем проблематизировалась в контексте прекрасного в природе и искусстве. Прекрасное в искусстве, находясь в «царстве свободы», рассматривалось Гегелем «выше» прекрасного в природе. Та же самая метафизическая позиция, с заменой искусства «социальным», повторяется при описании распада социального; природа, как поле необходимости, выступает как абсолютная почва привлекательности. При утрате свободы Эрос остается бескрылым, опускается обратно на землю, в природу. Главное условие верховенства человеческой привлекательности – отрыв от природы, необходимый переход к социальному. Это правило относится, по Коллонтай, как к первому состоянию до образования психосоциальных механизмов, так и к социальным кризисам, распаду социальной свободы. Насколько бы сильным разрыв между ними ни был, при распаде социального природа предстает как условная и произвольная «точка возвращения». Это резкое противопоставление, конечно, работает не по аристотелевской, а по диалектической логике. Противоположные стороны, по Коллонтай, так же как по Марксу, в реальности сосуществуют, сочленяются, зарождают внутреннее противоречие и через последнее находят разрешение в становлении более сложной формы реальности. Ровно так же, по Коллонтай, которая исследует женский вопрос в зависимости от вопроса социалистической революции, судьба Эроса заключается в том, что с развитием социального строя он окрыляется. Однако, «лицемерная, – отмечает Коллонтай, – мораль буржуазной культуры беспощадно вырывала перья из пестрых, многоцветных крыльев Эроса» (Коллонтай, 1923). Итак, противоречия при капитализме не устраняются, крылатый и бескрылый Эросы, биологическая и социальная красота одновременно присутствуют:

«С одной стороны, здоровый половой инстинкт – влечение двух полов друг к другу в целях воспроизводства под давлением уродливых социально-экономических отношений, особенно при господстве капитализма, выродился в нездоровую похоть. ... С другой стороны, телесное влечение двух полов за тысячелетия социальной жизни человечества и смены культур обросло целым наслоением духовно-душевных переживаний»

(Коллонтай, 1923).

Коллонтай называет второе (социальное) любовью во всеобщем смысле, концептуально содержащей в себе уже не биологическую, а социально обусловленную привлекательность – красоту. Однако теперь труднее устанавливать связь между грубо телесно-биологическим влечением и социально-одухотворенной любовью. Особенно, когда некоторые виды любви (например, между полами) имеют телесную сторону, а другие полностью ее утратили.

«Любовь-дружба, в которой нет и атома физического влечения, духовная любовь к делу, к идее, безликая любовь к коллективу – все это явления,

свидетельствующие о том, насколько чувство любви оторвалось от своей биологической базы, насколько оно стало «одухотворенным»» (Коллонтай, 1923).

Это другая дихотомия в самом крылатом Эросе, которая ждет своего решения в социализме, в разрушении капиталистической морали, в изменении культурно-хозяйственной базы человечества, в воплощении пролетарской идеологии. Новой фазой, с точки зрения автора, будет любовь-товарищество, когда привлекательность и красота, даже между полами, больше будут обуславливаться не биологическими механизмами, а «симпатическими скрепами» между всеми членами нового общества и пробуждением и проявлением как раз тех свойств души, которые нужны для строителей новой культуры: «чуткость, отзывчивость, желание помочь другому» и т.д.

Следует снова подчеркнуть два пункта: во-первых, Коллонтай как представитель первой волны еще не опирается на достаточные ресурсы феминистской рефлексии, чтобы исследовать проблему человеческой или женской красоты как отдельную тему развития эстетического суждения. Однако наш дискурсивный разбор показывает имплицитную проблематизацию представления о человеческой красоте в биологической и социальной фазах. Во-вторых, Коллонтай как представитель социалистического революционного движения исследует диалектику привлекательности между полами не в своей собственной диалектике и не в диалектике «мужчина – женщина», а лишь в классовой диалектике.

Симона де Бовуар

Симона де Бовуар (1908–1986), французская писательница, является одной из наиболее важных фигур второй волны феминизма. Будучи представительницей экзистенциальной философии, она использует марксистскую теорию в качестве компонента, интегрирующего ее теорию «женского вопроса». В отличие от Коллонтай, она рассматривает проблему человеческой красоты в пределах «женского вопроса», находящегося в более общей системе – системе ценностей. Де Бовуар признает красоту как важный элемент социальной жизни, однако было бы сомнительно утверждать, что она интересуется самой красотой и представлением о ней. Она, скорее, заинтересована красотой, которой женщины вынуждены обладать, и функцией, которую выполняет красота. Начнем с оппозиции «природное – социальное», как это и делает Симона де Бовуар в своей известной книге «Второй пол» (Бовуар, 1997). Позиция С. де Бовуар заключается в том, что «ценность мускульной силы (биология – А. М.), фаллоса (фрейдизм – А. М.), орудий труда (исторический материализм – А. М.) может быть определена лишь в более общей системе ценностей – она вырабатывается в том фундаментальном проекте человека, с которым тот трансцендирует к бытию» (Бовуар, 1997: 91). С. де Бовуар, с похвалой пишущая об историческом материализме, берет в качестве текста для анализа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и, находя его поверхностным в объяснении источников собственности, в конце концов, редуцирует весь исторический материализм к экономическому анализу истории с точки зрения технического развития. Позиция С. де Бовуар по отношению к теоретическим основам исторического материализма достаточно сомнительна и в том, насколько она сама уклоняется от материалистической диалектики и предлагает новую материалистическую теорию. Этот вопрос выходит за пределы данной работы, но для того, чтобы зафиксировать позицию С. де Бовуар, следует отметить, что она отрицает «любую систему координат, подразумевающую существование природной иерархии ценностей, например эволюционной иерархии. ... Все эти

рассуждения, – отмечает она, – в которых весьма туманный натурализм перемешан с еще более туманными этикой и эстетикой, – чистейшее словоблудие» (Бовуар, 1997: 67). Человек для нее – не изначально данное существо: он сам себя делает тем, кто он есть.

«Идеал женской красоты меняется; но некоторые требования остаются постоянными; например, поскольку предназначение женщины в том, чтобы быть обладаемой, ее телу должны быть свойственны инертность и пассивность объекта»

(Бовуар, 1997: 35).

С. де Бовуар смеет сказать, что остающиеся неизменными признаки идеала женской красоты не проистекают из самой природы. Она ставит в основу идеала другой неизменный идеал – идеал идеала – идеал идеализированной женщины как абсолюта. Когда сам идеал осуществляется в частных условиях, идеал идеала, который упорядочивает условия идеальности, осуществляется иным путем. Она пытается обосновывать этот абсолюта в системе «женщина – мужчина», в которой женщина представляет собой «второй пол» и «другую» по отношению к мужчинам в патриархально устроенном мире. Отклонение от отдельных дисциплин и рассмотрение всех явлений человека в общей системе ценностей приводят автора к другой, более острой метафизике, сведению эстетического суждения к идеалам «вектора ценностей». Однако оси векторной системы, или, поскольку ее язык описания иногда приближается к структурализму, устройства структуры, работают неоднозначно. Женщина иногда символизирует имманентность, иногда вступает как мысленный знак трансцендентности. На это автор имеет полное право, однако эти переходы кажутся произвольными по отношению к оппозиции «мужчина – женщина»:

«Пристрастие восточных мужчин к полным женщинам того же свойства; им нравится абсурдное изобилие разросшихся жировых тканей, не одушевленных никаким проектом, не имеющих иного смысла, кроме того, что они есть. ... Женщина тем желаннее, чем полнее раскрывается в ней природа и чем строже она порабощена: идеальным эротическим объектом всегда была “замысловатая” женщина. Вкус же к более естественной красоте часто бывает всего лишь благовидной формой той же замысловатости»

(Бовуар, 1997: 200–201).

Женщина как идеальный эротический объект и женщина как идеальный красивый объект противостоят друг другу. На одной стороне стоит женщина, не имеющая никакого другого смысла, кроме своей имманентности, на другой стороне – замысловатая женщина, не существующая в имманентности. Однако переходы между ними не основываются на самой идее «женщины» как «другой», как «второго пола». Это противостояние не проводится систематически французским автором, а лишь констатируется в теоретическом языке. Однако этому произвольному языку предшествует некоторая неизменная и неслучайная позиция. Данное различие между имманентностью объективного положения женщины в реальной социальной жизни и трансцендентностью субъективного положения женщины в воображении мужчин предполагает отделенность реальности социального от его воображения, хотя то, что имманентностью

называется, имманентно лишь для своего «другого» – мужского пола. Следовательно, объективность женского тела как красивого предмета оказывается сама по себе субъективной. Чем отличаются те свойства, которыми наделяется «замысловатая» женщина, от других? Как эта схема мысли связана с заложенной в основу книги идеей первичности существования перед сущностью, если уже относит первичность к сущности? Автор об этом не пишет и оставляет вопрос о женской красоте и эротичности в метафизической системе ценностей. С. де Бовуар вводит еще одно направление для этого противопоставления:

«Мужская красота состоит в приспособленности тела к исполнению активных функций – это сила, ловкость, гибкость, это явленная трансцендентность (курсив – А. М.), одушевляющая тело, которому надлежит никогда не замыкаться на самом себе»

(Бовуар, 1997: 200).

«Трансцендентность – имманентность», оппозиция, взятая из экзистенциальной философии Сартра, играет ключевую роль в теории С. де Бовуар. Эти понятия являются крышей, под которой концентрируются различные относящиеся к полам оппозиции. Тогда как трансцендентность, в основном, означает прогрессивную, динамическую и положительную сторону, такую как вкладывание смыслов и целей своей жизни, – имманентность стоит на противоположной, статичной стороне. Женщина как человек имеет способность к трансцендентности, свободу воли, субъектность, однако в силу мужского давления она остается только имманентным объектом и вынуждена принимать себя как «другого». Как отмечалось выше, человек, с точки зрения С. де Бовуар, не рождается человеком, он делает себя таким, каким он есть. Это адаптированная версия лозунга сартровского экзистенциализма: «Существование предшествует сущности». Когда мы рассматриваем эту схему, которая ставит деятельность и сущность во временную структуру и иерархическое отношение, вместе с идеей имманентности и трансцендентности женщины, выясняется идеалистичность и метафизичность этого утверждения. Ясно, что под женщиной подразумевается не-природное, социальное существо. Однако ее социальность не обосновывается в изначальных материалистических процессах, им предшествует «заложенная в женщине (способность к) трансцендентности». В этом контексте уместным кажется упоминание критики Хайдеггера, адресованной Сартру (Heidegger, 1978). Как определение «трансцендентности» и «имманентности», так и определение «женщины, которой можно стать» и «женщины, которой можно быть» соответствует Платоновой схеме – только в перевернутом виде. А экзистенциальное толкование сущности женской красоты, вместе с женщиной, подвергается осмыслению в соответствии с этой схемой, тогда как материалистическое толкование истории, которое очень важно в объяснениях автора, выступает только во вторую очередь.

Подводя итог, можно сказать, что женская красота у С. де Бовуар стоит в двух оппозиционных отношениях: «женская красота – женская эротичность» и «женская красота – мужская красота». Обе дихотомии, во-первых, опираются только на гендерное различие, во-вторых, проистекают из категорий «трансцендентность – имманентность», через которые рассматривается диалектическое развитие второго пола. Объектом критики становится не сама красота, а именно та ценностная система, которая заставляет женщину обладать красотой. Красота рассматривается как нечто самостоятельное и само по себе

истинное. При этом проблемой для мысли С. де Бовуар является именно условие ее восприятия или представления о ней. В таком рассмотрении, чувственное восприятие человеческой красоты остается чем-то внешним по отношению к главному объекту критического анализа С. де Бовуар, т.е. к понятию красоты или красоте как моменту понятия.

Наоми Вульф

Наоми Вульф, представительница третьей волны феминизма, находится в точке разрыва в развитии феминистской мысли о человеческой красоте. Ее культовая книга «Миф о красоте», получившая большую популярность во всем мире, иллюстрирует радикализованную позицию нового феминизма по отношению к человеческой красоте. Применение марксистской теории в анализе отношений между полами у А.М. Коллонтай и смесь теории экзистенциализма с методологией исторического материализма у С. де Бовуар уступают место радикализации и абсолютизации идеологических и, стоит отметить, не всегда осторожных толкований у Н. Вульф. В предыдущих двух примерах различные философские теории служили теоретическим базисом для рассуждений о женском вопросе и о человеческой красоте. Однако у Н. Вульф феминизм выступает уже как всеобъемлющая основа рассуждений о других явлениях. Мы не ставим здесь своей целью детальный разбор общей феминистской теории Вульф, которая развивается не через теоретическую абстракцию, а через активный анализ данных и рассуждения об имманентном. Ее подход позволяет нам увидеть развитие, с одной стороны, теории о человеческой красоте, с другой стороны, идеологическую саморефлексию. В приближении и объединении последних заключается тот момент, который мы назвали «точкой разрыва» в феминистской мысли.

Теперь, фокусируя наш анализ на этой проблемной точке, нам предстоит проанализировать текст Н. Вульф как почву идеологизированной теории и теоретизированной идеологии – как неразделимую двоичность, проявляющую себя только друг в друге. Обращаясь к тексту Вульф, рассмотрим идеологию красоты, берущую свое начало в предшествующих теориях, развивающую содержащиеся в них идеи и, тем самым, подчиняющуюся этой теоретической диалектике. Также рассмотрим данную теорию как претендующую представить суть предшествующей феминистской идеологии. Эпиграфа этой части достаточно, чтобы показать следы марксистского или гегельянского духа, согласно которому над господствующим господствует свое господство. Однако Вульф уже полностью ставит себя на место того, над которым господствуют – т.е. женщины, и начинает представлять, как мыслит она:

«Чем больше препятствий правового и материального характера преодолевают женщины на своем пути к освобождению, тем сильнее давит на них идеальное представление о красоте»

(Вульф, 2013: 22).

Идеальность представления о красоте не опирается на платоновский идеал красоты женщины. Она проистекает прямо из общественных отношений (конечно, если вдруг не приписывает патриархальной системе собственный разум). Поскольку общество устроено патриархально, идеал женской красоты, по

мнению Н. Вульф, не принадлежит женщинам. Однако то, что является результатом социальных отношений, превращается в поддерживающий фактор этих общественных связей, т.е. в их средство для выполнения функции насилия. Насколько для автора принципиальна возможность темпорального перевертывания следствия в причину? Этот вопрос непосредственно интересует нас именно в связи с эволюционной психологией.

«Не является красота и результатом эволюции – ее идеалы меняются намного быстрее. Даже сам Чарльз Дарвин не был до конца убежден в правоте своей теории о том, что красота – это результат сексуального отбора, который, в свою очередь, является отступлением от закона естественного отбора. Конкуренция женщин между собой с использованием красоты как оружия борьбы представляет собой прямую противоположность процесса естественного отбора, в котором участвуют все другие виды млекопитающих»

(Вульф, 2013: 26).

Здесь речь идет о превращении красоты как результата эволюционного отбора в целом в красоту как средство продолжения естественного отбора. Критика Н. Вульф, на самом деле, относится также к ее собственной теории, где идеал как результат превращается в идеал как средство (оружие). Что же, собственно, заставляет автора делать выбор между двумя схемами и обвинять эволюционную схему в патриархальности?

В данном случае мы можем говорить не о колеблющемся позиционировании автора на континууме «биологическое – социальное». Эта позиция настолько полемически заострена, что автор закрывает глаза на то, что социальное, берущее верховенство над биологическим, все еще делает себя возможным через биологическое. С. де Бовуар утверждала, что биологические основы человеческой красоты могут быть осмыслены только в рамках социального. Однако Н. Вульф, увидев, что это осмысление не в пользу женщин, отрицает саму оппозицию. Отрицание дихотомии может быть осмысленным только в том случае, если оно ведет к понятийному лишению смысла обоих полюсов дихотомии и отрицанию в том числе социальных основ – отрицанию в целом идеала красоты. Н. Вульф как раз делает это и когда называет современное представление о человеческой красоте «мифом», и когда утверждает, что этот миф не имеет ни исторического, ни биологического обоснования. Как возможно явление без исторического и биологического прошлого? Когда Вульф указывает «на потребности современных структур власти, экономики и культуры начать развернутое контрнаступление на прекрасный пол», не делает ли она шаг в сторону исторического объяснения? Ее отрицание относится к каким-либо теоретическим основам красоты или самому явлению красоты? При таких условиях очень сложно увидеть ее переход от идеологического к теоретическому, поскольку они воспринимаются как тождественные.

Автор дает различные объяснения тому, почему красота превращается в средство насилия и почему это нужно мужскому господству. Однако она не отвечает на вопросы, как патриархальное насилие принимает вид эстетического суждения, почему следует полностью отрицать миф о красоте, несмотря на то, что в сознании людей красота выступает как реальное эстетическое восприятие и, наконец, почему миф о красоте сам собой – постоянно или постепенно – не преодолевается при условиях освобождения женщин. Помимо этого, важным фактом для понимания истории феминистской мысли является то, что среди

феминистских теоретиков Н. Вульф впервые уделила такое большое внимание вопросу красоты, поставив это явление в фокус своего исследования. С идеологической точки зрения, ее аргументация начинается с отрицания одного мифа о красоте и заканчивается созданием нового, еще более идеологизированного мифа о красоте: «У всех женщин, которые способны испытывать удовольствие, хорошее тело ... женственность и женская сексуальность прекрасны.... В этой своей сексуальности женщины красивы, великолепны, потрясающи» (Вульф, 2013: 260) – от красоты в глазах смотрящего мужчины к красоте в глазах чувствующей женщины, фактически отрицая «субъективно выражаемые» детерминанты красоты, при этом принимая другие субъективные детерминанты.

Это собственное внутреннее диалектическое развитие женского вопроса, – которое можно назвать, вслед за С. де Бовуар, диалектикой господина и раба по отношению к проблеме человеческой красоты, – в следующей фазе теоретической эволюции встречается с концепцией «эротического капитала» Кэтрин Хаким, которая призывает всех женщин эксплуатировать свою эротичность. Как будто «диалектика приводит раба к победе, но его кажущееся верховенство является при этом лишь самостоятельной волей к рабству (курсив – А. М.)» (Деррида, 2000: 57).

Заключение

В данной работе мы рассматривали историю понятия человеческой красоты в феминистской мысли. Александра Коллонтай обратила внимание на изменяющиеся при различных социальных условиях представления о человеческой красоте с учетом социальных отношений между полами. Этот непроблематизированный подход к человеческой красоте хорошо демонстрирует изначальную интуицию феминистской мысли: в человеческой красоте представляет интерес не сама красота в своей трансцендентальной свободе, а именно ее детерминация социальными условиями. Симона де Бовуар, неоспариваемым образом используя ту же интуицию, рассматривала женскую красоту, точнее, специфику ее функционирования, как результат патриархальной системы. Она стала родоначальницей важного подхода к человеческой красоте в социальной теории: красивой не рождаются, а становятся, ровно так же, как женщиной не рождаются, а становятся. При этом условия становления, по мнению автора, не детерминируются изначально заданной эволюционным процессом или экономическим базисом ценностной иерархией, а социальное создает свою систему. Несмотря на то, что человеческая красота обладает собственным существованием в чистом виде восприятия, ее релевантность зависит от ценностной системы, так что отрицается не красота как таковая или, используя выражение из книги С. де Бовуар, ее «для-себя-бытие», а ее неистинное, несправедливое и символическое место, которое определяется при условиях принятия человеческого существования, установленного в патриархальной манере, как ценности. Наоми Вульф, в еще большей степени расширяя очерченную перспективу, рассматривала красоту не только как результат, но и как средство – инструмент мужского насилия. Вместе с тем, она именуется «мифом красоты» различные биологические, исторические, духовные и т.п. объяснения в их совокупности, принципиально опровергая все остальные объяснения. При этом опровержение Н. Вульф не только относится к различного рода объяснениям человеческой красоты, но и к чувственному опыту красоты, следовательно, к самой красоте, которая рассматривается в качестве чего-то лишь понятийного. Это приводит к выводу о том, что чувственное восприятие человеческой красоты

ограничивается исключительно субъективным и ложным восприятием, теряющим под господством «понятийного» собственную истинность.

Можно утверждать, что движение исследовательского внимания феминистского подхода показывает, что оно все больше и больше концентрируется на моменте понятия. Красота, прежде всего, является понятием, с помощью которого устанавливается и подтверждается мужское насилие над женщиной. Если даже в этом подходе и признается какой-нибудь момент чувственного восприятия красоты, то он неизбежно подчиняется этому понятийному конструированию. Социальная конструкция понятия красоты выступает как мыслительная проекция, которая успешно представляет себя субъекту как натуральное состояние красоты и убеждает в этом людей, скрываясь за другими социальными конструкциями, например, за наукой, философией и т.д. Можно в духе феминистской традиции теоретизирования сказать, что понятие красоты, возникшее из общественного обычая, было восславлено мужчинами, считавшими, что женщины должны подчиняться им. Все, что социально обусловлено в красоте, представляется в этой традиции как средство порабощения женщин, однако тот момент чувства прекрасного, существование которого лишь метафизически принимается, упускается из виду и отрицается вместе с социально сконструированным понятием. Собственно говоря, чем больше феминизм дебиологизирует свое представление о мире, тем сильнее укрепляет свое мысленное представление о природном мире и веру в него, однако в такой же степени теряет возможности исследовать биологические условия выхода человека за свои «естественные» пределы.

Литература

Бовуар С. де. Второй пол. В 2 т. / Пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетей, 1997.

Вульф Н. Миф о красоте: Стереотипы против женщин / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

Гадамер Х. Актуальность прекрасного. М.: Директ-Медиа, 1991.

Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. Сост. и общая ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.

Кант И. Критика способности суждения. М.: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2018.

Коллонтай А. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. URL: https://www.marxists.org/russkij/kollontai/winged_eros.htm (дата обращения 21.01.2019)

Beckley B., Shapiro D. Uncontrollable Beauty: Towards a New Aesthetics. School of Visual Arts York, 1998.

Bordo S. Unbearable weight: Feminism, Western culture, and the body. Berkeley: Univ. of California Press, 2004.

Brand P. Z. Beauty matters // The Journal of aesthetics and art criticism, 1999. No 57(1), pp. 1–10.

Danto A. Beauty and Morality // Beckley B., Shapiro D. Uncontrollable Beauty: Towards a New Aesthetics, pp. 25–37. NY: Allworth press, 1998.

Danto A. C. The abuse of beauty: Aesthetics and the concept of art. Chicago & LaSalle: Open Court Publishing, 2003.

Heidegger M. Basic Writings: Nine Key Essays, plus the Introduction to Being and Time, trans. David Farrell Krell. Routledge, 1978.

Symons D. The Evolution of Human Sexuality. NY: Oxford University Press, 1981.

Wittgenstein L. Wittgenstein: Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology and Religious Belief. Berkeley & Los Angeles: Univ. of California Press, 2007.

Дата поступления: 09.02.2019

The History of Human Beauty in Feminist Thought

DOI: 10.19181/inter.2019.17.2

Ahmet Mert

Mert Ahmet – master student at the program “Complex Social Analysis” at NRU HSE, assistant at the department of sociology at NRU HSE, amert@hse.ru.

The article reviews the historical dynamics of the conceptualization of human beauty in feminist thought throughout the 20th century. The article proposes a comparative and critical analysis of the texts, which represent certain stages and the characteristic modes of feminist theory in the most concentrated form. The author selected from the first wave of feminism Alexandra Kollontai, who also represents the Marxist theory; from the second wave, Simone de Beauvoir, who plays a key role in the development of feminism; and from the third wave, Naomi Wolf, who draws attention to the human beauty for both research and revolutionary “ideological” perspective. It is argued that the trend of such research attention of the feminist approach shows that it is becoming more and more concentrated on the moment of the concept, which is reduced only to the function of human beauty in social life. Therefore, the sensuous experience of human beauty is limited exclusively to the subjective and false perception, which, in fact, brings about the losing its own truth.

Keywords: beauty, human beauty, feminism, Kollontai, de Beauvoir, Wolf.

References

Beauvoir S. de. (1997) Vtoroj pol [The second sex], Vol. 1-2. Translated and edited by S. G. Ajvazova. M: Progress; SPb: Aletejya.

Beckley B., Shapiro D. (1998) Uncontrollable Beauty: Towards a New Aesthetics. School of Visual Arts York.

Bordo S. (2004) Unbearable weight: Feminism, Western culture, and the body. Berkeley: Univ. of California Press.

Brand P. Z. (1999) Beauty matters. The Journal of aesthetics and art criticism, no 57(1), pp. 1–10.

Danto A. (1998) Beauty and Morality, In: Beckley B., Shapiro D. Uncontrollable Beauty: Towards a New Aesthetics, pp. 25–37. NY: Allworth press.

Danto A. (2013) The abuse of beauty: Aesthetics and the concept of art. Chicago & LaSalle: Open Court Publishing.

Derrida J. (2000) Pismo i razlichie [Writing and Difference]. Translated by A. Garadzha, V. Lapickiy, S. Fokin; ed. by V. Lapickiy. SPb: Akademicheskij proekt.

Gadamer H. (1991) Aktualnost prekrasnogo [The relevance of the beautiful]. M: Direct-Media.

Heidegger M. (1978) Basic Writings: Nine Key Essays, plus the Introduction to Being and Time, trans. David Farrell Krell, Routledge.

Kant I. (2018) Kritika sposobnosti suzhdenia [Critique of Judgment]. M: Multimediinoe izdatelstvo Strelbickogo.

Kollontai A. (1923) Dorogu krylatomu erosu! (pismo k trudyashhejsya molodezhi) [Make Way for Winged Eros: A Letter to Working Youth]. Molodaya gvardiya, no 3. Available at: https://www.marxists.org/russkij/kollontai/winged_eros.htm (date of the application: 21.01.2019)

Symons D. (1981) The Evolution of Human Sexuality. NY: Oxford University Press.

Wittgenstein L. (2007) Wittgenstein: Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology and Religious Belief. Berkeley & Los Angeles: Univ. of California Press.

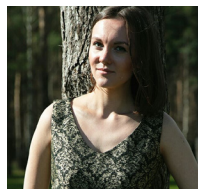
Wolf N. (2013) Mif o krasote: stereotipy protiv zhenshhin [The Beauty Myth: How Images of Beauty Are Used Against Women]. M: Alpina Non-Fiction.

Received at: 09.02.2019

Полевые исследования

Страх и тревога как часть женских пространственных историй в городе ¹

DOI: 10.19181/inter.2019.17.3

Яна Багина²

Статья посвящена страху и тревоге, которые возникают у женщин при передвижении по городу и которые связаны с насилием со стороны мужчин. Эта тема активно развивалась в рамках англо-американской феминистской географии и криминологии еще в 1970–90-х годах. Я предпринимаю попытку ответить на вопрос: в каких городских ситуациях женщины испытывают такого рода страх и тревогу. В качестве теоретической рамки и языка описания используется подход географа Дорин Мэсси, дополненный идеями из области эмоциональной географии и социологии эмоций. Отвечая на поставленный вопрос, я опираюсь на материалы 10 полуструктурированных интервью с молодыми женщинами в возрасте от 18 до 25 лет, жительницами нецентральных районов Москвы и ближнего Подмосковья. Анализ включает в себя две части. В первой части я говорю о конструировании страхов, связанных с женской безопасностью. В ней, во-первых, проводится различие между страхом и тревогой. Во-вторых, обращается внимание на агентов, участвующих в конструировании страхов-угроз. Во второй части я описываю городские ситуации как сочетания «пространственных историй» (термин Мэсси), приводящие или не приводящие к возникновению страха и тревоги. Они рассматриваются как гендерные порядки, характеризующиеся властным доминированием мужчин. Женские страхи при этом воспроизводятся независимо от того, предпринимают ли мужчины те или иные действия, свидетельствующие о явной угрозе безопасности. Сочетания материальной городской среды (улицы, транспорт, освещение и т.д.), людей в ней находящихся («безопасных других», «сомнительных личностей», «спутников»), природных (время суток) факторов подвижны, изменчивы, ситуативны и не могут быть сведены к какой-либо «формуле страха». Важной частью таких гендерных порядков, связанных со страхом и тревогой по поводу угрозы насилия со стороны мужчин, являются стратегии совладания. Они изменяют распределение властных отношений внутри ситуации, меняя сами женские пространственные истории.

¹ Автор благодарит доцента НИУ ВШЭ, к.социол. н. Запорожец О.Н. за ценные комментарии и предложения в процессе проведения исследования и написания статьи.

² Багина Яна – магистрантка факультета социальных наук НИУ ВШЭ, yana.bagina@yandex.ru

Ключевые слова: город, пространственные истории, страх, тревога, женщины, гендерный порядок, стратегии совладания

Введение

В России на публичное обсуждение все чаще выносятся темы, проблематизирующие женский городской опыт с точки зрения безопасности и возникающих в связи с ней эмоций тревоги и страха. Обсуждение женской безопасности и связанных с ней травматических опытов происходит преимущественно в рамках феминистских инициатив: в исследовательско-активистском проекте «Урбанфеминизм», школе «Феминизм и город» (2018), онлайн-флешмобе #ЯНеБоюсьСказать (2016). Вместе с тем вопросы женской безопасности и страхов поднимаются не только в активистском дебате, но и в научной дискуссии, уже несколько десятилетий развивающейся в рамках феминистской географии и криминологии (Bondi, Rose, 2003). Проведенные исследования отмечают, что основным страхом, переживаемым женщинами в городском пространстве, связан с угрозой сексуального насилия, при этом, парадоксальным образом, он не зависит от реального уровня преступности.

Базовый тезис феминистских географов заключается в том, что возникновение страха перед насилием со стороны мужчин связано с определенными пространственными контекстами. В частности, это места, ассоциирующиеся с недостатком социального контроля (Valentine, 1989), а также территории, воспринимаемые как «криминальные» и «опасные» (Valentine, 1989; Koskela, Pain, 2000). В таких исследованиях страхи оказывались в некотором смысле «привязанными» к физическим местам, а не соотносились с более сложной системой координат и обстоятельств, главным действующим лицом которых была женщина. В своей статье я фокусируюсь на опыте горожанок как мобильных субъектов, которые в своих перемещениях по городу сталкиваются с ситуациями страха и тревоги, а не просто с местами. Я предпринимаю попытку ответить на вопрос о том, в каких городских ситуациях горожанки испытывают страх и тревогу, связанные с угрозой насилия со стороны мужчин.

Пространственные истории города

Мое исследование женского страха перед насилием основывается на внимании к телесности передвижения (де Серто, 2015; Augoyard, 2007), его эмоциональному и сенсорному аспектам (Lorimer, 2005; Thrift, 2008; Pile, 2010). Процесс мобильности при этом становится главным фокусом исследования в духе «парадигмы новых мобильностей», а сам город рассматривается как образуемый траекториями разнообразных движений (Sheller, Urry, 2006). Подобная перспектива рассмотрения требует языка описания, чувствительного к перемещениям, их процессуальности. Такой язык предлагает Дорин Мэсси – важный автор в области географии, но, к сожалению, малоизвестная в русскоязычной дискуссии.

Мэсси описывает городское пространство как продукт взаимодействия гетерогенных пространственных историй¹ (spatial stories), находящийся в постоянном изменении (Massey, 2005: 9–11). Ее подход предполагает, что

¹ Дорин Мэсси использует два варианта термина как взаимозаменяемые: пространственные истории и пространственные траектории. Несмотря на то, что эти понятия являются одними из ключевых, она не дает им достаточно четкого определения, что оставляет место для интерпретаций. Мэсси отмечает, что оба термина имеют другие коннотации, сама же она использует их для того, чтобы подчеркнуть темпоральность феноменов, процесс их изменения (Massey, 2005: 12). В

пространство конструируется разнообразными историями, а не существуют как данность. Под историями Мэсси подразумевает процессы изменения пространственных феноменов (Massey, 2005: 12). Такими феноменами могут быть не только люди, находящиеся в движении, но и материальные объекты городской среды, природные явления¹. Подобное понимание пространства предполагает, что взаимодействие этих феноменов изменчиво: в нем устанавливаются новые связи, разрушаются старые, некоторые связи вовсе не формируются. Именно это позволяет говорить о пространстве как о том, что производится в ситуации здесь-и-сейчас.

Подход, который предлагает Мэсси, представляется мне полезным по трем причинам. Прежде всего, он обращает внимание на мобильность горожанок, их пространственные истории, то есть на социальную жизнь в движении. Он также помогает подчеркнуть крайнюю ситуативность и событийность городского пространства. И, наконец, внимание к городским ситуациям дает возможность включить в анализ эмоции, которые также не являются неизменными. Они появляются при тех или иных обстоятельствах, меняются, угасают. Опираясь на идеи Мэсси, я, таким образом, рассматриваю страх и тревогу как часть процесса эмоционального и сенсорного восприятия городских ситуаций² – взаимодействий людей, материальной среды, природных историй.

Страх перед насилием и гендерные порядки

На возникновение страха и тревоги в пространственных историях горожанок влияет не только складывающаяся здесь-и-сейчас городская ситуация, но и некоторые социальные факторы. Социологический подход к эмоциям в целом и страху в частности предполагает, что они социально обусловлены и встроены в социальные отношения (Симонова, 2016). В работах социальных теоретиков современные западные общества описываются как крайне тревожные, что связывается с неопределенным характером будущего (Бауман, 2008; Бек, 2000; Гидденс, 2011). Социологи эмоций также говорят о существовании особой культуры страха в позднесовременных обществах – «обобщенного климата страха» (Симонова, 2016; Furedi 2007). Она характеризуется широким распространением «слабых», небольших по масштабу, индивидуализированных страхов, оторванных от реальных угроз, их проникновением в разнообразные сферы повседневной жизни (Furedi, 2003; Furedi 2007).

Страх перед насилием со стороны мужчин в городе является не только проявлением общего страха перед преступлениями, но и имеет гендерную специфику. Он рассматривался феминистскими географами как пространственное выражение патриархатной системы гендерных отношений (Valentine, 1989), при которой воспроизводится образ женщин как физически слабых, уязвимых перед насилием со стороны мужчин, объектов агрессивной мужской сексуальности (Bondi, Mehta, 1999; Day, 2001). Однако женский городской опыт может быть рассмотрен не просто как история ограничений, в частности страха за свою

русском языке, на мой взгляд, понятие «история» синонимично «повествованию» или «рассказу» как описанию того, что происходит.

¹ Пространственными историями, как пишет Мэсси, также могут являться нематериальные вещи – идеи.

² Сама Мэсси описывает динамические взаимодействия пространственных историй как «места» (places). Однако смысл, вкладываемый ею в это понятие, настолько отличается от традиционного понимания мест, что использование этого понятия внесло бы путаницу. Именно поэтому я говорю о городских ситуациях, образованных разнообразными историями, а не о местах.

безопасность, но и как история активного присвоения пространства города, что делает Элизабет Уилсон (Wilson, 2001). Такой подход предполагает вариативность гендерных отношений в пространстве и во времени. Более четкую форму эта идея приобретает в работе уже упомянутой Дорин Мэсси. В ее трактовке городские пространства, с одной стороны, отражают сложившиеся гендерные отношения, с другой – влияют на их изменение (Massey, 1994: 178–180). Такое со-конструирование гендера и пространства подразумевает разнообразие городских гендерных порядков как систем идеологических и материальных практик, через которые воспроизводятся гендерные отношения (Pilcher, Whelehan, 2004: 61). Страх и тревога, таким образом, могут рассматриваться как элемент конкретной ситуации, в которой конструируется определенный гендерный порядок.

Опираясь на работы исследователей эмоций, я определяю женский страх перед насилием как социально обусловленное переживание, связанное с ожиданием насильственных действий со стороны мужчин (Barbalet, 1998), зависящее от степени их отсроченности во времени и пространстве (Tudor, 2005). В некоторых работах тревога считается разновидностью страха (Tudor, 2005), однако эти состояния также могут быть рассмотрены как родственные, но отличные друг от друга (Bourke, 2003). Выделяемая отдельно, тревога связывается с предполагаемой, неявной, неопределенной и крайне отсроченной угрозой. В эмпирической части это различие будет рассмотрено более подробно.

Страх и тревога: определение, различие, изменчивость

В этой части работы я опишу особенности возникновения и конструирования страха и тревоги, приводящие к ним сочетания пространственных историй, и покажу, как меняется женская мобильность под влиянием этих переживаний. Я буду опираться на материалы десяти полуструктурированных интервью с молодыми женщинами 18–26 лет, проживающими в нецентральных районах Москвы и ближайшем Подмосковье. Выборка являлась гомогенной, что позволило полнее описать одну из интересующих подгрупп. Особенностью выборки было то, что ни одна из информанток не переживала насилие в публичных пространствах, однако все они сталкивались с ситуациями страха и тревоги за собственную безопасность.

Передвижение по городу подразумевает широкий спектр чувств и эмоций, возникающих при взаимодействии с различными городскими ситуациями: от эстетического удовольствия, спокойствия или безразличия до дискомфорта от многолюдности, страха и тревоги за собственную безопасность. Более того, страх перед насилием вписывается в более общую систему городских страхов, куда входят, например, угроза терактов, аварии на транспорте, получение травм в толпе или из-за погодных условий, нападение бродячих животных и т.д. Тревога и страх перед насилием, таким образом, представляют лишь некоторую часть эмоционального опыта горожанок.

Угроза насилия со стороны мужчин связана преимущественно с ограбленными, физическими увечьями, изнасилованиями, убийствами¹. Информантки в разговоре не всегда четко обозначали эти угрозы, если вопрос не был задан напрямую: «вроде безопасный район, но мало ли что-то, я не знаю», «всякое случается», «вдруг что-то произойдет», «чего я боялась – непонятно»; «встретила

¹ Понятие «страх» описывает не только актуальное эмоциональное переживание, но и указывает на угрозу безопасности. Например, «страх перед ограблением» или «городские страхи». В дальнейшем слово «страх» будет использоваться в обоих смыслах.

какого-то мужика, я понимала, что как бы это...». Угроза, таким образом, становится фигурой умолчания, а в ситуации интервью происходит апелляция к разделяемому с интервьюером опыту.

Степень определенности угрозы является ключевым отличием страха от тревоги и главным критерием силы каждого из этих переживаний: они подразумевают разную оценку вероятности и определенности угрожающих событий, их отсроченности во времени и пространстве. Объект тревоги сложно назвать, он не является очевидным. В случае же страха объект является более явным, поддающимся артикуляции.

Сами информантки могли не делать различий между этими состояниями и описывали их как страхи, несмотря на разную степень интенсивности чувств и форму их проявления. Это можно продемонстрировать на следующем отрывке из интервью. В этом примере неинтенсивные чувства, связанные с отсутствием явной угрозы безопасности, описываются как страх, но я определяю их как тревогу.

«Естественно, любое передвижение в темное время суток по безлюдному пространству вызывает страх, но не панический, а такой как бы, совсем-совсем. Он есть, но жить он не мешает» (интервью № 2, 21 год).

В свою очередь, страх чего-либо указывает на большую вероятность совершения события или же его фактическую неотвратимость.

«И тут выходит компания пьяных мужиков из магазина и начинает ругаться между собой, и видно, что они не очень адекватные. И до нас так вяло доходит, что сейчас прилетит всем» (интервью № 2, 21 год).

Страх и тревога варьируются в зависимости от интенсивности переживания, что находит воплощение в языке описания. Приведу некоторые примеры того, как эти эмоции описывались самими информантками: «понимаю, что немножко тревожно, и я вследствие этого напрягаюсь», «состояние on alert, то есть как бы начеку», «не панический <страх> а такой как бы, совсем-совсем», «было очень страшно, что сейчас что-нибудь сделает». Однако сами по себе эмоциональные словари не являются надежным способом понять силу переживания, для этого необходимо обращать внимание на контекст возникновения эмоций, язык описания событий в целом.

Различая страх и тревогу, я пытаюсь показать, что переживания относительно безопасности различны по своему проявлению и восприятию окружающих событий. Дополнительную сложность этим эмоциям добавляет их зависимость от других переживаний. Текущие события меняют эмоциональные переживания, но и чувства, существовавшие до этого момента, влияют на проживание текущих событий: уверенность и спокойствие сменяются тревогой, тревога из-за повседневных забот провоцирует тревогу по поводу безопасности, эмоциональное возбуждение притупляет тревогу и т.д. При этом такие изменения находят телесное выражение, то есть воплощаются в изменении выражения лица, положения тела, характера ходьбы.

«И иногда, когда ты очень сильно чем-то расстроен или что-то такое, есть у меня такое чувство, что твоя походка, она меняется. Вот если я чувствую себя miserable, тогда да, <я чувствую себя небезопасно>» (интервью № 1, 21 год).

Страх перед насилием, таким образом, нельзя свести к одной эмоции. Он содержит в себе целый спектр родственных переживаний и находится под постоянным влиянием других эмоциональных процессов и состояний.

Конструирование женских страхов

Описанные выше женские эмоциональные переживания, связанные с угрозой насилия со стороны мужчин, находятся под влиянием представлений об опасности. Их воспроизводство происходит при участии различных агентов. Конструирование страха начинается с детства, в процессе родительского воспитания и контроля, и продолжается в более взрослом возрасте как со стороны родителей, так и со стороны знакомых, друзей и партнеров, а также под влиянием медийного производства символов (например, в фильмах, телевизионных передачах).

«...как бы, родители мне с детства всегда говорили, что, ну, не знаю... Возможно, эта часть, что мама всегда говорила, что “поздно ночью одна не возвращайся, потому что мало ли что сделают”» (интервью № 5, 25 лет).

«В фильме “Необратимость” есть совершенно длинная, смакованная и довольно натуралистично снятая сцена изнасилования главной героини в переходе. И, ну, это довольно сильный образ» (интервью № 1, 21 год).

Эти агенты воспроизводства страха и тревоги могут использовать гендерный аргумент – обращаться к образу уязвимой перед насилием со стороны мужчин женщины (Bondi, Mehta, 1999), обосновывая необходимость того или иного поведения.

«У меня, может, там друзья тоже... У нас не очень уважают, когда там девушка где-то поздно находится. Не принято так делать поэтому» (интервью № 8, 20 лет).

Идентификация с гендером, подразумевающая усвоение определенного дискурса об уязвимости (Bondi, Mehta, 1999), приводит к конструированию страха перед насилием со стороны мужчин. Свой вклад в возникновение и усиление тревоги и страха вносит внешний вид горожанок, когда он делает их заметными, «видимыми» в ситуациях малолюдности в темное время суток. В первую очередь, женщины могут ощущать себя «видимыми», потому что могут быть внешне идентифицированы как «уязвимая женщина». Значение имеет привлекающая внимание одежда – яркая, праздничная, необычная, непривычная. Ощущая себя в ней более заметными для других, чем обычно, горожанки могут испытывать тревогу при передвижении по городу. Ощущение небезопасности также возникает из-за возможности идентифицировать их как представительниц, например, одной из кавказских или азиатских национальностей. В этом случае возникает дополнительный страх перед столкновением с мужчинами, проявляющими ксенофобию. Женские страхи перед насилием, таким образом, оказываются сконструированными социально и апеллируют к гендерной идентичности. Однако само их переживание происходит в определенных городских ситуациях.

Сочетания пространственных историй, вызывающие страх и тревогу

Ранее я вводила категорию пространственных историй как процессов изменения различных элементов пространства – движения людей, изменения и движения материальных объектов, природных ритмов. Страх и тревога возникают в результате взаимодействия передвигающихся по городу горожанок с сочетаниями других пространственных историй: с «безопасными» людьми; с людьми, от которых может исходить угроза безопасности; с материальной средой города, транспортом; со временем дня. Все эти элементы сцеплены друг с другом, поэтому их разделение достаточно условно и служит способом структурировать результаты.

Страх и тревога, о которых идет речь, появляются в результате действия гендерного порядка, при котором существует неравенство женских и мужских пространственных историй. Мужчины воспринимаются как обладающие большей властью, как источники угрозы, иногда независимо от их действий. Пространственным выражением любого иерархического порядка, по мнению Дорин Мэсси, является геометрия власти (Massey, 2005), которая, как и все остальные пространственные процессы в версии Мэсси, изменчива и подлежит постоянному оспариванию и переопределению. Мэсси не предлагает категории, позволяющей описать подобную трансформацию. Я предлагаю помыслить ее как стратегию совладания (Valentine, 1989; Bondi, Mehta, 1999; Koskela, 1997), которая связана со стремлением женщин повлиять на сложившуюся геометрию власти, но носит скорее реактивный, оборонительный характер. Она может расшатывать сложившиеся отношения власти, но не может кардинально изменить их.

Категоризация человеческих пространственных историй

В первую очередь я рассмотрю пространственные истории тех людей, на которых обращали внимание информантки. При передвижении по городу женщины определенным образом категоризируют других людей с точки зрения опасности и безопасности. Отнесение к той или иной категории основано на визуальном восприятии внешнего вида человека и его поведения. Значение также имеет присутствие других пространственных историй и оценка их «сдерживающей» силы, то есть возможности контролировать потенциально опасное поведение.

Первая категория – «сомнительные/подозрительные личности». Это обозначение использовали сами информантки. Так, были названы мужчины, которые отличаются по тем или иным признакам – другой этнической группе, более низкому социальному положению, слабому контролю над собственным поведением или подверженности влиянию группы. В некоторых случаях внимание обращается также на физические возможности таких людей для определения расстановки сил, то есть возможностей для самозащиты. К «сомнительным личностям» относятся: мужчины, находящиеся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, представители определенных этнических групп (кавказских и азиатских прежде всего), одетые грязно, неопрятно; мужчины, лица которых закрыты, их нельзя разглядеть и потому нельзя однозначно категоризовать как «безопасных» (одна из информанток назвала их «закрытые люди»); шумные, агрессивные компании мужчин и подростков.

Важно подчеркнуть, что категория «сомнительных личностей» не сводится исключительно к выделенным типам. Причисление к ней зависит от ситуации, а те категории, которые были выделены, являются наиболее универсальными, стереотипными. Появление «сомнительных личностей» вызывает тревогу и

страх как в случае демонстрации агрессивного, возбужденного поведения, словесного вторжения в личное пространство женщин, домогательств, так и при отсутствии каких-либо действий вообще. Страхи, таким образом, воспроизводят себя независимо от того, насколько оправданными являются опасения. Стоит отметить, что информантки не ожидали угрозы своей безопасности от других женщин¹. Их присутствие, напротив, может восприниматься как признак безопасности, если вместе с другими историями происходит формирование «сдерживающего» сочетания.

Другая категория – «безопасные другие» (выделено мной в ходе анализа). Она включает в себя незнакомцев, находящихся вокруг, проходящих мимо, чье присутствие в данном месте легко вписать в типичные городские пространственные истории и при этом их внешний вид вызывает доверие.

«Знаешь, выходят люди с автобуса. Ну, там несколько человек, процентов пять, и я вместе с ними, пойдет в мою сторону. Я знаю, что люди обычно идут с работы, с сумками какими-то, там женщины, мужчины, с рюкзаками там, любого возраста. То есть обычные люди, они идут домой, все, не вызывая себя ведут» (интервью № 4, 22 года).

Третья категория – «спутники» (выделено мной в ходе анализа). Передвижение в компании другого человека, мужчины или женщины, становится примером стратегии совладания со страхом и тревогой. Спутники могут восприниматься как «сдерживающие» пространственные истории, которые окажут помощь или своим присутствием предотвратят какие-либо угрозы. Передвигаясь в компании кого-либо, женщины могут ощущать эмоциональный комфорт просто от присутствия другого человека. В некоторых случаях самого факта присутствия оказывается недостаточно, и значение приобретает его/ее физические способности, внешний вид и социальные компетенции.

«Удивительно, даже если это такая же подруга, как я, которая, в принципе, даже ничего не может сделать, мне с ней спокойнее, чем одной. Не знаю почему, хотя, не знаю, нас двое, мы ничего не сможем, но вдвоем как-то легче» (интервью № 8, 20 лет).

«Ну, в Серегине и Санине (друзья – Я. Б.) есть пацанская уличная культура, они ее знают. Они обладают достаточной физической силой, сноровкой и так далее, чтобы в случае там появления реальной опасности что-то сделать. Более того, посмотрев на них, часть людей просто не начнет какой-то конфликт» (интервью № 1, 21 год).

Однако в некоторых ситуациях сами спутники могут стать причиной страха и тревоги. Женщины начинают беспокоиться как за себя, так и за своих спутников из-за их небезопасного поведения или внешнего вида. Таким образом, было бы сильным упрощением сказать, что передвижение в компании другого человека вызывает чувство полной безопасности.

«И тут выходит компания пьяных мужиков из магазина и начинает ругаться между собой, и видно, что они не очень адекватные... Было очень страшно. Прямо казалось, что если они увидят, что это мальчик <в платье и с макияжем>, то сейчас прямо прилетит» (интервью № 2, 21 год).

¹ Я допускаю, что существуют обратные кейсы, демонстрирующие, что женщины воспринимают других женщин как потенциальных агрессоров.

«Да, с ней (с подругой – Я. Б.) я буду чувствовать большую опасность, большую-большую, огромную-огромную. Потому что, если особенно в этот момент она не трезва, она даже в потенциально опасных ситуациях, она входит в них с удовольствием. Ну, потому что ей срывает крышу» (интервью № 1, 21 год).

Пространственные истории материальной среды города

Городские ситуации, в которых у женщин возникает ощущение страха и тревоги за собственную безопасность, связаны с существенным сокращением разнообразных человеческих историй, что возникает преимущественно в темное время суток. Отсутствие людей в сочетании с материальной городской средой (улицы нецентральных районов, парки, дворы домов, подземные переходы, подъезды домов) создают ситуацию неопределенности и как следствие могут вызывать страх и тревогу.

«...ты вроде знаешь, что тебе никто не может причинить вред, потому что никого нет, а во втором случае, если кто-то неожиданно появится, то тебя никто не спасет. И ты вроде как бы хотел бы, чтобы кто-то был, но вроде тебе и не страшно, что никого нет. И такое... Нехорошее ощущение в этом плане» (интервью № 3, 21 год).

Наличие освещения далеко не всегда предотвращает тревогу, если оно не связано с другими «сдерживающими» историями, прежде всего «безопасными другими». Но его отсутствие или недостаток может восприниматься достаточно остро в ситуации безлюдности/малолюдности, если женщины ожидают угрозы своей безопасности. Такие ожидания, например, могут не возникать в рутинизированных пространствах.

«Там, где детские площадки и деревья, там все темно. И когда ты идешь и слышишь какие-то хихиканья оттуда, это очень стремно» (интервью № 4, 21 год).

«...именно в парке (рядом с домом – Я. Б.), когда ты вообще один, и там пусто, и никого нет, и не освещено.... Ну, не знаю, это воспринимается нормальной частью парка. То есть ненормально – это когда там один человек идет к тебе навстречу» (интервью № 1, 21 год).

Появление «неопознанных» историй (шумов, шагов) в ситуации безлюдности может усиливать тревогу и страх из-за невозможности идентифицировать, категоризовать человека. Историей в таких сочетаниях может становиться также «преследующая машина» – автомобиль, который при слабом транспортном потоке или его отсутствии едет медленно. В таких ситуациях происходит изменение характера передвижения, с целью сделать данные истории видимыми, понятными или избежать столкновения с ними: обернуться, ускорить или замедлить шаг, остановиться. Далеко не всегда присутствие человеческих историй препятствует возникновению страха и тревоги. Это связано с тем, что окружающие могут оцениваться исходя из их «сдерживающей» способности, то есть способности контролировать поведение потенциальных агрессоров.

Безлюдность и малолюдность могут остро восприниматься на неблагоустроенных и нежилых территориях, например, складских или околоскладских районах, территориях близких к лесопарковым зонам, а также в самих парках и лесопарках. При этом женские пространственные истории и вовсе могут не

связываться с этими местами из-за представлений об их небезопасности. В аналогичных ситуациях страх и тревога возникают в незнакомых спальных районах из-за незнания маршрутов передвижения, расположения тех или иных объектов. Кроме того, тревогу может вызывать негативный образ района, связанный, в частности, с преступностью.

«Там одногруппники Чертаново обсуждали, какие-то такие районы (смеется). Сразу, если туда приезжаешь, то ты уже понимаешь, что там мне лучше вести себя осторожно» (интервью № 4, 21 год).

В случае знакомства горожанок с городской средой (районом, улицей) на чувство безопасности большее влияние оказывает появление «сомнительных личностей», нежели характеристики материальной среды. В рутинизированных пространствах именно столкновение с ними вызовет страх и тревогу при отсутствии «безопасных других», которые могут играть сдерживающую роль.

«Я приезжаю на остановку, перехожу дорогу, через дорогу. ... Вот у Сбербанка, чаще всего там какая-то группка сомнительных личностей толчется. ... видно, что они подвыпившие или вообще алкоголики какие-то, либо они просто такие... ну, какие-то странные» (интервью № 4, 21 год).

Центр города воспринимается при этом как преимущественно безопасный, так как представляет собой концентрацию «сдерживающих» историй. Благоустроенная и освещенная городская среда с камерами наблюдения, сотрудниками полиции и частных охранных предприятий, а также различные заведения, работающие в позднее время, – устойчивые сочетания таких историй формируют иной тип «темного времени суток».

«Там, условно, в Москве (в центре – Я. Б.), если человек идет в 11 часов ночи по улице, он реально может просто гулять. И... это просто режим жизни, который есть в Москве» (интервью № 1, 21 год).

Возникающее ощущение безопасности может нарушаться при перемещении с центральных улиц в переулки. В сочетании с меньшей освещенностью и малолюдностью они ощущаются как менее безопасные. В случае если в них есть люди, характер социальной жизни может предполагать неконтролируемое поведение мужчин. В качестве примера можно привести многолюдные пивные бары в переулках. Иными словами, даже условный «центр» не является устойчиво безопасным пространством и зависит от сочетаний человеческого и материального.

«...если ты проходишь Чистые пруды и с бульвара поворачиваешь в переулки, ты понимаешь, что переулки, чисто в теории, потенциально гораздо более опасное пространство. К тому же там очень много баров, как бы очень много людей, которые потенциально могут... (не заканчивает фразу – Я. Б.)» (интервью № 1, 21 год).

Сочетание транспорта (метро, автобусы, электрички) с малым количеством человеческих историй и появлением «сомнительных личностей» становится источником тревоги/страха. Это может происходить из-за ограничения мобильности, небольших возможностей телесного передвижения в закрытом пространстве. В случае поездок на такси, для информанток имеет значение то,

относится ли оно к какому-либо сервису, подразумевающему контроль водителя (например, Яндекс-такси). Присутствие таких незримых «сдерживающих» историй вызывает доверие и создает ощущение безопасности. Я привожу эти примеры с целью показать, что женские пространственные истории разнообразны – они не ограничиваются ходьбой и включают в себя взаимодействие с разнообразными транспортными историями, в которых складывается специфическая геометрия власти.

В завершение схематичного описания городских ситуаций, в которых страх и тревога становятся частью женских историй, я бы хотела обратить внимание на то, что ни одна из них не является безусловной. Можно лишь предположить, что та или иная городская ситуация вызовет у какой-либо женщины соответствующие эмоции, обозначить имеющие значение истории.

Стратегии совладания как способ изменения геометрии власти

Я описала некоторые сочетания пространственных историй, в которых возникающее неравенство вызывает у женщин страх и тревогу. Горожанки предпринимают некоторые действия для совладания с такими городскими ситуациями, для изменения геометрии власти. Такие действия описываются в феминистской географии как «стратегии совладания». Прежде всего это стратегии, связанные с избеганием потенциально опасных ситуаций: избегание определенных мест, изменение маршрута, характера ходьбы или способа передвижения (взять такси).

«... пустынная улица, и я впереди вижу неадекватных пьяных мужиков, то есть я понимаю, что как бы лучше перейду на другую сторону улицы, нежели буду идти мимо этих пьяных мужиков, тем самым думая, что “нет страхов, я пройду, они пройдут”» (интервью № 5, 25 лет).

Другой тип – защитные стратегии. Он связан с предотвращением угрозы или с защитой в случае ее возникновения. Такие стратегии подразумевают возникновение «сдерживающих» историй, например, передвижение в компании другого человека или имитацию разговора по телефону. К этому типу также относится самозащита, например, ношение газового баллончика или готовность применить приемы самообороны.

«За нами с подружкой увязалась компания. Я в какой-то момент вытащила газовый баллончик и под рукав взяла. Ну, просто там шли и говорили: “Давайте их схватим за рюкзак” или что-то такое. И я: “Э, нет. Если ты схватишь, ты получишь”» (интервью № 4, 22 года).

Защитной стратегией можно назвать усиление контроля сочетания пространственных историй здесь-и-сейчас. Контроль связан с сенсорным проживанием пространства: внимательным отношением к изменениям, происходящим в окружающей среде, в частности, к звукам и движению. Его проявлением также является регуляция своего физического состояния, способности противостоять угрозам.

«Выключаю музыку в наушниках всегда, чтобы контролировать ситуацию. Чаще оглядываюсь по сторонам, стараюсь быть внимательной. Ну да, избежать и быть внимательной в таких ситуациях» (интервью № 8, 20 лет).

«Я не пью в незнакомых компаниях. И уж тем более не пью, когда не знаю, как я буду возвращаться. Ну, могу выпить там бокал. Когда мне надо возвращаться домой непонятным способом или там включающим передвижение по городу» (интервью № 2, 21 год).

Последний тип стратегий, который я выделяю – эмоциональная и телесная работа. Горожанки совершают телесную работу для демонстрации уверенности или, напротив, для становления «невидимой», менее заметной. Другим проявлением этого типа стратегий становится рационализация ситуации, убеждение себя в отсутствии причин для переживания. Страх и тревога, таким образом, не просто переживаются, но активно перерабатываются на уровне эмоциональных практик.

Таким образом, женщины изначально планируют свое передвижение из соображений безопасности и изменяют его под влиянием происходящих событий. Такие изменения накладывают некоторые ограничения на процесс телесного и эмоционального проживания города, что воспринимается ими как вполне рутинная часть городской жизни.

Заключение

В этой работе я ставила вопрос о том, в каких городских ситуациях женщины, перемещающиеся по городу, испытывают страх и тревогу, связанные с угрозой насилия со стороны мужчин. Я использовала идеи Дорин Мэсси для описания городского пространства как продукта сочетаний разнообразных пространственных историй или, иначе, процессов изменения элементов городской среды: людей, материальной среды, природных ритмов. Страх и тревога были рассмотрены как часть процесса эмоционального и сенсорного восприятия взаимодействий таких историй. Язык описания, который был использован, позволяет избежать статичного взгляда на городское пространство как сети мест и подчеркнуть его событийность.

Страх и тревога перед насилием со стороны мужчин являются переживаниями, социально сконструированными через действия разных агентов. Главный аргумент процесса конструирования этих эмоций – женская гендерная идентичность. На уровне повседневной городской жизни эти переживания возникают в результате определенных сочетаний человеческих и не-человеческих пространственных историй. При таких сочетаниях возникают гендерные порядки, которые характеризуются неравенством женских и мужских пространственных историй. Неравенство воплощается в том, что женщины ожидают угрозы независимо от действий мужчин. Для расшатывания складывающейся геометрии власти женщины вырабатывают определенные стратегии совладания, которые влияют на то, как они планируют свои передвижения, на их поведение и эмоциональные практики. Анализ сочетаний пространственных историй показывает, что такие гендерные порядки неустойчивы и ситуативны. Достаточно сложно создать «формулу» возникновения страха и тревоги, но возможно в общих чертах определить, на какие городские ситуации обращают внимание сами женщины.

Литература

- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практикс, 2011.

Симонова О. А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 12–27.

Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Augoyard J. F. Step by Step: Everyday Walks in a French Urban Housing Project. 2007.

Barbalet J. Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Bondi L., Mehta A. Embodied discourse: on gender and fear of violence // Gender, Place, and Culture. 1999. Vol. 16. № 1. P. 64–84.

Bondi L., Rose D. Constructing Gender, Constructing The Urban: a review of Anglo-American feminist urban geography // Gender, Place and Culture. 2003. Vol. 10. № 3. P. 229–245.

Bourke J. Fear and Anxiety: Writing about Emotion in Modern History // History Workshop Journal. 2003. № 55. P. 111–131.

Day K. Constructing Masculinity and Women's Fear in Public Space in Irvine, California // Gender, Place & Culture. 2001. Vol. 2. № 8. P. 109–127.

Furedi F. Culture of Fear Revisited. London: Continuum, 2006.

Furedi F. The only thing we have to fear is the «culture of fear» itself // American Journal of Sociology. 2007. № 32. P. 231–234.

Koskela H. «Bold Walk and Breakings»: Women's spatial confidence versus fear of violence // Gender, Place and Culture. 1997. Vol. 4. № 3. P. 301–319.

Koskela H., Pain R. Revisiting fear and place: women's fear of attack and the built environment // Geoforum. 2000. Vol. 31 № 2. P. 269–280.

Lorimer H. Cultural geography: the busyness of being «more-than-representational» // Progress in Human Geography. 2005. Vol. 29. № 1. P. 83–94.

Massey D. For space. London: Sage, 2005.

Massey D. Space, place, gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.

Pilcher J., Whelehan I. Fifty Key Concepts in Gender Studies. London: Sage, 2004.

Sheller M., Urry J. The New Mobilities Paradigm // Environment and Planning. 2006. Vol. 38. P. 207–226.

Thrift N. Non-representational theory. Routledge, 2008.

Tudor A. A (macro)sociology of fear? // Sociological Review. 2003. Vol. 51. № 2. P. 238–256.

Valentine G. Images of danger: women's sources of information about the spatial distribution of male violence // Area. 1992. Vol. 24. № 1. P. 22–29.

Valentine G. The Geography of Women's Fear // Area. 1989. Vol. 21. № 4. P. 385–390.

Wilson E. The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women. London: Virago Press, 1991.

Дата поступления: 03.02.2019

Fear and Anxiety as a Part of Women's Spatial Stories in the City

DOI: 10.19181/inter.2019.17.3

Yana Bagina

Bagina Yana – master student of the Faculty of Social Sciences National Research University Higher School of Economics (Moscow), yana.bagina@yandex.ru.

This paper considers women's fear of male violence experienced in motion. The topic has been developed in the Anglo-American feminist geography and criminology in the 1970–90s. I attempt to describe urban contexts of fear of male violence considering women everyday mobility. As theoretical framework I use work by geographer Doreen Massey, supplemented by ideas from emotional geography and sociology of emotions. I collected 10 semi-structured interviews with young women aged 18 to 25 years old. All of them are residents of non-central districts of Moscow and Moscow region. The analysis includes two parts. In the first part I try to draw the line between fear and anxiety as close but different emotions. I also talk about construction of women's fear of a male violence and different agents involved in the social construction of threats. In the second part I describe conjunctions of spatial histories as gender orders, in which women's fears are reproduced regardless of actual male threat. I consider conjunctions of material environment (streets, transport, lighting, etc.), human stories ("not suspicious people", "suspicious people", "companions"), natural stories (time of day) as fluid, unstable and situational. I conclude that it hardly can be any "formula of women's fear". Fear and anxiety significantly affect women's spatial stories. I give examples of coping strategies women take to change the geometry of power within such gender orders.

Keywords: spatial stories, fear, anxiety, women, gender order, city, coping strategies.

References

- Bauman Z. (2008) Tekuchaya sovremennost' [Liquid modernity], St. Petersburg: Piter.
- Beck U. (2000) Obshhestvo riska: na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Tradiciya.
- Giddens A. (2011) Posledstviya sovremennosti [The Consequences of Modernity], Moscow: Praksis, 2011.
- Certeau de M. (2013) Izobretenie prostranstva. 1. Iskusstvo delat' [The Invention of everyday life. 1. The Art of Doing], St. Petersburg.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Simonova O. A. (2016) Bazovy'e principy` sociologii e`mocij [Basic Principles of The Sociology of Emotions]. Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy, no 4, pp. 12–27.
- Augoyard J. F. (2007) Step by Step: Everyday Walks in a French Urban Housing Project. London: Univ. of Minnesota Press.
- Barbalet J. (1998) Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bondi L., Mehta A. (1999) Embodied discourse: on gender and fear of violence. Gender, Place & Culture, no 1, pp. 67–84.
- Bondi L., Rose D. (2003) Constructing Gender, Constructing the Urban: a review of Anglo-American feminist urban geography. Gender, Place & Culture, no 3, pp. 229–245.
- Bourke J. (2003) Fear and Anxiety: Writing about Emotion in Modern History. History Workshop Journal, no 55, pp. 111–131.
- Day K. (2001) Constructing Masculinity and Women's Fear in Public Space in Irvine, California. Gender, Place & Culture, no 8, pp. 109–127.
- Furedi F. (2006) Culture of Fear Revisited, London: Continuum.

- Furedi F. (2007) The only thing we have to fear is the «culture of fear» itself. *American Journal of Sociology*, no 32, pp. 231–234.
- Koskela H. (1997) «Bold Walk and Breakings»: Women's spatial confidence versus fear of violence. *Gender, Place & Culture*, no 3, pp. 301–319.
- Koskela H., Pain R. (2000) Revisiting fear and place: women's fear of attack and the built environment. *Geoforum*, no 2, pp. 269–280.
- Lorimer H. (2005) Cultural geography: the busyness of being «more-than-representational». *Progress in Human Geography*, no 1, pp. 83–94.
- Massey D. (2005) *For space*, London: Sage.
- Massey D. (1994) *Space, place, gender*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Pilcher J., Whelehan I. (2004) *Fifty Key Concepts in Gender Studies*, London: Sage.
- Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning*, 2006, vol. 38, pp. 207–226.
- Thrift N. (2008) *Non-representational theory*, London: Routledge.
- Tudor A. (2003) A (macro)sociology of fear? *Sociological Review*, no 2, pp. 238–256.
- Valentine G. (1992) Images of danger: women's sources of information about the spatial distribution of male violence. *Area*, no 1, pp. 22–29.
- Valentine G. (1989) The Geography of Women's Fear. *Area*, no 4, pp. 385–390.
- Wilson E. (1991) *The Sphinx in the City: Urban Life, the Control of Disorder, and Women*, London: Virago Press.

Received at: 03.02.2019

«Господь на первом этаже»: православные часовни в пространстве медицинских учреждений

DOI: 10.19181/inter.2019.17.4

Татьяна Крихтова¹

В основе статьи, рассматривающей функции православных больничных часовен, – материалы полевых наблюдений за десятью часовнями, расположенными в разных московских больницах. Приводится описание местоположения часовен на территории больниц, доступа к ним, их типичных посетителей, прохождения служб. Наблюдение проводилось как в дни проведения регулярных молебнов, так и в дни, когда богослужений в часовнях не было. Иерархи Православной церкви называют медицину областью непосредственного интереса церкви и допускают возможность вмешательства в некоторые ее сферы. Как показали результаты нашего наблюдения, часовни в больницах – пример наименьшего и, скорее, пассивного влияния церкви на медицину. Больничные часовни репрезентируются церковными лидерами как пространства, где, одновременно, верующие могут посещать богослужения, находясь в больнице, а неверующие – соприкоснуться с духовной жизнью настолько, насколько им самим это комфортно. Несмотря на то, что в официальных документах сооружение больничных часовен чаще всего представляется как инициатива верующих пациентов, – в действительности, часовни становятся пространством, куда каждый приходит со своими целями, где пересекается много разных смыслов и разных людей – и почти все чувствуют себя свободно и гармонично. Создается ощущение, что в этом пространстве возможно то, что было бы невозможно в обычном православном храме. Все составляющие часовен выглядят органично рядом друг с другом и не вступают в противоречие. Больничная часовня – типичное пространство гетеротопии: место, отличающееся от обычного и, одновременно, включающее в себя несколько миров.

Ключевые слова: медицина, религия, православие, больницы, часовни, гетеротопия.

Эта статья – часть исследования «Священник в системе здравоохранения», задача которого – проследить, как сегодня в России взаимодействуют медицина

¹ Крихтова Татьяна – научный сотрудник лаборатории социологии религии ПСТГУ, krihtova@gmail.com

и Православная церковь, на уровне происходящего в конкретных медицинских учреждениях. Поводом начать это исследование стали многочисленные высказывания церковных иерархов по вопросам деятельности общественных сфер, которые не входят в прямую компетенцию церкви (Патриарх..., 2017; Митрополит..., 2016). Медицина часто становится предметом таких высказываний. Большинство текстов, опубликованных на церковных ресурсах, касающихся взаимодействия церкви и медицины, рассказывают о деятельности церкви в медицинских учреждениях, описывая успешную миссионерскую работу среди больных, посещения их в палатах и организацию регулярных богослужений. Отчет о богослужении в храме при больнице детской гематологии – пример такого стандартного текста, в котором рассказывается о показательном мероприятии и общей пользе наличия храма в подобном месте (Ходаков, 2012).

В фокусе нашего исследования – функционирование православных часовен на территории современных московских больниц, самый простой пример взаимодействия церкви и медицины. Задачей нашей исследовательской группы было максимально подробно рассмотреть, в чем заключаются основные функции больничных часовен: что в них происходит, как они воспринимаются больными и персоналом, кто в них находится и как они вписываются в пространство больницы.

На российском материале подобные исследования ранее не проводились качественными методами. Первое рассмотрение подобных пространств кажется целесообразным не с целью сравнения разных кейсов, между которыми, безусловно, есть различия, возникающие из-за особенностей, размера и местоположения больниц и деятельности служителей часовен, а как рассмотрение их основных задач, функций и особенностей взаимодействия между посетителями.

Подход к исследованию в рамках социально-культурной антропологии позволяет уделить внимание, в первую очередь, разнообразию взаимодействий между людьми как представителями разных религиозных и социальных миров, а не отношениям обезличенных институтов церкви и государства.

В самом начале исследования предполагалось, что часовни в больницах будут принципиально отличаться от больничных храмов, которые чаще всего располагаются в отдельных зданиях (в случае, если больница старая, храм может быть историческим, возвращенным верующим), имеют собственных прихожан, не всегда связанных с больницей. Однако при проведении наблюдений оказалось, что формальная разница между храмом и часовней не так велика. Только в одном наблюдаемом месте была сформировавшаяся община. В большинстве же случаев помещения для молитвы, вне зависимости от наличия в них алтаря, выполняли примерно одинаковые функции, которые будут описаны подробнее ниже. В статье для удобства все подобные помещения будут называться часовнями.

Краткий обзор литературы

Единственное исследование данной проблематики описано в статье «Особенности православного пастырского служения в детской больнице» (Борискин, 2012). В ходе его был проведен анкетный опрос 152 респондентов из числа священников, врачей, пациентов и родителей. Все они отвечали на вопросы одной и той же анкеты. В тексте статьи приводятся как ответы одной из групп, так и ответы всех респондентов. Согласно опросу, важность таких параметров, как наличие храма или часовни и возможность регулярного общения со священником, также получили оценку выше среднего (5,6 и 5,1 баллов из 10

соответственно), что выше, чем оценка общения с психологом, общественных мероприятий и организации досуга.

Источником по работе больничных часовен могут также служить различные учебные пособия, которые выпускаются для служителей: С. Филимонов «Священник в больнице», «Как организовать службу добровольцев: учебник для начинающих», «Практическое руководство для сестер милосердия. Опыт служения», а также материалы православных порталов, которые активно освещают вопросы благотворительности и социальной работы (miloserdie.ru, pravmir.ru). В 2018 году была опубликована книга епископа Пантелеимона (Шатова), в которой он, основываясь на собственном опыте, рассматривает разные аспекты служения: организация храма, особенности совершения церковных таинств в больнице, общение с разными типами пациентов и администрацией клиники (Пантелеимон, 2019).

В англоязычных странах исследований церковных часовен гораздо больше, но, из-за того, что они описывают не православные часовни, а католические, протестантские и часовни без привязки к конкретной религии, разница между объектами наблюдения слишком высока. На английском языке выходит несколько журналов, посвященных взаимодействию церкви и здравоохранения, в частности: The Scottish Journal of Health Care Chaplaincy, The Journal of Health Care Chaplaincy, Journal of Religion and Health. Характерно, что почти все исследования проводятся склонными к академической работе практиками, капелланами, которые в процессе служения исследуют и рефлексировать свое поле. Как правило, «аборигенные» исследователи не обсуждают свою методологию, единственным исключением является работа Кристофера Свифта, в которой он определяет свой метод как автоэтнографический. Даже в тех странах, где больничное священство имеет длительную историю институализации, оно академически мало изучено в целом и этнографическими средствами в частности (Конрой, 2019).

Методика полевого наблюдения

Статья написана на основе наблюдения за десятью часовнями в московских больницах. Для создания выборки был взят список с сайта «Православие и медицина» (Список...), из него исключены психоневрологические диспансеры и пансионаты, в результате было отобрано 10 московских больниц. В каждой часовне было проведено как минимум два наблюдения: первое в день богослужения, второе – в другой день. Некоторые часовни пришлось посетить и большее количество раз, чтобы встретиться с определенными служителями или посетить особые богослужения.

По каждой из часовен заполнялась форма, в которой указывались ее характеристики по ранее заданным параметрам единиц наблюдения (см. Приложение). Во время богослужений оценивалось количество присутствующих человек, их предполагаемое отношение к этой больнице, их отношения друг с другом и поведение. Кроме того, наблюдение велось за людьми, которые не заходили в часовню, но каким-либо образом реагировали (или не реагировали, что иногда тоже важно) на ее присутствие на территории больницы. Для оценки доступности фиксировалось положение часовни в пространстве больницы, то, как она вписывается в план, в какой зоне находится, насколько просто в нее попасть, присутствует ли на указателях, как относятся к посетителям часовни охранники, гардеробщики и другой обслуживающий персонал больницы. Фиксировались все надписи, которые присутствовали на дверях и досках объявления,

а также возле часовни, и другие значимые предметы, по наличию которых можно определить те или иные практики часовни.

Все, что не попадало в эти характеристики, фиксировалось отдельно в полевом дневнике в свободной форме.

Параллельно с этим задавались вопросы служителям часовен, участникам богослужения и другим посетителям часовен в формате свободного интервью под запись. Информантам было известно, что их слова использовались в исследовании, интервью не записывались на аудио-носитель. Все ответы тут же фиксировались на бумаге.

В статье, с целью анонимизации информантов и мест наблюдения, не говорится о том, в какой конкретно часовне происходило то или иное событие. Полный список мест приводится в конце статьи.

Во время посещения часовен у меня была нейтральная позиция: без участия в богослужениях (без причастий, благословений, поцелуев креста и т.д.), почти все время богослужений я перемещалась между разными частями часовни, чтобы была возможность наблюдать поведение разных посетителей. При этом я старалась выглядеть скромно и не допускать неэтичного поведения. Однако наблюдение все равно можно назвать включенным, а описание происходящего – частично автоэтнографическим, потому что мне, как и другим посетителям часовни, приходилось искать ее на территории больницы, общаться с персоналом, испытывать на себе особенности помещения (теснота, сквозняк и т.д.).

Деятельность больничных часовен согласно официальным документам

Согласно закону «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» в медицинских учреждениях разрешено организовывать православные часовни для того, чтобы пациент и его родственники могли получить возможность «для отправления религиозных обрядов, в случае если деятельность часовни не противоречит внутреннему распорядку больницы». Существует ли «противоречие», решает только администрация больницы.

Согласно Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ религиозные организации вправе проводить религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях... по просьбам находящихся в них граждан в помещениях, специально выделяемых администрацией для этих целей (п. 3 ст. 16)». В этом законе говорится не об организации пространства для молитв, а только о возможности их проведения. Действительно, священники достаточно часто посещают больных в палатах, где могут провести короткий молебен (Тарасевич, 2006). Эти действия могут быть никак не связаны с наличием часовни - священника могут позвать из ближайшего храма или просто знакомого.

Несмотря на то, что это не оговаривается в законах, в московских государственных больницах присутствуют только часовни Русской православной церкви. В Москве есть также несколько частных мусульманских клиник.

Официальный взгляд церкви на эту ситуацию отличается от государственного.

В документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» говорится о том, что «Церковь благословляет православным братствам и сестричествам милосердия нести послушание в клиниках и других учреждениях здравоохранения, а также способствует созданию больничных храмов, церковных и монастырских больниц». То есть запрос на создание часовен исходит не от пациентов, а от церкви в лице братств и сестричеств. Стоит отметить, что в

дальнейшем ни в одной из историй о часовнях, рассказанных женщинами, работающими на свечном ящике, не упоминалось об организации часовни братством, обычно речь шла об одном священнике, для которого было важно создание этой часовни.

При этом нахождение православных часовен в больнице стараются поставить вне законов и официальных постановлений. «Церковная социальная деятельность есть служение любви, умножение любви, а не создание структур, дублирующих государственные», – отметил в одном из своих выступлений председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон (Протоиерей, 2010). Сегодня эта цитата транслируется на многих сайтах часовен (Социальное... 2012). Скорее всего, эта фраза так популярна, потому что она снимает с часовни все формальные обязательства, освобождает от критериев оценки и четких задач. Как следствие, становится сложнее оценить успешность работы часовен, а их деятельность может различаться в разных больницах, потому что не существует единственно правильной модели.

Стоит также отметить, что в церковных документах совершение православных ритуалов никогда не противопоставляется медицине, а показывается ее дополнением. Например: «Медицинская помощь на всех этапах лечения и реабилитации сочеталась с пастырским попечением» (Склярова, 2009).

Значение больничной часовни

Часовня в больнице интересна для исследования текущей религиозной ситуации тем, что она своеобразный «минимум религии», с которым приходится сталкиваться многим людям, в том числе тем, которые обычно не посещают церковь. В часовне может оказаться как верующий человек, так и пациент, решивший разнообразить свои больничные будни. Учитывая тот факт, что в России регулярно причащается менее 5% населения (Маркин, 2018), для многих пациентов и их родных такая часовня – это вообще единственная возможность принять участие в богослужении и соприкоснуться с православным миром.

Ни посетители, ни служители часовен не скрывают того факта, что большинство пациентов больниц не стали бы совершать религиозные обряды, если бы часовня не находилась в их больнице. Один раз было зафиксировано, как женщина-пациентка больницы, обратилась к священнику: «Я никак не могу дойти до храма», на что тот ответил: «Вот видите, мы к вам сами пришли». В другой раз мужчина-пациент, узнав, что за ним ведется наблюдение с исследовательскими целями, сам позвал наблюдателя к себе и попросил написать в статье о том, что важность часовен в больницах именно в том, что они дают шанс креститься тем, кто не смог сделать этого в течение всей жизни, потому что в больнице – «Господь на первом этаже». Так произошло с его мамой, которая крестилась в больничной часовне в 82 года.

С. Колман и П. Коллинз (Coleman, Collins, 2017) пишут о том, что больницы чаще всего изображаются с двух противоположных точек зрения: как изолированные острова принципиально другой жизни – и как пространства, в которых отражается срез всего общества. Взаимоотношения больницы и внешнего мира всегда двусмысленны. С одной стороны, больница территориально и благодаря наличию большого количества запретов изолирована от повседневного мира. Жизнь больного достаточно сильно отличается от его жизни вне больницы, а работа врача – от всех остальных профессий. И в то же время, изолированность больницы – всегда неполная: она нарушается каждый раз, когда в больницу кто-то приходит извне.

Идея отражения в больнице среза общества часто находит выражение в том, что для характеристики страны или города используется именно образ локальной больницы. Например, фотографии российских больниц в плохом состоянии противопоставляются качественным больницам в странах Запада (Полная..., 2019).

Пространство больницы можно охарактеризовать как «гетеротопию». Это понятие, введенное М. Фуко (Фуко, 1977), определяется как сложно устроенное место, поведение внутри которого отличается от «обычного». В нем находится сразу несколько миров, которые могут не пересекаться друг с другом. В одном пространстве совмещаются функции многих пространств, и никто не чувствует себя в нем до конца своим. Поскольку сам М. Фуко не дал этому термину четкого определения, сейчас им готовы назвать практически любое нестандартное пространство (Тимофеева, 2007). Однако больницу сам Фуко называет типичной гетеротопией.

Часовни часто позиционируются и как места, где все, кто связан с больницей, могут найти что-то для себя. На сайте детской больницы имени Раухфуса наличие часовни объясняется следующими словами: «Заболевший человек остается один на один с собой. В больнице люди чаще заглядывают внутрь себя. Ищут пути телесного исцеления через духовное очищение. Заболевший ребенок – двойная трагедия. Родители мечутся в поисках лекарств, врачей, методик. Вера помогает им пережить трудные минуты жизни и приносит успокоение. Врачи и медсестры обращаются к вере, потому что она помогает переносить нервные и физические нагрузки». В этой цитате стоит также обратить внимание на то, что часовня не позиционируется как нечто необходимое больным людям для их привычного образа жизни (Церковь...).

Наблюдения за деятельностью часовен

Помещение

Сегодня подобные часовни действуют во многих московских больницах, но далеко не во всех. Чаще всего часовни появляются в «обычных» районных и городских больницах и реже в научных учреждениях, специализирующихся на определенной болезни. Часовни в большинстве своем являются частью других приходов – как близлежащих, так и находящихся на другом конце города. Как объяснила эту ситуацию женщина на свечном ящике в одной из часовен на окраине Москвы: «Мы как в армии: как нам говорят, так мы и делаем, а в суть этих действий вникать мы не должны», имея в виду то, что ее, прихожанку отдаленного храма отправили работать в эту часовню, хотя поблизости есть и другие храмы, которым организационно было бы удобнее распорядиться этой часовней. Логика такого назначения была ей непонятна, поэтому она просто приняла эту ситуацию как есть.

Происходящее в часовне напрямую зависит от того, как она расположена относительно проходной больницы. Здесь существует несколько вариантов: нахождение в отдельном здании на территории больницы (в этом случае в помещении всегда свободный доступ), внутри здания больницы до проходной (куда могут попасть все желающие) и внутри здания после проходной. Но проходная не всегда является препятствием для попадания в часовню всех желающих. В одном случае часовня находилась за проходной, но всех посетителей пропускали в нее в дни, когда совершались богослужения.

Почти во всех часовнях ежедневно сидят женщины, которые занимаются сбором пожертвований на свечи и записок. Это главные люди часовен, которые могут ответить на несложные вопросы о православии, помочь написать

записку, дать телефон священника (лишь в нескольких случаях номер телефона можно было видеть на доске объявлений). Обычно в часовнях можно бесплатно взять освященную воду. Там также могут распространяться другие церковные предметы или книги. Во всех часовнях есть возможность оставить записки о здравии, которые впоследствии передаются в основной храм для зачитывания во время службы.

Как выяснилось во время наблюдения, для больницы часовня представляет собой скорее проблему. Администрация больницы должна решать проблемы, возникающие в связи с наличием часовни: в помещении и возле него проводится уборка силами сотрудников больницы; часовню могут посещать не только пациенты, а значит необходимо решить вопрос с пропускным режимом и гардеробом; священнику часто разрешают ставить свой автомобиль на парковке для служебных машин, хотя формально он такого права не имеет. Лечащие врачи, согласно нашим наблюдениям, в большинстве случаев никак не участвуют напрямую в деятельности часовен.

На сайтах больниц обычно нет упоминания о часовнях и времени их служения. Эту информацию можно найти на сайтах благочиний и приходоов, к которым часовня приписана формально. Главный источник информации о деятельности часовен – это сайт «Православие и медицина», однако список больничных храмов на нем также не совсем актуален, там может быть указано неправильное время или другое место расположения часовни. Так, один раз по указанному на этом сайте адресу не оказалось больничной часовни.

Во всех больницах, где проходило наблюдение, к часовням не ведут стандартные больничные указатели, с помощью которых можно добраться до того или иного отделения. Но в некоторых случаях часовня находится в отдельном здании, она может быть указана на общем плане территории больницы, который обычно находится на входе.

Раз в неделю или реже в часовне обычно происходит молебен, который проводит священник вместе с певчими из своего прихода. В среднем его посещают от 15 до 30 человек. Ни разу не приходилось видеть ситуацию, когда бы молебен проводился при пустой часовне. Однако, судя по всему, для священников такие молебны не являются важной частью их служений. Единственный священник, у которого удалось взять интервью, на протяжении почти всего разговора жаловался на то, что его воскресное расписание настолько плотное, что приходится быстро перемещаться между тремя богослужениями, без возможности полноценно присутствовать хотя бы на одном из них.

Несколько раз приходилось наблюдать ситуацию, при которой священник уходил до окончания службы, потому что у него в этот день были более важные дела. А посетители заканчивали молитву вместе с хором.

Во всех часовнях также существует возможность договориться о приходе священника в палату. Для этого желающие (обычно это родственники пациента) оставляют женщине в часовне заявку, и священник в отведенное для этого время посещает больного, чтобы провести исповедь, соборование или причастие.

При часовне может действовать небольшая православная библиотека для пациентов больницы. При этом ни разу не было зафиксировано, чтобы пациенты действительно брали или возвращали книги из этой библиотеки. В одной часовне ящики с книгами стоят на шкафу, там, где потенциальным читателям невозможно до них дотянуться. На вопрос, почему так, смотрительница часовни ответила, что книги все равно никто не берет, а находясь на уровне, где их можно было бы полистать, они бы мешали перемещению по часовне.

На входе в одну из часовен лежали распечатанные отрывки из Евангелия, которые можно забрать с собой и не возвращать.

Существует также практика православных стендов, когда сотрудники часовни организуют небольшие информационные пункты на этажах больницы. Обычно там висит информация о работе часовни, размещены тексты молитв, лежат православные книги и брошюры.

Фото 1. Пример христианской библиотеки. Детская городская клиническая больница № 13 имени Н. Ф. Филатова

Фото 2. Вход в часовню в холле больницы. Университетская клиническая больница № 1.

Посетители

Самые очевидные посетители часовен – это пациенты больниц. Их мотивы различаются. В первую очередь, в часовни приходят люди, которые не могут посещать регулярные службы в своем приходе из-за нахождения в больнице. Эти люди знают, как вести себя во время богослужений, не задают вопросов, молча приходят и уходят, не обсуждая происходящее с другими посетителями молебнов. Обычно на вопрос о том, почему они пришли в данный момент в часовню, отвечают с упоминанием своего основного прихода и имени священника.

Совсем иная категория посетителей-пациентов – те, кто приходит в часовню с целью разнообразить свое нахождение в больнице. Долгое нахождение в больнице вызывает скуку и усталость, тем более в воскресенье, когда не происходит процедур и осмотров. Эти пациенты не находятся в часовне в течение всего богослужения, чаще стоят ближе к выходу, но при этом охотнее начинают разговоры с другими посетителями и служителями часовни и друг с другом.

Если часовня находится на территории до проходной, туда часто ходят жильцы соседних домов, для них это может быть ближайшим к дому храмом. Одна

женщина рассказала, что начало молебна в 6 утра и удобное расположение часовни относительно ее дома дает ей возможность посещать ее перед работой, когда попасть в другой храм не получается. Также в часовни приходят женщины пожилого возраста, которые, скорее всего, проживают в соседних домах.

Один раз удалось наблюдать женщину, которая пришла в часовню со своими четырьмя детьми (примерно от 1 года до 7 лет). По ее словам, она приходит на исповедь к знакомому священнику именно туда, а не в его основной храм, потому что свободные требования к больничной часовне дают ей возможность исповедоваться в присутствии детей, которые обычно создают вокруг себя шум и нарушают порядок. В обычном храме ей пришлось бы просить кого-то последить за детьми или искать возможность оставить их дома, в то время как часовня в больнице дает большую свободу и не заставляет отвлекаться на детей во время исповеди. И действительно, во время исповеди дети бегали по помещению, сидели и лежали на полу, трогали церковную утварь и иконы. Присутствующие не делали им замечания, а только следили, чтобы никто из них не навредил себе и помещению. В этот день исповедовалась только эта женщина.

Судя по результатам наблюдений, наиболее частые и типичные посетители больничных часовен – родственники пациентов (это всегда были женщины). Они заходили туда, чтобы купить свечу и оставить записку. Даже если они заходили во время проходящего там богослужения или непосредственно перед ним, они не выражали интереса к происходящему и желали остаться. Несколько раз удалось услышать, как они объясняли служителям свою ситуацию: страшная операция, сложный случай.

Редко приходилось видеть на молебнах младший медицинский персонал. Судя по тому, что медсестры участвовали в молебнах в больничной форме, это происходило во время их смены.

Посетителям часовен, проходящим извне, доступна больничная инфраструктура: туалет, гардероб и бесплатные бахилы, если правила больницы требуют их надевать.

Интересно, что проходящие мимо люди тоже часто реагируют на часовню, например, крестятся, проходя мимо. Это касается не только отдельно стоящих часовен, но и часовен, занимающих комнаты внутри больничного здания.

Заключение

Место для богослужений в больнице часто вызывает ощущение некоего пространства, где пересекаются два противоположных друг другу мира: мира медицины и мира религии, для каждого из которых характерны свои нормы поведения и предметы. Судя по результатам наблюдений, часовни вписываются в структуру больниц без значимых противоречий, которые мешали бы функционированию того или другого. Вместо дихотомии «наука-религия» или «медицина-вера» в больничных часовнях создается, скорее, полифония разных мировоззрений, стратегий действия и режимов функционирования. У разных работников больницы складывается свое отношение к присутствию часовни. А у часовен появляются новые функции, которые, возможно, не подразумевались изначально, но появились в процессе их существования.

По итогам наблюдения можно сказать, что на уровне больничных часовен, кажущееся противоречие между религией и медициной отсутствует. Вместо него возникает ситуация, в которой много людей в одном месте совершают согласованные действия, но при этом для каждого присутствующего смысл происходящего – свой собственный.

Находясь внутри больничного пространства, часовня создает для всех посетителей больницы возможности взаимодействия: у больных появляется возможность скрасить свой досуг, младший медицинский персонал может участвовать в богослужениях, не отходя от рабочего места.

Несмотря на некоторые трудности попадания в больничные часовни (отсутствие указателей, необходимость спрашивать дорогу, частое отсутствие информации о времени богослужений), в больничных часовнях всегда были люди извне, не имеющие прямого отношения к больнице.

Православные часовни в российских больницах являются такими же пространствами гетеротопии, как часовни на Западе, в понимании М. Фуко и в дальнейшем С. Колмана и П. Коллинза. Расхождения в формулировках государственных законов и документов церкви о месте часовни только подтверждает эту мысль.

В гетеротопии важна не суть вещей как таковая, а характер их связи. Поэтому часовня в больнице – уже не просто религиозное учреждение, а именно религиозное учреждение на территории медицинского. Это место, где никто, как и во всей больнице, не будет до конца своим, а значит, в нем никто не чужой. Священник появляется там, чаще всего, выполняя обязательство и не считая это своим самым важным служением. Пациенты и родственники приходят туда за помощью, прося о выздоровлении, но не задумываясь при этом о сути христианства, спасении души и смирении. Для других пациентов посещение часовни может быть развлечением, способом скрасить однообразную больничную жизнь. Врачи, несмотря на заявления церкви о миссионерской работе для медицинского персонала наравне с пациентами, чаще всего игнорируют или не замечают больничных часовен. В целом часовня выглядит местом, которое так или иначе устраивает всех и устраивает именно своей странностью.

Литература

Баньковская С. Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2.

Больничные храмы г. Москвы // Православие и медицина. URL: <http://orthomed.ru/node/1104> (дата обращения: 12.02.2019).

Борискин А. Особенности православного пастырского служения в детской больнице // Христианское чтение. 2012. № 1.

Конрой Н. Между теологией и заботой: обзор исследований больничного служения // Журнал исследования социальной политики. 2019. № 3. (В печати).

Кулик И., Васильева М. Как организовать службу добровольцев: учебник для начинающих // М.: Лепта Книга, 2018. 336 с.

Маркин К. Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 274–290.

Митрополит Крутицкий Ювеналий выступил на VII Подмосковном форуме «Православие и медицина» // Официальный сайт Московского патриархата. 2016. 9 декабря. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4710296.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная церковь. Отдел внешних церковных связей. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (дата обращения: 12.02.2019)

Пантелеимон (Шатов). Больничный священник. М.: Никая, 2019.

Патриарх: развитие технологий является вызовом традиционному обществу // РИА Новости. 2017. 1 ноября. URL: <https://ria.ru/20171101/1508003379.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Полная антисанитария: в соцсетях возмутились условиями содержания пациентов в ярославской больнице // Esquire. 2019. 1 февраля. URL: <https://esquire.ru/articles/81972-polnaya-antisanitariya-v-socsetyah-vozmutilis-usloviyami-soderzhaniya-pacientov-v-yaroslavskoy-bolnice/> (дата обращения: 12.02.2019).

Протоиерей Аркадий Шатов: Церковная социальная деятельность – это есть служение любви // Официальный сайт Московского патриархата. 2010. 9 марта. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1110012.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Силуянова И. Этика врачевания. Современная медицина и православие. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2001.

Склярова Т. В. Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессио-нально-ориентированных высших учебных заведениях. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

Социальное служение // Благочиние Богоявленского округа Москвы. URL: <http://www.bogoyavlenskoe.ru/root3155> (дата обращения: 12.02.2019).

Социальное служение // Храм свт. Филиппа, митрополита Московского, в Мещанской слободе города Москвы. URL: http://st-philipp-church.prihod.ru/socialnoe_sluzhenie (дата обращения: 12.02.2019).

Тарасевич И. Конституционно-правовой статус Русской православной церкви в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10. С. 11–18.

Тимофеева О. Гетеротопики о гетеротопиях: Междисциплинарная конференция «Гетеротопии» // Новое литературное обозрение. 2007. № 6. С. 468–472.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 12.02.2019).

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 12.02.2019).

Филимонов С. Священник в больнице. СПб.: Общество православных врачей СПб им. свт. Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского, 2006.

Филимонов С. Практическое руководство по милосердному сестринскому служению. Опыт служения сестер милосердия Санкт-Петербурга. СПб., 2013. 448 с.

Фуко М. Слова и вещи / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977.

Харламов Н. Гетеротопии: странные места в городских пространствах постгражданского общества // Журнальный клуб Интелрос «Синий диван». 2010. № 15. С. 189–197.

Ходаков В. Храм в больнице детской гематологии: вера, надежда и болезнь // Православие и мир. 2012. 3 сентября. URL: <https://www.pravmir.ru/1xram-v-fnkc-detskoj-gematologii-vera-nadezhda-i-bolezn-foto-1/> (дата обращения: 12.02.2019).

Церковь и медицина // СПб ГБУЗ Детский городской многопрофильный клинический центр высоких медицинских технологий им. К. А. Раухфуса. URL: <http://dgb-19.ru/klinika/chasovnya> (дата обращения: 12.02.2019).

Coleman S., Collins P. (ed.). Religion, identity and change: perspectives on global transformations. Routledge, 2017.

Street A., Coleman S. Introduction: real and imagined spaces // Space and Culture. 2012. T. 15. № 1. С. 4–17.

Swift C. Hospital chaplaincy in the twenty-first century: The crisis of spiritual care on the NHS. Routledge, 2016.

Приложение

1. Медицинские учреждения, в которых проводились наблюдения

- 1) Городская клиническая больница имени М. П. Кончаловского
- 2) Центральная клиническая больница МО РАН в Москве
- 3) Российский научный центр хирургии им. акад. Б.В. Петровского
- 4) Университетская клиническая больница № 1
- 5) Университетская клиническая больница № 4
- 6) Детская городская клиническая больница № 13 им. Н. Ф. Филатова
- 7) Московский городской научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского
- 8) Городская клиническая больница № 52
- 9) Главный военный клинический госпиталь им. акад. Н. Н. Бурденко
- 10) Научный центр сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева

2. Список информантов

- 1) Ж. Около 60 лет, служит на свечном ящике в одной из часовен
- 2) М. Около 50 лет, пациент больницы
- 3) М. Около 35 лет, священник

3. Индикаторы для описания часовни

Расположение часовни: часовня в здании до проходной / часовня после проходной, но пускают просто так / часовня после проходной, пускают по разрешению / отдельное здание

Информация о часовне: на сайте больницы / сайт часовни / телефон священника на сайте / информация о часах работы / телефон священника на видном месте

Территория: гардероб / необходимость бахил / туалет / часовня на плане больницы / указатели к часовне / охранник знает, где часовня / часовня видна с улицы / есть ли рядом другой храм / есть ли часовня при морге / есть ли отдельно лавка / знает ли служитель историю часовни / знает ли служитель священника / работает регулярно / оставляет телефон

Деятельность часовни: молебны / службы / в часовне / в палатах / по расписанию / по требованию / уголки книг на этажах / брошюры, газеты, распечатки бесплатно / библиотека в часовне / книжная лавка в часовне / информационный листок в часовне / чаепития / лекции о вере

Во время наблюдения: что происходит / священник / хор / кто-то еще / количество прихожан / среди них медперсонал.

Дата поступления: 15.01.2019

“The Lord is on the ground floor”: Orthodox chapels in the space of medical institutions

DOI: 10.19181/inter.2019.17.4

Krihtova Tatiana – fellow-researcher Laboratory of Sociology of Religion STOU, krihtova@gmail.com

The article is about the functions of Orthodox hospital chapels on the basis of field observation of ten chapels, which located in various Moscow hospitals. The article provides materials from field observation in hospitals that describe the location of chapels on the hospital territory, access to them, typical visitors, and the course of services. The observation was carried out in the chapels on the days of the conduct of regular prayers and the days when there were no worship services.

The hierarchs of the Orthodox Church call medicine the area of interest of the church and allow for the possibility of intervening in some of its spheres. In this case, the chapel in the hospital is interesting because it is an example of the smallest and rather passive influence of the church to the medicine. Hospital chapels are represented by church leaders of opinion not as an alternative to hospital treatment, but as spaces where believers can attend divine services, and the same time non-believers come into contact with spiritual life as much as they themselves are comfortable.

In fact, the hospital chapel becomes a space in which many different meanings intersect and people who come there with their own goals. Almost all of them feel harmonious in the hospital chapel. Perhaps because in this space they can behave themselves in the way that would be impossible in an ordinary Orthodox church. All components of the hospital chapels look appropriately next to each other and do not conflict. The hospital chapel is a typical heterotopy space, a place that is different from the usual and at the same time includes several worlds.

Keywords: medicine, religion, Orthodoxy, hospitals, chapels, heterotopia.

References

Ban'kovskaya S. (2011) Ponyatiye geterotopichnoy sredy i eksperimentirovaniye s ney kak s usloviyem ustoychivogo netselenapravlennoy deystviya [The concept of a heterotopic environment and experimentation with it as with the condition of a stable non-focused action]. Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review], vol. 10, no 1–2.

Bol'nichnyye khramy g. Moskvy (2019) [Hospital churches of Moscow]. Pravoslaviye i meditsina [Orthodoxy and medicine]. URL: <http://orthomed.ru/node/1104> (date of the application: 12.02.2019)

Boriskin A. (2012) Osobennosti pravoslavnogo pastyrskogo sluzheniya v detskoj bol'nitse [Features of the Orthodox pastoral ministry in the children's hospital]. Khristianskoye chteniye [Christian reading], no 1.

Conroy N. (2019) Mezhdru teologiyey i zabotoy: obzor issledovaniy bol'nichnogo sluzheniya [Between Theology and Care: A Review of Research on Hospital Ministry] // Zhurnal issledovaniya sotsial'no politiki [Journal for social politics research], no 3.

Coleman S., Collins P. (ed.) (2017) Religion, identity and change: perspectives on global transformations. Routledge.

Kharlamov N. (2010) Geterotopii: strannyye mesta v gorodskikh prostranstvakh postgrazhdanskogo obshchestva [Heterotopies: Strange Places in Urban Spaces of a Post-Civil Society]. Zhurnal'nyy klub Intelros "Siniy divan" [Intelros Journal Club "Blue Sofa"], no 15, pp. 189–197.

Khodakov V. (2012) Khram v bol'nitse detskoj gematologii: vera, nadezhda i bolezn' [The Temple in the Pediatric Hematology Hospital: Faith, Hope and Illness] // Pravoslaviye i mir

[Orthodoxy and the World]. URL: <https://www.pravmir.ru/1xram-v-fnkc-detskoj-gematologii-vera-nadezhda-i-bolezn-foto-1/> (date of the application: 12.02.2019)

Kulik I., Vasil'yeva M. (2018) Kak organizovat' sluzhbu dobrovol'tsev: uchebnik dlya nachinayushchikh [How to organize a volunteer service: a handbook]. M.: Lepta Kniga [Lepta Book].

Markin K. (2018) Mezhdu veroy i neveriyem: nepraktikuyushchiye pravoslavnyye v kontekste rossiyskoy sotsiologii religii [Between faith and unbelief: non-practicing Orthodox in the context of Russian sociology of religion]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny. [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], no 2, pp. 274–290.

Mitropolit Krutitskiy Yuvenaliy vystupil na VII Podmoskovnom forume «Pravoslaviye i meditsina» [Metropolitan Juvenaly of Krutitsy spoke at the VII Moscow Region Forum “Orthodoxy and Medicine”] (2016). Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo patriarkhata [Official site of the Moscow Patriarchate]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4710296.html> (date of the application: 12.02.2019)

Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Russkaya Pravoslavnaya tserkov'. Otdel vneshnikh tserkovnykh svyazey [Russian Orthodox Church. Department of External Church Relations]. URL: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (date of the application: 12.02.2019)

Panteleimon (Shatov) (2019). Bol'nichnyy svyashchennik [Hospital priest]. M.: Nikeya.

Patriarkh: razvitiye tekhnologiy yavlyayetsya vyzovom traditsionnomu obshchestvu (2017) [Patriarch: the development of technology is a challenge to the traditional society] // RIA Novosti. [RIA News]. URL: <https://ria.ru/20171101/1508003379.html> (date of the application: 12.02.2019).

Polnaya antisanitariya: v sotssetyakh vozmutilis' usloviyami sodержaniya patsiyentov v yaroslavskoy bol'nitse (2019) [Full insanitary conditions: in social networks were outraged by the conditions of patients in the Yaroslavl hospital]. Esquire. URL: <https://esquire.ru/articles/81972-polnaya-antisanitariya-v-socsetyah-vozmutilis-usloviyami-soderzhaniya-pacientov-v-yaroslavskoy-bolnice/> (date of the application: 12.02.2019)

Protoiyerey Arkadiy Shatov: Tserkovnaya sotsial'naya deyatel'nost' — eto yest' sluzheniye lyubvi [Archpriest Arkady Shatov: Church social activity is the service of love] Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo patriarkhata (2010) [The official website of the Moscow Patriarchate]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1110012.html> (date of the application: 12.02.2019).

Siluyanova I. (2001) Etika vrachevaniya. Sovremennaya meditsina i pravoslaviye [Ethics of healing. Modern medicine and Orthodoxy]. Izd-vo Moskovskogo Podvor'ya Svyato-Troitskoy Sergiyevoy lavry. [Publishing House of the Moscow Compound of the Holy Trinity Sergius Lavra].

Sklyarova T. (2008) Professional'naya podgotovka sotsial'nykh pedagogov v konfessional'no-oriyentirovannykh vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [Training of social teachers in confessional-oriented institutions of higher education]. Izd-vo PSTGU [PSTU Publishing House].

Sotsial'noye sluzheniye [Social service]. Blagochiniye Bogoyavlenskogo okruga Moskv [The blessing of the Epiphany district of Moscow]. URL: <http://www.bogoyavlenskoe.ru/root3155> (date of the application: 12.02.2019)

Sotsial'noye sluzheniye [Social service]. Khram svt. Filippa, mitropolita Moskovskogo, v Meshchanskoy slobode goroda Moskv [Temple of Sts. Philip, Metropolitan of Moscow, in the Meshchanskaya settlement of the city of Moscow]. URL: http://st-philipp-church.prihod.ru/socialnoe_sluzhenie (date of the application: 12.02.2019)

Street A., Coleman S. (2012) Introduction: real and imagined spaces. Space and Culture, vol. 15, no 1, pp. 4–17.

Swift C. (2016) Hospital chaplaincy in the twenty-first century: The crisis of spiritual care on the NHS. Routledge.

Tarasevich I. (2006) Konstitutsionno-pravovoy status Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Rossiyskoy Federatsii [Constitutional and legal status of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo [Constitutional and municipal law], no 10, pp. 11–18.

Timofeyeva O. (2007) Geterotopiki o geterotopiyakh: Mezhdistsiplinarnaya konferentsiya «Geterotopii» [Heterotopics on Heterotopies: Interdisciplinary Conference “Heterotopies”]. Novoye literaturnoye obozreniye [Heterotopics on Heterotopies: Interdisciplinary Conference “Heterotopies”], no 6.

Tserkov' i meditsina [Church and Medicine]. Detskiy gorodskoy mnogoprofil'nyy klinicheskiy tsentr vysokikh meditsinskikh tekhnologiy im. K. A. Raukhfusa [Children's City Multidisciplinary Clinical Center for High Medical Technologies. K.A. Rauffusa]. URL: <http://dgb-19.ru/klinika/chasovnya> (date of the application: 12.02.2019).

Federal'nyy zakon “Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii” ot 21.11.2011 [Federal Law “On the basis of the protection of public health in the Russian Federation” of 11/21/2011].

Federal'nyy zakon “O svobode sovesti i o religioznykh ob'yedineniyakh” [Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” dated 09/26/1997].

Filimonov S. (2006) Svyashchennik v bol'nitse [Priest in the hospital]. Saint-Petersburg: Obshchestvo pravoslavnykh vrachey [Society of Orthodox Doctors of].

Filimonov S. (2013) Prakticheskoye rukovodstvo po miloserdnomu sestriynskomu sluzheniyu [Practical Guide to Compassionate Nursing Ministry]. Saint-Petersburg.

Foucault M. (1977) Slova i veshchi [Words and Things]. Per. s fr. V. P. Vizgina, N. S. Avtonomovoy. M.: Progress.

Received at: 15.01.2019

Национальная идентичность и пацифизм: две стороны одной военной памяти

DOI: 10.19181/inter.2019.17.5

Вероника Жобер¹

Статья посвящена анализу стратегии меморизации героев и жертв Первой мировой войны во Франции, которая раскрывается на примере истории нескольких памятников в различных провинциальных департаментах. В статье показано, что некоторые из этих памятников установлены по инициативе не государственных органов, а народных активистов, и, в противоположность милитаристским политикам коммеморации воинов, носят откровенно пацифистский характер.

Ключевые слова: Великая война, пацифизм, военный памятник, военные потери, герои, жертвы

Наверное, во всех европейских странах чтут память о главных полководцах, способствовавших победе своего отечества в разных сражениях. А также помнят всех павших воинов, офицеров и рядовых, отдавших свою жизнь для спасения родины. Память о героях и, вообще, о жертвах необходима для сплочения нации, единения страны.

Если сравнивать Россию и Францию, можно заметить несовпадение в масштабах меморизации двух мировых войн XX века. Остановимся на войне 1914–1918 гг.

Первая мировая война (1914–1918), как известно, оказалась «забытой войной» в советской историографии. Здесь не место объяснять причины такого забвения, и, к счастью, недавние столетние годовщины не только начала войны 1914 года, но и Великой русской революции 1917 года, внесли значительные поправки и восполнили существовавшие до сих пор зияющие пробелы в памяти о той войне.

---

¹ Жобер Вероника – заслуженный профессор Сорбонны, главный редактор журнала «La Revue russe». veronique.jobert@gmail.com

Во Франции же эта война вошла в историю как Великая война (La Grande guerre). Несмотря на первоначальную уверенность, которую разделяли правители всех стран, участвовавших в конфликте, в том, что война скоро закончится, – в реальности она неимоверно затянулась. В страшных сражениях Франция понесла огромные потери: около 1,4 млн человек – больше 10% работоспособного населения, это самое высокое процентное соотношение среди всех воевавших стран.

Готовясь к столетней годовщине Великой войны, в рамках целевой программы Mission du centenaire, инициированной французским Военным министерством, историки, участвовавшие в этом научном проекте, провели огромную работу. Память о людях, о соотечественниках, положивших жизнь за родину, является главной целью широкомасштабного научного труда, состоявшего в комплектовании и разборе различных архивов, обработке и изучении архивных документов.

Были созданы оцифрованные базы данных, включающие личные дела воевавших, насчитывающие более 1,4 млн единиц хранения. Кроме того, была создана отдельная база данных расстрелянных: более 1000 личных дел военных и гражданских лиц, расстрелянных не только на фронте, но и в тылу, осужденных военными трибуналами за неповиновение, дезертирство, шпионаж. Только сейчас были разобраны эти данные и объективно освещены подобные факты.

Французское национальное военное наследие, относящееся к Великой войне, включает музеи, военные кладбища, архитектурные сооружения, бесчисленные архивы (см. *MemorialGenWeb*). Все эти объекты наглядно иллюстрируют небывалые масштабы войны и чудовищные потери, понесенные страной, как материальные, так и человеческие.

Фото 1. Памятник в Дардийи

Фото 2. Памятник в Сэн-Мартэн д'Эстро

Особое место занимают, без сомнения, многочисленные памятники, которые можно найти по всей Франции. Их число равняется числу коммун, которых 36 000! В каждой деревне, в каждом поселке и городе стоит памятник с именами тех, кто там жил, работал и погиб, сражаясь за родину. Это те самые «сыны

Отчизны», которых воспеваает «Марсельеза». Памятники воздвигнуты, чтобы прославить их, а вместе с ними и Францию. Итак, первоначально прославление имен героев являлось главной задачей меморизации.

Однако Великая война, из-за военных ужасов совершенно нового типа – применения газов, длительного проживания в окопах – существенно изменила взгляд обывателя на ее смысл. Пацифистские настроения, существовавшие и до войны, набрали силу во время военных операций, а по окончании их проявились в решениях, принимаемых в ходе воздвижения памятников. Так что во Франции существует целый ряд памятников «пацифистской ориентации».

Так, в коммуне Сэн-Мартэн-д'Эстро (*Saint-Martin-d'Estréaux*), департамент Луара, стоит большой необычный памятник. На нем 64 имени погибших, и с обеих сторон от имен помещены маленькие эмалированные портреты; в центре – скорбящая мать. Памятник отличается тем, что на его тыловой стороне находятся надписи, резко осуждающие войну. Их пламенный обвинительный тон далек от пафоса прославления войны и ее героев. Подводится итог чудовищной мировой мясорубке, насчитывающей 12 млн погубленных жизней. Примечателен пацифистский лозунг на латыни: *Si vis pacem, para pacem* (Хочешь мира, готовь мир) – отвергающий более известное латинское крылатое изречение: *Si vis pacem, para bellum* (Хочешь мира, готовься к войне). К этому надо добавить неоднозначное выражение, уже на французском, содержащее осуждение войны: Да будет проклята война и ее зачинщики (*Maudite soit la guerre et ses auteurs*). Не обошлось и без упоминания показных, не всегда оправданных расстрелов: Невинных ставят к стенке, а виноватым воздают почести (*Des innocents au poteau d'exécution, des coupables aux honneurs*).

В Дардийи (*Dardilly*), департамент Рона, на памятнике имеется бескомпромиссная надпись: Против войны (*Contre la guerre*).

Хотелось бы рассказать подробнее о другом «пацифистском» памятнике, находящемся в деревне Жантью (департамент Крèз), который был изображен на обложке одного из номеров журнала *La Revue russe*, вышедшего в Париже в 2016 году¹.

Фото 3. Памятник в Жантью.

В 2014 г. во Франции широко отмечалась годовщина столетия начала Первой мировой войны. В связи с этим, Французской ассоциацией русистов² было принято решение посвятить очередной номер своего журнала Великой войне и осветить ход этой войны в России, напомнив о разных забытых эпизодах. Это отразилось и в названии главной темы номера: «Короткая война, которой не видно конца... Великая война в России»³. Ведь Россия была союзником Франции и Англии, существовало тесное сотрудничество между Францией и Россией. Военно-политический франко-русский союз, подписанный в 1891 г.

¹ *La Revue russe*, 2016, no 47. Журнал выходит два раза в год.

² Association Française des Russisants.

³ *La Revue russe*, 2016, no 47.

предусматривал взаимную помощь в случае войны. После визита президента и премьер-министра Франции в Россию в 1914 г. было заключено соглашение, согласно которому Россия отправила на помощь Франции около 20 000 военных. В истории они стали известны как Русский экспедиционный корпус. Русские бригады, приехавшие во Францию в 1916 г., были встречены с бурным энтузиазмом. И они оправдали ожидания французов. Их участие в боях, в частности на территории Франции, было героическим и заслужило признательность французского военного командования.

Однако российские революции 1917 г., начиная с Февральской, полностью изменили картину. Часть русских солдат, узнав о Приказе № 1, принятом Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, вышла из повиновения, взбунтовалась. Французы, испугавшись угрозы их тлетворного влияния на французскую армию, в июне 1917 г. решили снять эти части с фронта и изолировать их в военном лагере Ля Куртин в департаменте Крэз. Там вспыхнуло настоящее восстание, которое удалось подавить только в сентябре. До сих пор существуют расхождения среди историков по поводу реального числа убитых тогда военных. Официальная французская версия признает только девять или десять жертв, тогда как другие источники говорят о сотне.

Военный лагерь Ля Куртин находится в департаменте Крэз¹, как и деревня Жантью, где проживает в настоящее время 418 жителей и где стоит очень своеобразный, шумевший в свое время памятник жертвам Великой войны.

В Жантью в 1922 г. по инициативе мэра этой деревни Жюля Куто² было принято решение воздвигнуть памятник. Сам Куто был кузнецом, во время Первой мировой войны был отравлен газами, принадлежал к социалистической партии того времени³.

Из трех представленных проектов был избран тот, чьим автором был краснодеревщик и муниципальный советник Дюбюргт (*Duburgt*). Комментируя созданный образ, тот сказал, что для него это был просто «крик души». Напомним, что из всех французских департаментов Крэз понес самые большие потери. Это был очень бедный сельскохозяйственный регион, и в армию забрали чуть ли не всех молодых крестьян. Из 56 000 мобилизованных погибло 11 000. Поэтому на памятнике Дюбюргт решил увековечить возглас, звучавший в то время повсюду: Да будет проклята война! Такая надпись и стоит под традиционным списком погибших. Сам памятник представляет собой вертикальную гранитную стелу высотой 3,80 м, шириной 2,78 м, на постаменте с тремя ступенями. На белой мраморной доске записаны имена 58 жителей Жантью, павших в войну 1914–1918, с указанием местности, хутора, откуда они были родом. Над доской на граните – золотыми буквами надпись: Наши дорогие дети (*Nos chers enfants*).

Вместо традиционной для многих военных памятников фигуры рядового солдата «пуалю»⁴, скульптор предпочел изобразить здесь деревенского мальчика-сироту в школьной форме того времени, обутого в сабо⁵. Статуя мальчика из бронзы. Он стоит с грустным видом, держит в левой руке кепку, правая рука,

¹ В департаменте Крэз – 256 коммун, одна из них называется сейчас Жантью-Пижероль, вследствие слияния двух коммун в 1972 г. Но сохранились два здания мэрии. Крэз – один из первых департаментов, образованных во время Французской революции.

² Jules Coutaud. Жюль Куто был мэром этой деревни в течение 45 лет, с 1920 до 1965 гг.

³ SFIO, Французская секция рабочего интернационала.

⁴ Poilu – прозвище, данное французским солдатам, сражавшимся в окопах в Первую мировую войну.

⁵ Традиционная деревенская деревянная обувь того времени.

протянутая в сторону памятника, сжата в кулак, указывающий на крамольную надпись: Да будет проклята война!

В 1922 г. памятник был открыт местной администрацией и жителями деревни, но, поскольку его открытие проходило в отсутствие префекта (региональной администрации), этот памятник не был признан официально. Легенда гласит, что до 1985 г., когда мимо него проходили солдаты, отправлявшиеся в близко расположенный военный лагерь, им велели отворачиваться и не смотреть на крамольный памятник. В 1985-м произошло полуофициальное открытие памятника, когда после открытия новой местной жандармерии к нему возложили венок. В 1989 г. префект предложил открыть, наконец, памятник торжественно, но при этом заменить крамольную пацифистскую надпись другой, гласящей: «Слава детям из Жантюю, павшим за Францию». Муниципальный совет отказался. В конечном итоге, только в 1990 г. памятник был увековечен в первоначальном виде и занесен в инвентарный список памятников, охраняемых государством. С 1988 г. каждый год в день годовщины перемирия 11 ноября 1918 г.¹ у памятника собираются пацифисты и сторонники «вольнодумства»² (до 1000 участников).

Напомним, что вышеупомянутый памятник в Сэн-Мартэн-д'Эстро тоже был торжественно открыт с большим опозданием, только в 1947 г. К тому же он несколько раз подвергался вандализму со стороны патриотов-националистов. Как и памятник в Жантюю, он в 1989 г. был внесен в список исторических памятников, охраняемых государством.

Фотография памятника в Жантюю на обложке журнала *La Revue russe* показала его редакции весьма подходящей иллюстрацией для рассказа о войне, которую французы называли «la der des ders»³, с надеждой увидеть в будущем конец всем войнам.

Увы, эта надежда, как известно, не оправдалась.

Литература

MemorialGenWeb (Военные мемориалы Франции). URL: <http://www.memorialgenweb.org/> (дата обращения: 20.02.2019).

Дата поступления: 20.02.2019

National Identity and pacifism: two sides of the same military memory

DOI: 10.19181/inter.2019.17.5

Veronique Jobert

Jobert Veronique is a Professor Emeritus of the Sorbonne, Editor-in-Chief of «La Revue russe» journal. veronique.jobert@gmail.com

¹ Отметим, что 11-ое ноября является во Франции нерабочим днем.

² Во Франции существует общественное движение «La libre pensée» (вольная дума – фр.).

³ Последняя из последних (фр.).

The article is devoted to the analysis of the memorializing strategy of the heroes and victims of the First World War in France. It is revealed on the examples of the history of several monuments in various provincial departments. The article shows that some of these monuments have been established not as the state agencies initiative, but by grass-route activists, and, in contrast to common militaristic messages, the commemoration of soldiers and victims by this monuments has frankly pacifist features.

Keywords: Great War, pacifism, military monument, war casualties, heroes, victims

References

MemorialGenWeb (War Memorials in France). URL: <http://www.memorialgenweb.org/> (date of the application: 20.02.2019).

Received at: 20.02.2019

Комментарий на тему национальных режимов коммеморации

DOI: 10.19181/inter.2019.17.6

*Елена Рождественская*¹

В комментарии автор возвращается к теме военных памятников в национальном контексте, представленной выше, и обсуждает эту же ситуацию с точки зрения политики памяти. Здесь военные памятники понимаются как особые «места памяти», которые, оказываясь в фокусе публичных дискуссий, актуализируют противостояние различных социальных групп, борющихся за право коммеморации, способствуют дискурсивному переопределению и сопротивлению монументальному канону в интерпретации истории.

Ключевые слова: военные памятники, публичное пространство, дискурсы коммеморации.

Недавний юбилей Первой мировой войны привлек повышенное внимание к мемориалам в странах-участницах той войны. В одной из известных книг о памятниках в XIX и XX веках – «Публичные памятники» Сергиуша Михальского (Michalski, 1998) – публичная мемориальная скульптура рассматривается в контексте меняющихся конвенций между историей и политическим дискурсом эпохи. С точки зрения С. Михальского, французы испытали в конце XIX века своего рода мемориальную манию, вызванную необходимостью поддержать хрупкую национальную идентичность после поражения во франко-прусской войне в 1871 году. Публичные памятники вместе с османовским планом городского благоустройства меняли облик публичных пространств сначала в Париже, а затем и в других крупных городах. Но что происходит с этими конвенциями, когда они выходят за рамки наполеоновского контекста Революции, Второй и Третьей империй и входят в современный контекст, когда образ войны в коммеморативной культуре общества меняется, или получают дискурсивную силу иные коннотации, связанные с войной, например, пацифистские? Изучение локальных мемориалов или ранее не представленных и символически вознагражденных социальных групп также является частью процесса увековечения последствий войны и с трудом обретенного мира.

Известная концепция «места памяти» Пьера Нора относительно как крупных памятников, архивов и музеев, так и локальных мемориалов, предназначена для тематизации связи между местом и памятью в общественном сознании.

---

¹ Рождественская Елена – доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. erozhdestvenskaya@hse.ru

Идеи П. Нора – это выход за пределы ограничений, присущих размышлению о мемориалах как дискретных объектах.

«Мы больше не живем в нем [прошлом], оно говорит с нами лишь через оставленные им следы, загадочные следы, смысла которых мы должны допытываться, потому что в них скрывается секрет того, что мы есть, нашей “идентичности”. У нас нет больше общей почвы с прошлым. Мы можем обрести его лишь через реконструкцию – с помощью документов, архивов, памятников. Эта операция превращает “память” – тоже конструируемую – в модное имя для того, что прежде называли просто “историей”» (Нора, 2005).

Следуя логике П. Нора, память – это договор, постоянные переговоры между людьми, в которых они решают не забывать важное и передать это этически означенное знание потомкам. Но большая часть локального мемориального ландшафта погребена под дискурсивной тяжестью общенациональных публичных мемориалов. Многие памятники ускользают от публичного внимания, пребывая в забвении, что неудивительно ввиду меняющегося канона и разрастания художественных жанров. Устаревшая эстетика и дискурс меморизации приводят к тому, что мы не замечаем присутствия памятников. Повинна в забвении и предсказуемость коммеморативных мест, обнесенных оградой и удаленных от людских маршрутов. Таким образом, мемориалы, которые должны восприниматься как напоминание об исключительном историческом событии, несущем моральный урок человечеству или нации, – а по мысли П. Нора, быть вне повседневного времени и пространства, – напротив, стали обыденностью.

Поскольку памятники не могут рассматриваться независимо от их повседневного и ритуально-коммеморативного назначения или использования, важно привлечь идеи Анри Лефевра относительно социального производства пространства, коммеморативных практик и забвения памятников (Лефевр, 2015). Пространство, согласно А. Лефевру, далеко не инертно, оно воспроизводится через социальные действия. Идея Лефевра о том, что «экономическое пространство» подчиняет время своим целям, ставит вопросы о меморизации как жесте позволения со стороны государства. В этом смысле забытый памятник или полуразрушенный мемориал – знак разорванного договора с властной инстанцией, расценивающей коммеморативный жест как утративший валидность. Более того, по логике Лефевра, важно дифференцировать отраженные в социальном пространстве социальные логики. Знаменитая «триада Лефевра» выделяет три плана в анализе социального пространства: первый план – это репрезентация пространства профессионалами (от политиков до архитекторов), поскольку именно они задают и создают фреймы восприятия как идеологические репрезентации; второй план – это пространства репрезентаций, или повседневное проживаемое пространство, в котором воображаемое слито с реальным, открывая властные порядки, но и возможные практики сопротивления; наконец, на третьем плане отыгрываются практики производства материальной формы социального, увязывающие репрезентации пространства и пространство репрезентации.

В этом теоретическом контексте история и дискурсивные перипетии французского памятника павшим в Первой мировой войне, описываемые в статье В. Жобер, обнаруживают следы этого дискурсивного переопределения и сопротивления монументальному канону, призванному, прежде всего, крепить национальную идентичность за счет харизмы принесенной коллективной жертвы («Слава павшим»). Борьбу за альтернативные смыслы, явленную в попытке интересантов снабдить памятник табличкой с иным (пацифистским) смыслом,

можно рассматривать как лефевровское сопротивление властным порядкам ведущей идеологии в пространстве репрезентации. И, разумеется, как платформу локального конкурентного дискурса коммеморации, подавление которого не замедлило сказаться.

Литература

- Лефевр А. Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 4–41.
Michalski S. Public Monuments. London: Reaction Books, 1998.

Дата поступления: 05.03.2019

Comment on national commemoration regimes

DOI: 10.19181/inter.2019.17.6

Elena Rozhdestvenskaya

Rozhdestvenskaya Elena – Doctor of Sociological Sciences, professor at NRU HSE, lead researcher at Institute of Sociology of FCTAS RAS. erozhdestvenskaya@hse.ru.

In that comment author discusses the role of military monuments as special “places of memory”, which are often in the focus of public discussions and the struggle of various social groups for the right of commemoration and the interpretation of history.

Keywords: war memorials, public space, discourses of commemoration

References

- Lefebvre A. *Proizvodstvo prostranstva* [Production of space] / Translated by I. Staf. М.: Strelka Press, 2015.
Nora P. *Vsemirnoe torzhestvo pamjati* [The world triumph of memory] // *Neprikosnovennuy zapas* [Immediate reserve], 2005, no 2-3. Pp. 4–41.
Michalski S. *Public Monuments*. London: Reaction Books, 1998.

Received at: 05.03.2019.

Социальные патологии: клинический подход к миру повседневной реальности

DOI: 10.19181/inter.2019.17.7

Игорь Масалков¹

Клинический взгляд на ситуацию усложняющегося общества и рост числа социальных патологий ставит вопрос о возможностях социальной терапии. В этой связи особый интерес представляет концепция «двойной связи», которая впервые была озвучена в 1956 г. Г. Бейтсоном при разработке теории шизофрении. В логической основе концепции «двойной связи» лежит понятие парадоксального послания как требования, основанного на двух противоречивых командах, несущего в себе очень серьезный травмирующий эффект. Концепция «двойной связи» рассматривает шизофрению не как болезнь конкретного индивидуума, но как определенную системную модель коммуникативных отношений в обществе, как социальное явление. Автор считает, что науки о человеке и обществе должны взять на вооружение эту концепцию, применив ее к анализу политического дискурса, а также к анализу практики социальных отношений в различных сферах.

Ключевые слова: клинический подход, деградация социальных отношений, двойная связь, парадоксальное послание, социальная шизофрения, анализ политического дискурса, ответственность власти за свои слова и действия

Социология все больше заимствует из языка и концептуального аппарата пограничных дисциплин, в частности, медицины и психиатрии. Эта традиция заимствования, восходящая к М. Фуко (Фуко, 1998) и сосредоточенная на изучении, прежде всего, индивидуально-субъективного, все больше перерастает в исследование социального, приспособляемая к социологическому дискурсу взятые из смежных дисциплин понятия травмы, стресса, патологии, социальной терапии, а в последнее время появился даже термин «патогенная социальная система» (Gaulejac, 2018).

Идея активного воздействия на социальные процессы является неотъемлемой частью направления клинической социологии, которое призвано помочь индивидам или отдельным социальным группам и организациям рационально

¹ Масалков Игорь – кандидат философских наук, старший научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, igormasalkov@yahoo.fr

осмыслить свое место в хаосе общественных процессов (Gaulejac, 2012). При клиническом подходе речь идет, как правило, не только о субъектах терапевтического воздействия – индивидах, группах, организациях – но и о концентрации внимания исследователя на отдельных ситуациях, социальных контекстах, которые рассматриваются под углом зрения их частных особенностей, специфики (Масалков, 2009).

Оттуда же, из клинического подхода, пришло представление о возможных социальных патологиях как социальных явлениях, свойственных современному усложненному миру. Как утверждает французский социолог-клиницист Винцент де Гольжак (Gaulejac, 2018), каждое общество, каждая культура, построены на наборе представлений, причем одни представления могут исключать другие. Подобное явление называют социальным парадоксом – противоречием, которое субъектам сложно разрешить. Говоря иными словами, человек как субъект познания во многих случаях избегает определенного вида знания либо потому, что такое знание наносит ущерб его интересам или убеждениям, либо потому, что оно ставит под угрозу его психологическое равновесие, подрывает его представления о политическом и социальном порядке.

Вместе с тем, возникает вопрос: всегда ли существует связь между социальным парадоксом и социальной шизофренией, как утверждают исследователи школы Пало-Альто? Можно ли отдельную социальную структуру или общество в целом считать шизофреничным? В этом контексте возникают и следующие вопросы: если такая связь и наблюдается, то является ли это свидетельством переходного момента в жизни общества в условиях кризиса или это особая модель современного общества?

Так, В. де Гольжак (Gaulejac, 2018) считает, что неправомерно вести речь о «патологизации» социального мира. Организации, как и общество, не имеют ни тела, ни психики, поэтому они вряд ли могут «заболевать» или впадать в состояние патологии. Самое большее, о чем можно здесь говорить, это «патогенные социальные системы»: у людей, живущих в таком обществе, развиваются соматические или психосоматические симптомы и наблюдается ухудшение психического и физического здоровья. Для дискутирования относительно подобных вопросов обратимся к практике социальных отношений в различных сферах общественной жизни, используя словарь британо-американского антрополога Грегори Бейтсона (Bateson Gregory, Бейтсон, 2000) и его концепции «двойного послания».

Каждый из нас может привести примеры, когда в своей повседневности мы сталкиваемся с необходимостью противостоять совершенно несовместимым требованиям, вызывающим чувство, что окружающий мир стал бессвязан, хаотичен, иррационален. К примеру, если в семье каждый из двух родителей требует от ребенка в отношении себя исключительного поведения, например, приоритетного внимания, то это создает для ребенка два противоположных послания – кому же все-таки в первую очередь оказывать внимание? – что в результате провоцирует его замешательство. В этом случае существует несколько путей для интерпретации ребенком сигналов родителей, от несоответствия «высказанного» и «невывыказанного» возникает внутренний дискомфорт. В современных обществах ситуации, где действуют такие противоречивые требования, множатся. Если впервые это явление исследовалось в сфере семейных отношений, то сегодня, как мы видим, оно может проявляться в сферах производства, образования, экономики и политики. В результате происходит непрерывное увеличение таких симптомов, как стресс,

профессиональное истощение, рост числа профессиональных заболеваний. Отдельные элементы подобной ситуации наблюдаются и в России.

Феномен несовместимых социальных требований как одна из причин возникновения социальной патологии исследуется в зарубежной социологии при помощи понятия парадоксальных посланий (Бейтсон, 2000) в различных сферах социальной реальности. Это понятие легло в основу идеи double bind (двойного увязывания), которая впервые была озвучена в 1956 г. Г. Бейтсоном и его сподвижниками из так называемой «группы Пало-Альто» (США) в ходе разработки теории возникновения шизофрении (Бейтсон, 2000). На уровне семьи они подробно изучали нарушения в характере коммуникации, когда одновременно высказываются противоречивые указания. Г. Бейтсон рассматривал эту ситуацию на примере общения некоторых матерей со своими детьми: на словах матери говорят, что они любят своих детей и рады их видеть, но при этом отстраняются, когда ребенок тянется в объятия. Если одна и та же рука одновременно тебя и гладит, и бьет, то в голове возникает смятение.

«Всякое слово или жест имеет два значения – буквальное и метафорическое. Бейтсон рассказывает о типологии отношений между ними и, конкретно, о последствиях их расхождений. Вся его философия есть апология метафорического, утверждение самостоятельного значения метафоры как особой сущности – семиотической, терапевтической, политической. Он рассказывает о том, что метафора – это не литературный троп, а логический тип коммуникации между людьми, животными, обществами и, возможно, компьютерами; что метафорический смысл сообщения живет своей жизнью и может систематически отличаться от его буквального значения; что субъект свободен или несвободен в выборе логического уровня, на котором он общается; что несвобода этого выбора ведет к тяжким последствиям вроде шизофрении» (Эткинд, 2000).

В отечественной литературе продолжается дискуссия по поводу перевода термина double bind как «двойной связи», «двойного увязывания» или же «двойного предписания». Однако, по нашему мнению, весь этот перечень переводов не передает основного семантического смысла термина double bind, в основе которого лежит коммуникативная ситуация, где субъект получает две противоречивые команды, принадлежащие к разным логическим типам коммуникации. Например, вербальное послание приказывает один способ действий, тогда как параллельно, в конкретных ситуациях, выражается противоречащее ему требование, которому следует подчиняться, если ты хочешь избежать наказания за его неисполнение. Пример такого предписания: «Приказываю тебе не выполнять моих приказов». Или девушка говорит своему молодому человеку: «Я хочу иметь от тебя ребенка, но, чтобы он не был похожим на тебя!» В таком случае оба предписания взаимно исключаются или блокируются. При этом субъекту запрещено возражать или хотя бы высказываться о том, что приказание запутанно, противоречиво.

Согласно подходу Бейтсона и его группы, ситуация «двойного послания» может стать предпосылкой к развитию в дальнейшем шизофрении, если подобная семейная ситуация присутствовала в детском опыте индивида. По идее Бейтсона, для развертывания такого «двойного послания» необходимо наличие ряда условий: подобное состояние может развиваться в ситуации тесных аффективных или материальных отношений с другим человеком или группой людей; послания касаются очень важных для него вопросов; человек, получающий такое послание, воспринимает противоречивые предписания на различных уровнях коммуникации – вербальном и невербальном; человек,

получающий «двойное послание», не может или не хочет прекращать общение и выйти из ситуации.

У человека, получающего «двойное послание», возникает стремление оправдаться перед собеседником или перевести разговор в иной контекст. К примеру: жена упрекает мужа в том, что тот давно не дарил ей подарков, акцентируя временной контекст. На что тот справедливо замечает, что подарил ей цветы неделю назад. В ответ супруга меняет контекст сообщения: цветы – это не подарки, или: неделю назад был праздник, а ей хочется получать подарки и просто так.

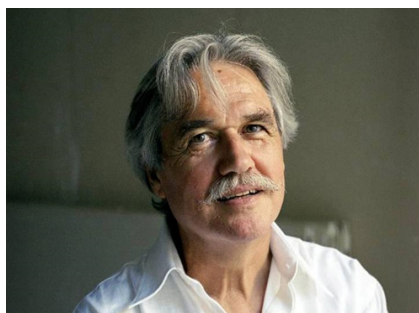
Хотя парадоксальные послания существуют только в форме слов и жестов, тем не менее, они оказывают серьезное травмирующее воздействие, создавая у получателя ощущение тупика, поскольку приходится выбирать между двумя неприемлемыми вариантами. В ответ сознание индивида раздваивается, он «тупеет», «тормозит» и так далее. Иными словами, вышеперечисленные условия создают систему коммуникации, при которой получатель становится жертвой, – а это приводит к тому, что он общается так, будто ожидает наказания и не имеет возможности высказывать своего мнения.

В своих исследованиях Г. Бейтсон показал, что ситуационный страх наказания и попытка его избежать постепенно приводят к формированию привычного типа поведения шизофреника, при котором человек избегает говорить от своего лица, стремясь к обобщениям – «мы», «с нами» – как будто стремится спрятаться, исчезнуть, быть незаметным для собеседника. Такой человек избегает также сообщать о том, какого рода сообщение он передает: буквальное или метафорическое, ироническое или прямое. Под воздействием парадоксального послания человек оказывается в ловушке. Как следствие, он обречен в межличностных отношениях на один из вариантов шизофренического поведения, описанный П. Вацлавиком (Нардонэ, Вацлавик, 2006).

Идентификация «двойного послания» стала дополнительным средством понимания и терапии патологических отклонений в системе коммуникации. «Двойное послание» может провоцировать блокировку коммуникации, что влечет за собой серьезные последствия в области индивидуальных патологий.

Фото 1. Британо-американский антрополог Грегори Бейтсон (1904–1980)

Фото 2. Винцент де Гольжак — французский социолог-клиницист, соавтор книги *Le Capitalisme paradoxant. Un système qui rend fou* (Вызывающий парадоксы капитализм. Оболванивающая система)

Бейтсон полагает, что шизофреник не способен различать уровень высказывания и уровень метавысказывания, поскольку в ситуации «двойного послания» любая его интерпретация будет грозить ему психологическими санкциями со стороны собеседника.

Первично мы начали анализировать последствия «двойных посланий» в психопатологических терминах на индивидуальном уровне. Изучение отдельного человека в его уникальной ситуации позволяет понимать механизмы и последствия такого процесса на более высоком уровне социальности (Witzeaele, 2008). Рассмотрим же влияние этого социального феномена на разных уровнях социальности.

Парадоксальные послания существуют не только на уровне и в пространстве отдельно взятого индивида. Французский социолог Э. Морен в своей теории комплексности (Morin, 1990) подчеркивает, что каждый элемент, принадлежащий к данной системе, содержит в себе характеристики этой системы как целостности. Каждый случай иллюстрирует процессы, имеющие место в организации в целом, и каждая организация является продуктом общества, производству которого она способствует. Отношения между индивидом, организацией и обществом носят системный и рекурсивный характер. Это означает, что каждый из них одновременно является продуктом и производителем того, что его производит: индивид или организация являются продуктами и производителями общества, которое их производит.

Коммуникативные ситуации «двойного послания» на семейном уровне

Здесь приходится сталкиваться с парадоксальными требованиями членов семьи друг к другу, которые не могут быть исполнены. Можно привести такие часто встречающиеся примеры, как: жена настаивает, чтобы муж был инициативным, брал на себя ответственность за ее благополучие, но в то же время вел ее только туда, куда желает она сама. Это создает два противоположных послания, которые провоцируют замешательство. Влияние на социум большого числа семей, имеющих шизофреногенную составляющую, в которых мать играет ведущую подавляющую роль, а мужчина недостаточно инициативен, огромно. Они делают наш мир повседневности во многом шизофреничным. Мы говорим и делаем не то, что хотим говорить и делать. Мы скрываем от других, а порой и от самих себя, свои чувства. Мы что-то утаиваем, все время выкручиваемся в надежде на выгоду, или всю жизнь жертвуем настоящим ради мифического будущего.

«Двойное послание» в общественных взаимодействиях

Американские авторы концепции «двойного послания» рассматривали шизофрению (раздвоение личности) не только как болезнь конкретного индивидуума, но как определенную системную модель отношений в обществе (Gaulejac, 2018). Утрата смысла, проживаемая многими современниками, является выражением постоянно пребывающего в состоянии кризиса общества в целом, процессы в котором все более и более становятся бессвязными и хаотичными. Растущий индивидуализм и, в терминологии Ж.-Ф. Лиотара, «кризис великих нарративов» (Лиотар, 1998) отгораживают людей от ориентиров, которые прежде определяли смысл и значимость существования. В социальной коммуникации более высокого уровня есть своя специфика: сообщение и контекст, как правило, находятся на разных уровнях и не соприкасаются. Контекст может прямо противоречить предписанию, но получатель

не в состоянии разрушить сообщение или устранить противоречие. На уровне предписывающих лозунгов и призывов мы имеем одно, а реальность преподносит нам обратное. Возможно расширить круг коммуникативных ситуаций «двойного послания». На предприятиях и на уровне общества в целом имеют место серьезные явления, связанные с подобными парадоксальными посланиями.

Социологи фиксируют возможность изменения социальных функций организаций, которые уводят ее деятельность в сторону от первичных целей, ради которых они изначально были созданы. С определенного момента эти организации кажутся более заинтересованными в обеспечении собственного воспроизводства, чем в выполнении миссии, которая оправдывала их создание. Первоначально задуманная как оперативная система для выполнения важной функции, организация скатывается к работе на собственное экономическое и личностное благополучие. В качестве примера можно привести деятельность государственных учреждений, подчиняющихся правилам управленческого менеджмента, которые извращают свою первоначальную функцию (образование, здравоохранение, научные исследования, охрана порядка), чтобы адаптироваться к стандартам международных рейтингов, к культуре клиента, к распоряжениям по сокращению персонала.

Парадоксы «двойного послания» в информационном поле

С одной стороны, в современном мире власти стараются максимально использовать прекрасную возможность декларировать разумную стратегию развития и выдавать свои фантазии за информацию о реальности, благородно приукрашивая отдельные ее черты. С другой стороны, разговоры в социальных сетях или, например, опубликованная на сайте WikiLeaks дипломатическая переписка становятся лучшим заменителем новостных программ на центральных каналах телевидения, разрушая сакральность власти. Перед лицом имеющегося несоответствия — диссонанса между тем, что он «видит», и тем, что он «должен был бы» видеть или испытывать, обыватель оказывается в ситуации парадоксального послания и рискует оказаться наказанным или почувствовать себя виновным — «безумным».

Последствия такого парадокса наблюдаются, например, в сфере образования (Покровский, 2004). В течение столетий университетское образование выстраивалось как просветительская миссия. Однако в современных условиях во всех западных странах и в России университетами ставится на первое место экономическая сторона, сводящаяся, в основном, к достойному поддержанию инфраструктуры и столь же достойному поддержанию деятельности преподавателей. Университеты превращаются в зарабатывающие деньги корпорации. Факультеты, кафедры и даже отдельные преподаватели рассматриваются теперь под особым углом зрения «доходоприносящих» студентов и «грантоспособных» преподавателей.

Критерий «доходоприносящих» студентов обнаруживается в новом статусе студентов как покупателей на рынке образовательных услуг, предлагаемых университетом. При этом используется ресурс иностранных учащихся, практически не владеющих языками обучения и получающих в результате обучения полноценные дипломы. С одной стороны, имеет место управление учебным процессом с использованием «мягких» технологий и бесконфликтности в отношениях со студентами-клиентами, а с другой стороны, российские университеты, лишившись своей исключительной роли, находятся со стороны государства под подозрением в том, что воспитывают не в нужной системе норм

и ценностей. В результате сотрудники вузов перестают ощущать, что служат интересам общества, наблюдается тот самый парадокс «двойного послания», о котором писал Бейтсон. Преподаватели проживают как травму необходимость ставить себя на службу новым ценностям, таким как эффективность, рентабельность, адаптация к рынку. В этом контексте, с того момента, как организация создает ценности, находящиеся в противоречии с общественными интересами и унаследованными от предшественников ценностями, происходит потеря смысла, демотивация и психологический стресс на рабочем месте.

Управленческая идеология в сфере труда рассматривает человека как ресурс, а не как субъекта. В ее логике, человек представляет собой рабочий инструмент для обслуживания финансовых, операционных, технических целей. Парадокс начинает использоваться в качестве инструмента управления (Gaulejac, 2009; 2018). Он заставляет сотрудников коллективно принимать методы управления, которые они не одобряют индивидуально.

Заключение

На основании приведенных примеров можно заключить, что семья, организация и общество могут стать создателями парадоксов. Длительное вынужденное нахождение в пространстве парадоксальных посланий ведет к расщеплению сознания и подчас даже к необратимым генетическим травмам, передающимся следующему поколению. Поэтому недостаточно провести анализ логики и структуры коммуникации. Необходимо проанализировать, вплоть до «разборки» всех винтиков, возникновение порождающих парадокс систем и то, как каждая из них способствует созданию парадоксов, а затем и их воспроизводству.

Рассматриваемая нами концепция «двойной связи» позволяет выйти за рамки медицинской психиатрии и открыть новые пути для междисциплинарного видения шизофрении как социального явления и постановки вопроса об ее социальной терапии. Если все мы получаем и направляем окружающим парадоксальные послания помногу раз на дню, то вполне логично поставить задачу научиться их отслеживать и противостоять им. Американский психотерапевт П. Вацлавик говорит, что единственным выходом из парадоксального цикла является прочтение его в новых рамках, т.е. анализ ситуации на другом уровне, в измененном масштабе (Нардонэ, Вацлавик, 2006). В соответствии с его логикой, существует несколько типичных вариантов позитивного развития событий – выхода из травмирующей ситуации:

1. Бегство на неопределенное время из ситуации коммуникации как крайняя стратегия.
2. Публичное заявление об абсурдности ситуации.
3. Использование юмора, что развивает открытость и спонтанность, создает новое пространство для раскрытия творческих возможностей.
4. Частичное или полное устранение предписывающего характера послания путем разведения понятий «должен выполнить», «быть в состоянии сделать» и «хотеть сделать что-либо».
5. Выход на уровень метакоммуникации, т. е. коммуникации по поводу коммуникации в системе.

Принимая во внимание вышеперечисленные предложения, социологи-клиницисты говорят о том, что для совладания с негативными последствиями парадоксальных посланий недостаточно иметь «правильные» теории. Их нужно еще перевести в понятные лозунги. Не следует забывать, что пресловутая российская «пассивность» является скорее свидетельством отсутствия

практических средств для цивилизованного публичного выражения предпочтений и несогласия.

Российское общество никогда так не нуждалось в знании о самом себе, в элементах самопонимания, чтобы противостоять событийной сложности и пресловутой «потере смысла». Тем не менее, это требование времени не стало пока обращением за помощью к социологии и к социологам. Все наоборот: социология, скорее, отстранена, если не сказать, просто отброшена в сторону, – несмотря на то, что позицию социологии закономерно связывают с социальными реформами, позволяющими индивидам стать рефлексивными субъектами, субъектами права, субъектами желания и, в целом, социально-ответственными гражданами, а не быть легко используемыми приспособленцами.

Концепции, которые легли в основу этой статьи, позволяют по-новому взглянуть на природу социальных патологий, что, в конечном счете, может помочь различным политическим институтам корректировать свою коммуникативную модель поведения для созидания здорового общества. Осознание обществом обсуждаемых аномалий в их статике и динамике определяет степень зрелости общества, дает возможность прогнозировать его будущее развитие.

Литература

Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М., 2000.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб., 1998.

Масалков И. К. Клиническая социология как пространство интервенции // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2009. № 5. С. 97–107.

Нардонэ Дж., Вацлавик П. Искусство быстрых изменений: Краткосрочная стратегическая терапия. М., 2006.

Покровский Н. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность? // Русский Журнал. Обзоры: Образование. 5 Августа 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/culture/education/20040805-pr.html> (дата обращения: 26.03.2018)

Фуко М. Рождение клиники. Археология врачебного взгляда. М.: Смысл, 1998.

Эткинд А. М. На пути к экологии разума // В кн.: Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. М.: Смысл, 2000.

Gaulejac V. (de) La société malade de la gestion. Paris, 2009.

Gaulejac V. (de) La Sociologie clinique, enjeux théoriques et méthodologiques/avec F. Hanique et P. Roche. Toulouse, 2012.

Gaulejac V. (de), Fabienne H. Le Capitalisme paradoxant. Un système qui rend fou. Paris, 2018.

Morin E. Introduction à la pensée complexe. Paris, 1990.

Wittezaele J.-J. La double contrainte. L'influence des paradoxes de Bateson en Sciences humaines. Bruxelles, 2008.

Дата поступления: 20.02.2019

Social pathology: a clinical approach to the world of everyday reality

DOI: 10.19181/inter.2019.17.7

Igor Masalkov

Masalkov Igor – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov, igormasalkov@yahoo.fr.

The clinical view on the situation of a complicated society and the increase in the number of social pathologies raises the question of the possibilities of social therapy. The concept of paradoxical messages is of particular interest here. Its cornerstone is the idea of a «double bind» which was first described in 1956 by G. Bateson when developing the theory of schizophrenia. The logical basis of the double bind is a requirement based on two contradictory commands. Paradoxical messages carry a very serious traumatic effect. The concept of the «double bind» considered schizophrenia not as a disease of a particular individual, but as a certain system model of relations in society, as a social phenomenon. The question of its social therapy is becoming urgent. The science of society also have adopted this concept of «double bind», applying it to the analysis of political discourse, and also to the analysis of the practice of international relations.

Keywords: clinical approach, degradation of social relations, double bind, paradoxical message, social schizophrenia, analysis of political discourse, responsibility of the authorities for their words and actions

References

- Bateson G. (2000) *Ekologiya razuma: Izbrannyye stati po antropologii, psixiatrii i epistemologii* [Mental Ecology: Selected Essays on Anthropology, Psychology and Epistemology]. Translated by D. Ya. Fedotova. M. P. Papusha. Moscow.
- Lyotard Zh–F. (1998) *Sostoyaniye postmoderna* [The State of Postmodernity]. Translated by N. A. Shmatko. SPb.
- Masalkov I.K. (2009) *Klinicheskaya sotsiologiya kak prostranstvo interventsii* [Clinical Sociology as the Space for Interpretation] Interaction. Interview. Interpretation, no 5, pp. 97–107.
- Nardone Dzh., Vatslavik P. (2006) *Iskusstvo bystrykh izmeneniy: Kratkosrochnaya strategicheskaya terapiya* [The Art of Quick Change: shorter-term strategy of therapy]. M.
- Pokrovsky N. (2004) *Korporativnyy universitet: utopiya. antiutopiya ili realnost?* [Corporative University: Utopia, Antiutopia or Reality] *Russkiy Zhurnal*. URL: <http://www.russ.ru/culture/education/20040805.html>
- Foucault M. (1998) *Rozhdeniye kliniki: Arkheologiya vrachebnogo vzglyada* [The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception]. M.: Smysl.
- Etkind A.M. (2000) *Na puti k ekologii razuma* [On the Way to Mental Ecology]. In: Bateson G. *Mental Ecology: Selected essays on anthropology, psychology and epistemology*. Translated from English. M.: Smysl.
- Gaulejac V. (de) (2009) *La société malade de la gestion*. Paris.
- Gaulejac V. (de) (2012) *La Sociologie clinique, enjeux théoriques et méthodologiques/ avec F. Hanique et P. Roche*. Toulouse.
- Gaulejac V. (de) (2018) *Fabienne H. Le Capitalisme paradoxant. Un système qui rend fou*. Paris.
- Morin E. (1990) *Introduction à la pensée complexe*. Paris.
- Witzezaele J.-J. (2008) *La double contrainte. L'influence des paradoxes de Bateson en Sciences humaines*. Bruxelles.

Received at: 20.02.2019

Авторы номера

- Багина Яна** магистрантка факультета социальных наук НИУ ВШЭ
- Жобер Вероника** заслуженный профессор Сорбонны, главный редактор журнала «La Revue russe»
- Здравомыслова Ольга** доктор философских наук, исполнительный директор Международного фонда социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд)
- Крихтова Татьяна** научный сотрудник лаборатории социологии религии ПСТГУ
- Масалков Игорь** кандидат философских наук, старший научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
- Мерт Ахмет** магистр программы «Комплексный социальный анализ» НИУ ВШЭ, ассистент департамента социологии НИУ ВШЭ
- Рождественская Елена** доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Интеракция. Интервью. Интерпретация.
№ 17. Том 11. 2019
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

*Научный журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» учрежден на заседании
Президиума Общественной организации «Российское общество социологов»
и выпускается с 2002 г.*

*Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 14 сентября 2018 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688*

**Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.
Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку
зрения редакции.**

**Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения
редакции.**

Редакционная коллегия

Семенова В. В. (главный редактор), Институт социологии ФНИСЦ РАН
Рождественская Е. Ю., НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН
Тартаковская И. Н., Институт социологии ФНИСЦ РАН
Стрельникова А. В., НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН
Сушко П. Е. (отв. секретарь), Институт социологии ФНИСЦ РАН
Масалков И.К., МГУ имени М.В. Ломоносова

Корректор:

Шурман Н.В.

Макет:

Стрельникова А.В.

Адрес редакции:

117218, г. Москва,
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513
Тел.: (499) 128-86-18
e-mail: inter.fnisc@gmail.com
Размещение журнала: www.inter-fnisc.ru

*Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей изложены на
официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru*

© ФНИСЦ РАН